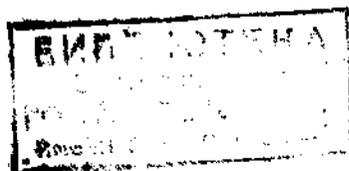

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В О П Р О С Ы Я З Ы К О З Н А Н И Я

5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1952

0951

СО Д Е Р Ж А Н И Е

А. В. Федоров. Основные вопросы теории перевода	3
Г. В. Степанов. О стиле художественной литературы	23
П. С. Кузнецов. Вопросы сравнительно-исторического изучения славянских языков	38

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. П. Абаев. О принципах этимологического словаря	56
М. Н. Петерсон. О составлении этимологического словаря русского языка	70

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Б. А. Грифцов. Заметки по технике перевода	79
--	----

КРИТИКА БУРЖУАЗНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

О. С. Ахманова. О методе лингвистического исследования у американских структуралистов	92
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. А. Звегинцев. <i>Carl Darling Buck, A dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages</i>	106
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Э. Б. Агаян. Языкознание в Армении	110
Э. В. Сепортян. Языкознание в Узбекистане	116

В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Е. А. Земская. Заседание Ученого совета Института, посвященное второй годовщине опубликования трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания	122
И. Б. Кузьмина, О. Н. Мораховская. Диалектологическая конференция	128
А. Н. Робинсон. Научная конференция аспирантов	132

Р е д к о л л е г и я :

С. Г. Бархударов, Н. А. Васкаков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии),
Р. А. Будагов, В. В. Виноградов (главный редактор), А. И. Ефимов,
Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев (зам. главного редактора),
В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18/2, тел. К-4-01-28.

Т-07716 Подписано к печати 4.X. 1952 г. Тираж 15000 экз. Зак. 442
Формат бум. 70×108^{1/16} Бум. лист. 4^{1/4} Печ. л. 11,64 Уч.-изд. л. 13,5

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

А. В. ФЕДОРОВ

(ЛЕНИНГРАД)

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Интерес, который вопросы перевода издавна возбуждали и возбуждают сейчас у филологов различных специальностей, — не случаен.

Сама по себе практическая важность задач, разрешаемых переводом литературных произведений, научных трудов, документальных материалов и т. п., политическая, художественная, общекультурная, познавательная роль перевода, казалось бы, в достаточной мере мотивируют и объясняют этот интерес. Причины его, однако, не ограничиваются непосредственно только практической стороной вопроса.

Сопоставление в процессе перевода разных языков ставит ряд существенных теоретических вопросов из области грамматики, лексики, семантики, стилистики каждого из сопоставляемых языков в отдельности и в их отношении друг к другу. Постановка и рассмотрение этих вопросов представляются делом плодотворным как для теории перевода, так и для различных областей изучения соответствующих языков; ведь при сопоставлении двух разных языковых систем ярче освещаются своеобразие и закономерности каждой из этих систем. Что же касается изучения перевода, то оно и вообще не может сколько-нибудь успешно идти вперед, если не будет опираться на сравнение соответствующих языков в их специфике.

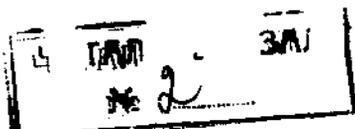
Перевод в практическом разрезе является языковой задачей, а в разрезе теоретическом — языковедческой проблемой.

В переводе мы имеем дело с передачей мыслей, первоначально высказанных на одном языке и сообщаемых читателю или слушателю, говорящему на другом языке. А так как оголенных мыслей, свободных от языкового материала, не существует и реальность мысли проявляется в языке¹, то и передача мыслей осуществляется только с помощью языковых средств.

Из этого положения может быть сделан конкретный вывод о необходимости такого способа выражения в переводе мысли подлинника, который доносил бы ее до читателя со всей отчетливостью и полнотой. Это вместе с тем означает необходимость соответствия перевода общепринятой норме языка, на который делается перевод. Таково первое условие понятности перевода, его доступности для читателя.

¹ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 39, а также стр. 45—47.

138/3

Содержание переводимого подлинника непосредственно и неразрывно связывается с формами языка, на котором он создан.

Процесс перевода, как бы он ни был психологически сложен, не может вызывать «оголения» мысли, т. е. не допускает какого-то промежуточного ее состояния, когда она, якобы отделившись от языковой формы подлинника и еще не воплотившись в формы другого языка, существовала бы «сама по себе», как некая бесплотная сущность.

Конечно, в сознании переводчика не сразу возникают вполне отчетливые и связанные предложения или словосочетания его родного языка, в которых отражался бы подлинник. Процесс перевода может пройти целый ряд стадий, на последней из которых и будет достигнута полная четкость и связность оформления образов, вызываемых подлинником. Но, независимо от степени четкости, эти образы на любой из стадий имеют языковой характер: «Идеи не существуют оторванно от языка»².

Решающая в переводе роль языковых средств, как средств передачи неразрывного единства, образуемого в подлиннике содержанием высказывания и средствами выражения, специальных доказательств, нам думается, не требует. По отношению же к работе переводчиков из всего сказанного следует вывод о необходимости пристальнейшего внимания к языковой форме подлинника, в которой раскрывается его содержание, и о необходимости тщательных поисков соответствующих по смысловой и эмоциональной роли средств того языка, на который делается перевод — именно в целях полноценного отображения подлинника.

Круг языковой деятельности, охватываемой понятием «перевод», очень широк. Но при всем своеобразии требований к переводу, вызываемых характером переводимого материала, общими для всех видов переводческого труда являются два положения: 1) цель перевода — как можно ближе познакомить читателя (или слушателя), не знающего языка подлинника, с данным текстом (или содержанием устной речи); 2) перевести — это значит выразить точно и полно средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого языка в неразрывном единстве содержания и формы. В полноте и точности передачи — отличие собственно перевода от переделки, пересказа, сокращенного изложения.

Система языковых средств, используемых в переводе, требует анализа и оценки, с одной стороны, в соотношении со смыслом и стилем подлинника, с другой стороны, в плане соответствия нормам того языка, на который сделан перевод, и его стилистическим возможностям.

*

Всякое произведение оригинального творчества, выраженное в слове — в области художественной, научной литературы, публицистики, газетного текста, — является плодом работы человека, свободно владеющего тем языком, на котором он пишет. У писателя это свободное владение средствами родного языка и его стилей, умение применяться к их нормам может принимать разные формы — в зависимости от эпохи, от литературных принципов, от характера дарования. Иногда писатель в известных (как правило — очень ограниченных) пределах сознательно отклоняется от того, что привычно или литературно узаконено в его родном языке, например, нарушает синтаксическое согласование, чтобы приблизить язык к непринужденности разговорной речи, что встречается у Льва Толстого, или показывает всякого рода неправильности в речи

² К. Маркс, Экономические рукописи 1857—1858 гг., Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 99.

действующих лиц, что мы часто видим, например, в ранних рассказах Чехова, в английской литературе — у Диккенса в «Записках Пиквикского клуба», во французской литературе — у Мопассана в рассказах из крестьянского быта, у Барбюса — при передаче просторечия в разговорах солдат в романе «В огне» и т. д. Сюда относится использование диалектизмов, всякого рода специальных слов-профессионализмов, в известных случаях — архаизмов, т. е. элементов, отклоняющихся от современной словарной нормы. Но, прибегая к подобному рода отклонениям, автор всегда ориентируется на литературный язык своей эпохи, по контрасту с которым и на фоне которого эти отклонения только и могут восприниматься.

Всякого рода попытки перевести дословно тот или иной текст или отрезок текста приводят если не к полной непонятности этого текста, то во всяком случае к тяжеловесности, к неясности, словом, — к неудовлетворительности перевода.

Одной из черт такого неудовлетворительного перевода в области словаря иногда является обилие лексических заимствований из языка подлинника, терминов, для которых в языке, на который делается перевод, еще не найдены точные соответствия. Так, в переводах политических и научного материала на некоторые из языков народов СССР в настоящее время встречаются многочисленные лексические заимствования из русского языка, для которых (во всяком случае, для известной части их) могут быть найдены и национальные соответствия.

Часто неполноценность языка в переводе оказывается прямым следствием неудовлетворительного, неясного понимания подлинника, результатом незнания иностранного языка или незнания тех вещей, о которых в подлиннике идет речь. Так как непосредственная действительность мысли — это язык³, то сама собой разумеется теснейшая связь между пониманием действительности, нашедшей свое отражение в оригинале, знанием языка оригинала и характером активного применения того языка, на который делается перевод. Исключительно отчетливо прослеживается эта связь на примерах тех ошибок, которые Маркс в письмах к В. Бракке приводит из неудачного немецкого перевода книги Лиссагаре о Коммуне: непонимание того, о чем идет речь, ведет к непониманию слова или словосочетания даже в узком контексте, а отсюда — и непонятность соответствующего места в переводе (таков, например, случай, когда французское *Hôtel de Ville*, метонимически употребленное в значении правительства, заседавшего в здании ратуши, было понято переводчицей в прямом смысле, просто как обозначение здания)⁴. Об этой же связи говорят и примеры, приводимые Энгельсом в статье «Как не следует переводить Маркса»⁵.

Г. В. Плеханов в первой из двух рецензий на книги Г. Лансона по истории французской литературы формулирует общеобязательные требования к переводчику: «Вы хотите переводить? Это хорошее намерение, но помните, что вы должны знать, во-первых, тот язык, с которого переводите; во-вторых, — тот, на который делается ваш перевод; в-третьих, тот предмет, о котором идет речь в переводимом вами сочинении. Если не соблюдено хоть одно из этих условий, то вам лучше вовсе не браться за перо, потому что ваш перевод будет плох, и вы только введете читателей в заблуждение»⁶. Плохое качество рецензируемого перевода Пле-

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 434.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 462.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 230.

⁶ Г. В. Плеханов, Искусство и литература, Гослитиздат, М., 1948, стр. 835.

ханов объясняет тем, что «переводчик недостаточно владеет французским языком»⁷; об этом, как явствует из приводимых Плехановым примеров, можно судить и по характеру русского текста, представляющего случаи и бессмыслицы и явного смыслового противоречия.

Естественно, однако, что наряду с такими случаями встречаются ошибки, которые могут быть вскрыты только при сличении с подлинником, т. е. ошибки не самоочевидные, не изобличаемые качеством переводного текста, запятанные, так сказать, вглубь и маскируемые смысловой гладкостью и грамматической правильностью языка перевода.

Полноценность языка в переводе, степень соответствия его общенародным нормам играют столь существенную роль еще и потому, что понятие языка неразрывно связано с понятием стиля, который возникает как результат отбора определенных возможностей, существующих в общенародном языке или представляющих легкое отклонение от его нормы.

Язык всегда выступает в конкретных формах стиля, будь то один из речевых стилей общенародного языка с известной индивидуальной окраской, вносимой в него говорящим или пишущим, или индивидуально-художественный стиль, свойственный творческой манере отдельного писателя, или стиль целой литературной школы. А стиль всегда предполагает свободное и твердое, нескованное владение общенародным языком в пределах его живой действующей нормы.

Именно поэтому так ошутим в составе оригинальных литературных произведений всякий переход от общелитературного языка авторского повествования и речей персонажей к характерным формам письменноканцелярских стилей, содержащих зачастую архаические, тяжеловесные обороты, специфические профессиональные выражения, или, наоборот, к элементам просторечия или даже диалекта. В силу подобного перехода возникают стилистические контрасты.

Когда, например, Бальзак на последних страницах «Эжени Гранде» питирует брачный контракт де Бонфона и Эжени, он делает именно такое отступление от общенародной литературно-языковой основы своего стиля в сторону одного из узко-профессиональных речевых стилей — канцелярского. Передача такого отступления в языке перевода становится возможной только на фоне общелитературной речи всего остального текста.

Сравним подлинник и перевод Ю. Н. Верховского:

«...les deux futurs époux se donnaient l'un à l'autre, au cas où ils n'auraient pas d'enfants, l'universalité de leurs biens, meubles et immeubles, sans en rien excepter ni réserver, en toute propriété, se dispensant même de la formalité de l'inventaire, sans que l'omission du dit inventaire puisse être opposée à leurs héritiers ou ayant cause, entendant que la-dite donation soit...»

«...оба будущие супруга отдавали друг другу, в случае отсутствия детей, в полную собственность всю совокупность своего движимого и недвижимого имущества, ничего не исключая и не выделяя из него, освобождаясь даже от формальной описи, причем опущение вышеуказанной описи не может служить поводом для отвода их наследников или лиц причастных ввиду того, что упомянутая отдача в собственность...» и т. д.⁸

Отступление от общелитературной нормы заключается здесь прежде всего в особой синтаксической сложности, намного превышающей ту, какую в собственной авторской речи иногда позволяет себе и сам Бальзак, в широком использовании профессионализмов и юридических терминов, в педантическом повторении отдельных слов и т. д. В цитированном

⁷ Г. В. Плеханов, *Искусство и литература*, стр. 835—836.

⁸ Б а л ь з а к, *Избр. произв.*, Гослитиздат, 1949, стр. 411.

переводе это отступление имеет, может быть, не столь резкий характер, но окраска канцелярски-деловой речи с ее профессионализмами явно ощутима.

Передача подобных контрастов была бы в переводе невозможна вне общелитературного языка, который служит общим фоном и является предпосылкой точности перевода как в том случае, когда оригинал не заключает в себе никаких нарушений нормы, так и в том случае, когда они в нем есть и передача их возможна⁹.

Средства, использованные для выражения определенного содержания в подлиннике, и средства, служащие для передачи их в переводе, всегда непосредственно связаны с сущностью специфики соответствующего языка — его грамматическим строем и словарем.

Во всяком тексте эти две стороны языка органически связаны друг с другом.

Необходимо глубоко проникнуть в ту связь, которая существует между словами, с одной стороны, и грамматическими формами, благодаря которым они соединяются в предложения, — с другой. Ни отдельные слова, ни грамматические формы, как таковые, не могут быть и не бывают исключительным предметом внимания со стороны переводчика, не могут передаваться «сами по себе», т. е. без учета того стройного осмысленного целого, которое они образуют. Связь между теми и другими осуществляется в предложении, в целом ряде предложений, словом — в определенном контексте, где каждый словарный элемент и грамматическая форма получают свое значение. Поскольку в разных языках часто не совпадает объем значения отдельных слов и постоянно не совпадают грамматические формы, постольку выбор в переводе нужных слов и грамматических форм возможен, только исходя из того осмысленного целого, которое представляет собой подлинник. Иначе говоря, необходимо глубочайшее внимание и к смыслу слов и к грамматическим формам в их взаимосвязи.

Язык, на который делается перевод, может содержать такие специфические элементы, которым нет соответствия в языке подлинника и которые все же не могут не использоваться при переводе (например, категория вида в русском языке, отсутствующая в большинстве западноевропейских языков, или форма русского деепричастия, не имеющая прямых соответствий в немецком языке). Выбор соответствий специфическим элементам языка подлинника и применение специфических элементов того языка, на который делается перевод, определяются контекстом, всей взаимосвязью элементов. Так, например, смысловая функция определенного и неопределенного артикля романских и германских языков может быть хотя бы отчасти воспроизведена по-русски с помощью разного порядка слов: соответствием функции определенного артикля часто является постановка данного существительного в начале предложения, соответствием же функции неопределенного артикля — постановка существительного в середине или в конце; передача значений видовых форм русского глагола в тех языках, где грамматической категории вида не существует, возможна с помощью добавочных лексических средств, в частности, временных наречий и т. д.

Контекст перевода, как целое, компенсирует и выравнивает в той или иной степени (часто весьма значительной) формальное несоответствие в отдельных деталях. Требования же литературного языка, на который делается перевод, равно как и требования передачи смысла подлинника, не отделимы от стилистических требований, которые ставит текст ориги-

⁹ Ср. в том же переводе передачу отступления от нормы в пределах одного слова: — *C'est du café bouillu, — dit Nanon.* — Это *взваренный* кофе, — сказала Нанон.

вала. Выполнение первых является основной предпосылкой выполнения последних.

Понятие контекста, как целого, исходя из которого может быть определена правильность перевода отдельного элемента, — понятие, конечно, не абсолютное, а зависящее от конкретных условий. Поэтому мы и говорим иногда об узком, иногда о более широком контексте, вкладывая различное содержание в это понятие. Но понятие контекста всегда предполагает тесную связь с системой того стиля, к которому принадлежит переводимый подлинник и в котором он воссоздается на другом языке. Применение словарных и грамматических возможностей языка как в подлиннике, так и в переводе осуществляется в конкретных системах стиля.

*

Вопрос о речевых стилях общенародного языка в его отношении к вопросам перевода до сих пор почти не разработан, если не считать замечаний и соображений общего порядка. Мало разработан он и в разрезе лингвистическом. Единственная область, где он освещен сравнительно полно, — это история русского языка XVIII—XIX вв.¹⁰ В отношении к современности он ставился лишь эпизодически¹¹. Этот вопрос принадлежит к числу тех, которые еще очень мало затрагивались, особенно мало — применительно к языкам зарубежным¹².

То обстоятельство, что так мало исследованы речевые стили отдельных конкретных языков, конечно, не могло не отразиться на теории перевода, где вопрос о специфике перевода различных видов материала ставился до сих пор и редко и в чрезвычайно общей форме. Преимущественно при этом внимание обращалось на степень и характер точности, какая требуется в связи с характером материала, признаки которого, однако, не уточнялись.

Естественно, что каждая из разновидностей материала и ее подразделений ставит особые требования к переводу. То, что, например, может быть признано точным и правильным в переводе научного или делового текста, легко может оказаться неправильным при переводе литературы художественной, где подлинная точность часто достигается именно путем отступлений от дословной передачи.

В статье «О мере точности в переводе» Л. Н. Соболев пишет: «...мера точности меняется в зависимости от цели перевода, характера переводимого текста и читателя, которому перевод предназначается»¹³. С точки зрения требуемой «меры точности» Л. Соболев рассматривает переводимый материал по трем основным группам текстов — художественных, публицистических и деловых (к которым, по смыслу его статьи, могут быть

¹⁰ См. В. В. Виноградов, *Очерки по истории русского литературного языка XVIII—XIX вв.*, М., 1938.

¹¹ См., например, статью Ю. С. Сорокина «Просторечие как термин стилистики», «Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского гос. ун-та», вып. 1, 1949.

¹² В качестве попытки поставить его и наметить вехи в его решении для английского языка следует назвать статью Н. Н. Амосовой «К проблеме языковых стилей в английском языке в связи с учением И. В. Сталина об общенародном характере языка», «Вестник Ленинградского гос. ун-та», 1951, № 5.

¹³ Сб. «Вопросы теории и методики учебного перевода», М., 1950, стр. 143. Этот же вопрос — о разных требованиях к переводу в зависимости от различий жанра — ставился раньше в учебнике М. М. Морозова «Техника перевода научной и технической литературы с английского языка на русский» (Московский институт заочного обучения иностранным языкам, 12 выпусков, 1932—1935) и в моем учебнике «Теория и практика перевода немецкой научной и научно-технической литературы на русский язык» (то же изд-во, М., 2-е изд., 1937—1941, 11-й вып.).

отнесены и научные тексты); для каждой из этих групп автор определяет особые критерии точности перевода¹⁴.

Однако, правильно указав на различие требований к переводу, вызываемых разными условиями и разными задачами переводческой работы, Л. Соболев не пошел дальше установления факта различия и специфики переводческих задач и общей, суммарной классификации. Теперь, после опубликования работ И. В. Сталина по языкознанию, мы можем подойти к определению жанрово-стилистического своеобразия различных типов литературного, научного и т. п. материала с точки зрения тех основных специально языковедческих понятий, которыми обогатили науку эти гениальные труды.

Первоочередной задачей теории перевода в вопросе о типах материала должно явиться определение своеобразия каждого из них по признаку соотношения в них элементов основного словарного фонда с элементами различных категорий и пластов словарного состава языка и с точки зрения отбора и использования различных возможностей грамматического строя.

Различия в составе языковых средств двух разных языков, естественно, создают известные практические трудности при переводе, но, разумеется, далеко не означают невозможности найти функциональные соответствия. В то же время, наряду с задачей практического преодоления этих трудностей перевода, встает теоретическая задача обобщения особенностей переводческой работы в области разных жанров. Эта теоретическая задача — не абстрактна, и выполнение ее может принести ту практическую пользу, что наполнит конкретным языковым содержанием понятие степени точности перевода, предполагаемой тем или иным видом материала.

В работах о переводе, если дело не ограничивалось в них вопросом о литературе художественной, материал разбивался обычно на три группы: 1) тексты газетно-информационные, документальные и специально научные, 2) произведения публицистические, 3) произведения художественной литературы¹⁵. При этом обычно указывалось, что существуют и переходные или смешанные типы материала, например, в художественной литературе — произведения на производственные темы, с обилием терминов, фактических сведений и т. п.; в научной литературе — произведения популярного характера с использованием выразительных средств художественной образности.

Критерий такой классификации — явно стилистический: это учет роли, выполняемой той или иной категорией языковых средств (терминов, фразеологии, характерной для данного жанра, преобладающих в нем синтаксических конструкций, образных и эмоционально окрашенных элементов словаря и грамматики и т. д.) в связи с общим характером содержания. Но конкретность эта классификация может приобрести только в свете изучения соотношения — в пределах каждого жанра — грамматических черт с категориями основного словарного фонда и словарного состава языка.

Элементы основного словарного фонда во всех типах литературного, книжно-письменного, устно-речевого материала образуют ту основу, благодаря которой вообще возможно понимание. Они составляют тот фон, на котором выделяются, с которым в определенное отношение вступают различные элементы словарного состава языка.

Для текстов газетно-информационных, документальных и специально научных, насыщенных фактическим материалом, характерно наличие

¹⁴ См. «Вопросы теории и методики учебного перевода», М., 1950, стр. 152, 154.

¹⁵ Это же деление, только в обратной последовательности — в связи с критерием точности — принимает и Л. Соболев в упомянутой статье.

терминов, выделяющихся на фоне слов основного словарного фонда, и наличие некоторых фразеологических комплексов, обычных в данном жанре. Чем специальнее текст по своему содержанию, тем выше частотность терминов — по крайней мере, как правило, как основная тенденция. В текстах научно-популярных, по самому характеру разрешаемой в них задачи, эта частотность, естественно, гораздо ниже. Для всей этой категории материала характерно отсутствие слов с яркой стилистической окраской (архаизмов, просторечных слов, слов поэтической речи и т. п.). Для литературы по общественным наукам и по философии показательное частичное использование образной идиоматики языка, что почти не наблюдается в области точных наук, в официальном документе и в газетно-информационном тексте. Для всего этого разряда материала характерно использование слов в их прямых значениях или — в случаях редких — языковых тропов, не играющих специальной стилистической роли.

Следующую разновидность материала с точки зрения особенностей речевого стиля должно выделить из состава литературы по общественным наукам (историческим, экономическим, философским), из литературной критики, газетно-журнальной публицистики, а также из области ораторской речи: это те произведения, в которых отчетливо выражена пропагандистская или агитационная установка, которые затрагивают жизненно важные интересы и сочетают в себе черты научной речи (терминология) с чертами стиля художественной литературы (образные элементы, эмоциональная окраска речи). К этой категории в первую очередь относятся труды классиков марксизма-ленинизма, занимающие и в ней совершенно исключительное место по органичности сочетания художественного и научного стиля, работы их учеников и последователей, произведения классиков русской революционно-демократической критики. Для этого разряда произведений типично сравнительно умеренное применение терминов, часто приближающихся к общеупотребительным словам, и широкое применение слов с разнообразной стилистической окраской (не только элементов образной идиоматики, но и просторечия, архаизмов в ироническом употреблении и т. п.). Стилистически действенные тропы разных типов встречаются здесь сравнительно редко, но играют важную роль, выделяясь на фоне слов, употребленных в прямом смысле.

Литература художественная, являющаяся прежде всего искусством с исключительно широким диапазоном средств и преломляющая в себе различные как книжно-письменные, так и устно-речевые стили, представляет необыкновенное разнообразие лексических элементов. Отличием ее словаря от словаря литературы научной является отсутствие терминов или редкость их, причем в тех случаях, когда они и встречаются (например, в произведениях с производственной, военной и т. п. тематикой), они играют подчиненную роль. Другая черта отличия — широкое применение диалектизмов, профессионализмов, архаизмов, слов иностранного происхождения, элементов просторечия и т. д. Столь же широк в художественной литературе диапазон использования разных возможностей словоупотребления — прямых и переносных значений слов, тропов языковых и стилистически действенных. Разумеется, все эти черты не являются непременной принадлежностью всякого произведения или творчества любого автора.

С точки зрения грамматических (преимущественно — синтаксических) особенностей рассмотренные три группы материала не поддаются столь четкой градации, но все же и здесь можно наметить некоторые закономерности.

Для первой группы характерна ориентация на книжно-письменную речь, с преобладанием сложных предложений самого различного объема,

без всяких элементов, указывающих на связь со стилем устной речи, кроме разве таких, принятых и в научном изложении, оборотов, как «теперь посмотрим», «вот, например...», «или еще один пример» и т. п.; они, конечно, связаны с устно-монологической речью лектора или докладчика, но являются столь же употребительными и в книжно-письменной форме речи и не имеют специальной стилистической окраски, которая контрастировала бы с их общим окружением. Для синтаксиса всего этого разряда материала показательна двусоставность предложений, и лишь в некоторых более специальных разновидностях текстов закономерным оказывается применение предложений односоставных или «неполных»: например, в статьях энциклопедических словарей, в технических справочниках и инструкциях, каталогах, описаниях поставок нередко отсутствует то сказуемое, то подлежащее, опускаемое ради краткости, если оно подразумевается по контексту, совпадая, например, с заглавным существительным статьи в энциклопедии или в справочнике или с подлежащим предыдущего предложения. В подобных синтаксических особенностях не следует видеть специального средства, которым выражалось бы индивидуальное отношение автора к содержанию высказывания и подчеркивались бы определенные моменты в нем; в них можно усмотреть характерный стилистический признак этих узких разновидностей научного и научно-технического материала, связанный, во-первых, с принципом краткости и сжатости в подаче сведений и, во-вторых, с отсутствием какой бы то ни было индивидуальной окраски (и то и другое составляет здесь отличительную черту).

В специально научном, научно-техническом, документальном и газетно-информационном материале встречаются словесные повторения, формально тождественные с теми, какие постоянны в литературе художественной и общественно-политической, в публицистике и ораторской речи, — в начале соответствующих отрезков текста — предложений, абзацев, в конце их; встречается параллелизм в построении предложений, абзацев и т. п. Но здесь эти синтаксические средства выступают лишь в роли средства логического членения речи.

Во второй группе материала, т. е. в произведениях общественно-политической литературы, критики, в публицистике, в ораторской речи, где, наряду с сообщением определенного содержания, преследуются цели агитационно-пропагандистского воздействия на читателя или слушателя, средства синтаксиса играют гораздо более активную роль. Правда, предложения и здесь отражают нормы книжно-письменной речи, исключая разговорные эллипсы, случаи несогласования между отдельными членами и т. п., но в них временами, по ходу изложения, могут проступать черты, типичные для устно-речевого стиля: обращения, эмоционально окрашенные восклицательные или вопросительно-риторические конструкции. Именно в этих особенностях сказывается индивидуальное отношение автора к выражаемому содержанию. Синтаксический параллелизм, повторения слов и словосочетаний здесь не являются случайными и служат одновременно целям как логического членения речи, так и эмоционального подчеркивания и усиления.

В художественной литературе разнообразие речевых стилей, связанное с многообразием изображаемой действительности и различных индивидуальных оттенков отношения к ней, проявляется в исключительном богатстве и широте синтаксических средств. Последние сочетают в себе здесь как черты книжно-письменной, так и устно-разговорной речи, которая, разумеется, принимает разные формы в составе литературного произведения в зависимости от эпохи, страны, идейно-художественного направления и индивидуальной манеры писателя, но во всяком случае

всегда играет в нем очень большую роль. Переходы от сложных построений к простым и коротким фразам, чередование тех и других, сочетание «полных» предложений со всякого рода эллипсами, анаколумами, оборванными предложениями приобретают здесь значение средства, выражающего очень сложные оттенки отношения автора или действующих лиц к изображаемой действительности и представлены с исключительным разнообразием. Все это действительно служит задаче построения художественного образа и целям речевой характеристики героев, опирающейся на художественное использование и разнообразное сочетание разностилевых средств.

Разумеется, не всегда все обилие синтаксических возможностей проявляется в составе одного произведения. Но дело, конечно, не в отдельных индивидуальных случаях, а в закономерной для художественной литературы общей широте использования языковых средств и богатстве ее путей в целом.

Нами рассмотрены в общих чертах лишь основные виды материала, который может явиться объектом переводческой работы. Мы не пользовались понятиями нейтрального (или более нейтрального) стиля и стиля выразительного, хотя противопоставление текстов газетно-информационных, специально научных и документальных, с одной стороны, и литературы общественно-политической и художественной, — с другой, казалось бы, и было возможно на основе этих понятий. Но дело в том, что понятие какого-то «нейтрального» стиля, т. е. стиля сухого, лишённого образности, эмоциональности, — понятие очень относительное, ибо самое отсутствие этих свойств составляет отчетливый, хотя и негативный стилистический признак.

Исходя из этого, можно сказать, что задача перевода остается стилистической задачей при любом материале: она состоит в таком отборе лексики и грамматических средств (форм, конструкций), который определяется, с одной стороны, общей целенаправленностью подлинника и, с другой, соблюдением тех норм, какие существуют в языке для данного жанра.

Как уже отмечалось, стиль отдельных жанров проявляется в чертах, специфических для него именно в системе данного языка и требующих при переводе функциональных, а не формальных соответствий. Задача перевода может быть проще или сложнее в зависимости от характера подлинника; но говорить о том, что в одних случаях (например, в переводе текстов научных, информационных и т. д.) она сводится к передаче содержания, а в других — к передаче также и формы, было бы грубейшей ошибкой. Во всех случаях передается единство содержания и формы, и разница обусловлена характером соотношения между тем и другим и степенью разнообразия элементов формы и сложности образуемого ими сочетания. Различиями в этом соотношении определяется и разница требований к характеру точности перевода в разных жанрах, в разных типах материала. Дело идет, конечно, вовсе не о том, что для определенных текстов предполагается, или требуется, или допускается большая или меньшая точность, а в том, что различно само качество этой точности. Так, для текста научного — и в подлиннике и в переводе — характерны роль термина и соответствие нормам терминологии в данном языке; построение же фразы, служа целям ясной и исчерпывающей передачи мысли, других целей здесь не преследует; поэтому в переводе возможна разбивка предложения на части, перегруппировка частей, соединение нескольких предложений в одно целое и т. п.

Для произведения литературы художественной — и в подлиннике и в переводе — характерна роль образа в широком смысле слова, величайшее разнообразие служащих для построения образа языковых средств,

единство предложения, как целого, соответствующего определенному образному целому, последовательность членов предложения, параллелизм или контраст между несколькими или многими предложениями — все это в литературе художественной приобретает особую действенность.

Между задачами перевода литературы общественно-политической и художественной есть много точек соприкосновения именно в связи с той ролью, которую и здесь и там играет художественный образ, непосредственно основанный на использовании языковых категорий. Художественная литература как искусство ставит особые творческие задачи переводчику, но и литература общественно-политическая часто заставляет решать такие же переводческие задачи, наряду с точным воспроизведением терминологии требуя также воссоздания неповторимого индивидуально-стилистического своеобразия.

Примером блестящего решения такой задачи, роднящей перевод общественно-политического текста с переводом художественным, может служить сделанный под редакцией В. И. Ленина перевод «Гражданской войны во Франции» К. Маркса. Исключительное богатство русского языка в отношении словарно-семантических оттенков и его стилистическая гибкость обуславливают здесь возможность большой точности как терминологической, так и общесемантической — при условии синтаксических перегруппировок и изменения грамматических категорий в некоторых местах. Для иллюстрации приведем один отрывок — с преобладанием социально-политических терминов и формулировок (не лишенных, однако, и метафоричности) и другой — резко публицистический, полемический, обличительный.

Первый пример взят из III главы «Воззвания Генерального Совета Международного Общества рабочих по поводу гражданской войны во Франции 1871 года».

Die zentralisierte Staatsmacht, mit ihren allgegenwärtigen Organen — stehende Armee, Polizei, Bürokratie, Geistlichkeit, Richterstand, Organe geschaffen nach dem Plan einer systematischen- und hierarchischen Teilung der Arbeit, stammt her aus den Zeiten der absoluten Monarchie, wo sie der entstehenden Bourgeoisgesellschaft als eine mächtige Waffe in ihren Kämpfen gegen den Feudalismus diente. Dennoch blieb ihre Entwicklung gehemmt durch allerhand mittelalterlichen Schutt grundherrlicher und Adelsvorrechte, Lokalprivilegien, städtische und Zunftmonopole und Provinzialverfassungen: Der riesige Besen der französischen Revolution des 18. Jahrhunderts legte alle diese Trümmer vergangener Zeiten weg, und reinigte so gleichzeitig den gesellschaftlichen Boden von den letzten Hindernissen, die dem Überbau des modernen Staatsgebäudes im Wege standen.¹⁶

Центральная государственная власть со своими всеядущими органами, основанными на принципе систематического и иерархического разделения труда: регулярной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судьями, — существует со времен абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в борьбе его с феодализмом. Но помещные и дворянские привилегии, местные привилегии, городские и цеховые монополии и провинциальные уложения — весь этот средневековый хлам задерживал ее развитие. Исполнив свое помело французской революции 18-го столетия смело весь отживший сор давно минувших веков и очистило, таким образом, общественную почву от последних помех для сооружения здания современного государства.¹⁷

Во всем отрывке перевода бросается в глаза чрезвычайная точность

¹⁶ К. М а р к с, Der Bürgerkrieg in Frankreich, Verlagsgenossenschaft Ausländischer Arbeiter in der UdSSR, Moskau, 1937, SS. 46—47.

¹⁷ К. М а р к с, Гражданская война во Франции, пер. с нем. под ред. Н. Ленина, 2-е изд., Одесса, 1905, стр. 44.

в передаче терминов, в выборе русского синонима для воспроизведения термина многозначного (как «Verfassungen» в сочетании «Provinzialverfassungen», где обычный перевод словом «конституция» неприемлем), в воспроизведении тропов («der riesige Besen der französischen Revolution» — «исполинское помело французской революции») и в соблюдении стилистической окраски отдельных элементов, причем последняя даже слегка усилена («allerhand mittelalterlichen Schutt» — «весь этот средневековый хлам»; «Diese Trümmer» — «весь... сор»). Существительное «Überbau» в конце последнего предложения не имеет по контексту терминологического значения известной обществоведческой категории («надстройка») и является одним из элементов сравнения государства со зданием. Отсюда — принятый Лениным перевод: «сооружение».

Последний пример показывает, что в переводах трудов классиков марксизма-ленинизма и при анализе их необходимо дифференцированно подходить к одному и тому же слову в разных условиях контекста, где оно может иметь то терминологическое, то образно-переносное значение.

Теперь — несколько предложений из другого отрывка «Гражданской войны во Франции», представляющего уничтожающую характеристику Тьера (I гл. «Воззвания Генерального Совета Международного Общества рабочих...»):

«Thiers», diese Zwergmißgeburt, hat die französische Bourgeoisie mehr als ein halbes Jahrhundert lang bezaubert, weil er der vollendetste geistige Ausdruck ihrer eigenen Klassenverderbtheit ist. Ehe er Staatsmann wurde, hatte er schon seine Stärke im Lügen als Geschichtsschreiber dargetan. Die Chronik seines öffentlichen Lebens ist die Geschichte der Unglücke Frankreichs. Verbündet, vor 1830, mit den Republikanern, erhaschte er unter Louis Philippe eine Ministerstelle, indem er seinen Protektor Laffitte verriet. Beim König schmeichelte er sich ein durch Anhetzung von Pöbelzessen gegen die Geistlichkeit, während deren die Kirche Saint-Germain l'Auxerrois und der erzbischöfliche Palast geplündert wurden, und durch sein Benehmen gegen die Herzogin von Berry, bei der er zu gleicher Zeit den Ministerspion und den Gefängnisgeburts-helfer spielte...

...Trotz seiner heuchlerischen Predigten von «notwendigen Freiheiten» und seines persönlichen Ärgers gegen Louis Bonaparte, der ihn gebraucht und den Parlamentarismus hinausgeworfen hatte, — und außerhalb der künstlichen Atmosphäre des Parlamentarismus schrumpft das Männlein, wie es wohl weiß, zu einem Nichts zusammen — trotz alledem hatte Thiers seine Hand in allen Infamien des zweiten Kaiserreichs, von der Besetzung Roms durch französische Truppen bis zum Kriege gegen Preußen, zu dem er aufhetzte durch seine heftigen Ausfälle gegen die deutsche Einheit — nicht als Deckmantel für den preußischen Despotismus, sondern als Eingriff in das ererbte Anrecht Frankreichs auf die deutsche Uneinigkeit. Während

«Тьер, этот карлик-чудовище, в течение более чем полустолетия очаровывал французскую буржуазию, потому что он представлял из себя самое совершенное идейное выражение ее классово-испорченности. Когда он был еще не государственным человеком, а простым историком, он доказал уже свое искусство лжи. История его общественной деятельности есть история бедствий Франции. Будучи до 1830 г. другом республиканцев, он получал при Луи Филиппе министерский портфель в награду за измену своему покровителю, Ляфитту. К королю он подольстил подстрекательством черня против духовенства, — подстрекательством, которое привело к разграблению церкви С.-Жермен Локсерруа и дворца архиепископа, — и отношениями своими к герцогине Беррийской, которой он служил министром-шпионом и тюремщиком-акушером...

...Тьер забыл свои лицемерные речи о «необходимых свободах», свою личную ненависть к Луи Бонапарту, который надругался над ним в выкинул за борту парламентаризм, — (вне искусственной атмосферы парламентаризма этот человек превращается в ничто, и он это хорошо знает) — забыв все это, Тьер принимал участие во всех позорных делах Второй Империи — от занятия Рима французскими войсками до войны с Пруссией; он содействовал этой войне, разжигая страсти своими неистовыми нападениями на единство Германии, в котором он видел не маску для прусского деспотизма, а покушение на наследственное право Франции на разьединенность Германии. На словах этот урод всегда

seine Zwergsarme gern im Angesicht Europas das Schwert des ersten Napoleon umherschwangen, dessen historischer Schubputzer er geworden war, gipfelte seine auswärtige Politik stets in der äußersten Erniedrigung Frankreichs, von der Londoner Konvention von 1841 bis zur Pariser Kapitulation von 1871 und zum jetzigen Bürgerkrieg, worin er, mit hoher obrigkeitlicher Erlaubnis Bismarcks, die Gefangenen von Sedan und Metz gegen Paris hetzte»¹⁸.

выступал во имя традиций Наполеона I. Наполеоновским мечом махал он перед всей Европой. В своих исторических трудах он только и делал, что чистил сапоги Наполеона. На деле, его внешняя политика всегда, начиная от лондонской конвенции 1841 г. до капитуляции Парижа 1871 г., приводила к полнейшему унижению Франции и, наконец, довела до гражданской войны, во время которой он с высочайшего соизволения Бисмарка натравил на Париж пленных Седана и Меца»¹⁹.

Приведенные отрывки дают возможность судить о методе редактур Ленина при передаче ярко публицистического текста. Перевод и здесь весьма точен, но в отношении отдельных стилистических деталей допущены небольшие отступления: здесь, с одной стороны, и некоторые усиления образности (например, «карлик-чудовище» для «Zwergmißgeburt» — вместо более буквальной передачи «карлик-урод» или «карлик-выродок», что было бы, в сущности, плеоназмом) и замена значения (например, «надругался» для «hat ihn gebraucht» — вместо словарно точного «использовал его») и, с другой стороны, известное ослабление, приглушение стилистических оттенков (например, «получил» для «erhascht» вместо «поймал», «схватил»).

Эти незначительные изменения обусловлены фразеологическими или просто смысловыми требованиями контекста, где более буквальный перевод был бы или мало понятен (например, «использовал» для «hat gebraucht»), или являлся бы плеоназмом («карлик-выродок»), или, наконец, противоречил бы русской норме словоупотребления в политическом тексте (ср. невозможность такого сочетания, как «схватил министерский портфель»).

Такие же причины заставляют идти в переводе и на более существенные, но тоже оправданные жертвы, как, например, отказ от воспроизведения яркого смыслового контраста в следующем предложении: «...gipfelte seine auswärtige Politik stets in der äußersten Erniedrigung Frankreichs». Вариант более близкий в словарном и образном отношении (например, «его внешняя политика всегда увенчивалась полнейшим унижением Франции» или «вершиной его внешней политики всегда оказывалось полнейшее унижение Франции») в какой-то степени был бы менее естественен, чем принятый в тексте перевод, отклонялся бы от фразеологической нормы русского политического текста.

Фразеологические требования контекста сочетаются с требованиями, исходящими от более широкого единства — целой цепи предложений с их смысловым, образным и эмоциональным содержанием. Это единство обуславливает возможность замены отдельных слов (например, «Тьер забыл свои... речи» вместо «Несмотря на свои... речи... Тьер» при немецком «Trotz seiner ...Predigten»). Естественно, что при этом заменяются и грамматические категории, синтаксические формы. Первое предложение второго отрывка, начинающееся словами «Trotz seiner heuchlerischen Predigten...», — довольно сложный, однако нормальный для немецкого языка перифраз. В переводе он расчленен на два предложения, и это помогает не только легче воспринять его содержание, но и избежать несомненной громоздкости, которая получилась бы при воспроизведении его как единства.

¹⁸ К. М а р х, Der Bürgerkrieg in Frankreich, Moskau, 1937, SS. 32—33, 34—35.

¹⁹ К. М а р к с, Гражданская война во Франции, пер. с нем. под ред. Н. Ленина, 2-е изд., Одесса, 1905, стр. 30—31, 32—33.

Кстати сказать, такая разбивка тем более оправдана, что в самом немецком предложении здесь нет тенденции к усилению связи между отдельными членами, к сжатию их с помощью «рамочной конструкции». Таким образом, разбивка как бы продолжает линию, наметившуюся уже в подлиннике.

Следующее сложноподчиненное предложение подлинника, завершающее приведенный отрывок, в переводе разбито на четыре предложения, из которых последнее по содержанию соответствует главному предложению оригинала, а первые три служат переводом начальных придаточных. Расчленение синтаксического единства обусловлено фразеологическими причинами: образ Тьера — карлика, размахивающего мечом Наполеона перед всей Европой и чистящего его сапоги в своих исторических трудах, дан по-немецки в очень компактной формуле, вполне понятной немецкому читателю, но в переводе, видимо, требующей некоторой расшифровки, комментария. Перевод и дает эту расшифровку. Вместе с тем русские предложения, соответствующие первым двум придаточным в оригинале, оказываются и грамматически перестроенными и содержат, естественно, лексические замены. Второе предложение построено аналогично первому, но не вполне параллельно, так как содержит инверсию, которой, может быть, и подчеркивается его образный характер. Грамматическая перестройка этого предложения сравнительно с подлинником совершенно закономерна по стилистическим условиям русского языка. Третье предложение дает также замену грамматических категорий и вводит несколько слов, которых в немецком тексте нет — добавление, вызванное необходимостью в более пространной расшифровке образа. Затем в одном пространном предложении дается перевод главного предложения оригинала. Всей этой разбивкой, изменениями в грамматических категориях и словесными заменами достигается соответствие подлиннику по функции, т. е. делается легко доступным читателю содержание образов подлинника, сохраненных, но распространенных и расшифрованных в переводе: выбрана нормальная в условиях русского языка стилистическая форма и соблюдено — в последовательности самостоятельных предложений — нарастание тех отталкивающих моментов, из которых складывается характеристика Тьера.

Все это — пример того, как разрешается задача перевода публицистического материала, в данном случае — одного из классических памятников марксистской литературы.

*

Перевод художественной литературы (наряду с некоторыми случаями в области перевода литературы общественно-политической) является, несомненно, самым сложным видом перевода. Он требует от переводчика особых творческих данных, а перед исследователем-теоретиком ставит новые сложные проблемы. Первое место среди этих проблем занимает проблема полноценного перевода.

Понятие полноценности перевода и принцип переводимости непосредственно друг с другом связаны; возможность осуществления полноценного перевода и есть не что иное как переводимость, и вопрос об этих двух понятиях всего уместнее ставить в связи с художественным переводом, потому что именно на его материале, как наиболее трудном, они только и могут быть проверены.

Перевод в большей, может быть, степени, чем какой-либо другой вид литературного творчества, напоминает о соотносительности отдельного и целого, о глубокой взаимосвязи и взаимообусловленности всех элементов произведения слова. И поэтому понятие полноценного перевода при-

менимо, только по отношению к целому, к тому обширному единству, какое представляет собой произведение слова.

В целом ряде работ по теории перевода в свое время усиленно подчеркивалась относительность понятия точности перевода. Понятие это было взято под сомнение, во всяком случае, как бы заключено в кавычки. Слово «точность» в применении к художественному переводу стало все реже употребляться в нашей теоретической литературе. В этом нашел выражение верный в своей основе принцип — отказ от попыток установления каких-либо формальных соответствий между разноязычными текстами. Вместо слова «точность» выдвинулся термин «адекватность», означающий «соответствие», «соответственность», «соразмерность»²⁰. Термин этот не является абсолютно новым и безусловно неудачен; он легко заменяется термином «полноценность перевода».

Методологическая важность проблемы полноценного перевода заключается в том, что, ставя ее, мы неизбежно затрагиваем вопрос о возможности полно и точно выразить вообще то или иное содержание. Вопрос о соотношении между смысловыми возможностями одного языка и определенным содержанием, выраженным на другом языке, становится частным случаем более общего вопроса о соотношении между средствами выражения и выражаемым. Тем самым положительное или отрицательное решение вопроса о возможности перевода оказывается всегда связанным с определенными философскими и эстетическими предпосылками. Что же касается утверждения о непереводаемости, то в свете этого вопроса становится еще более несомненными его идеалистические и агностические корни. Вот почему большой интерес представляет вопрос о самом определении полноценности («адекватности») перевода.

Определение термина «адекватность» в значении полноценности перевода было дано А. А. Смирновым:

«Адекватным мы должны признать такой перевод, в котором переданы все намерения автора (как продуманные им, так и бессознательные) в смысле определенного идейно-эмоционального художественного воздействия на читателя, с соблюдением по мере возможности путем точных эквивалентов или удовлетворительных субститутов (подстановок) всех применяемых автором ресурсов образности, колорита, ритма и т. п.; последние должны рассматриваться, однако, не как самоцель, а только как средство для достижения общего эффекта. Несомненно, что при этом приходится кое-чем жертвовать...»²¹.

Это определение содержит обстоятельный перечень признаков адекватности, охватывая и такой субъективно-психологический фактор, как «намерения автора» и результат намерений — т. е. «идейно-эмоциональное воздействие на читателя», и литературные средства, служащие для такого воздействия. Вполне справедливо оговаривается подчиненное значение этих средств по отношению к основной задаче — «общему эффекту», т. е. правильно ограничивается роль частного элемента в системе целого. И все же формулировка А. А. Смирнова оставляет чувство неудовлетворенности — не только в силу неопределенности указания на «намерения» автора (в том числе «бессознательные»), но главным образом вследствие противоречия в вопросе о переводаемости. Последняя фраза цитаты имеет компромиссный характер и приходит в столкновение с большой категоричностью предыдущих указаний на передачу всех намерений автора,

²⁰ Ср. в статье Ф. Д. Батюшкова «Задачи художественного перевода»: «Принцип настоящего художественного перевода — один: стремление к адекватности» («Принципы художественного перевода», 2-е изд., Гос. изд-во, П., 1920, стр. 12).

²¹ Статья «Перевод», «Литературная энциклопедия», т. VIII, М., 1934, стр. 527.

на соблюдение «по мере возможности всех применяемых ресурсов». Недостаточность определения проявляется в том, что отклонение от оригинала, необходимость «кое-чем жертвовать» упоминается в порядке оговорки, как исключение из правила, хотя до этого применялись такие принципиально важные термины, как «эквивалент» и «субститут», говорящие о широком понимании адекватности²².

Упоминание о «жертвах» в форме такой оговорки тем менее удачно, что они в действительности не только не противоречат принципу полноценности, а прямо предполагаются им. Перевод — не механическое воспроизведение всей совокупности элементов подлинника, а сложный отбор различных возможностей передачи их средствами другого языка. Таким образом, исходной точкой должно быть целое, представляемое оригиналом, а не отдельные его элементы. Могут встретиться такие случаи, когда переводчик, стремясь воспроизвести все элементы подлинника, утратит главнейшее, от сложения элементов не получит целого, и для передачи его именно и потребуются сознательные «жертвы». Другими словами, переводческое мастерство предполагает умение не только сохранять, но и жертвовать чем-либо — именно ради более близкого соответствия подлиннику. Самая же необходимость жертвовать тем или иным отдельным элементом, как таковым, может вызываться языковыми условиями, — например, отсутствием соответствующего слова или фразеологического оборота, расхождением в смысловых отношениях слова и т. п. Но отказ от отдельного элемента не означает невозможности передать целое средствами сочетания других элементов.

Других определений понятия «адекватности перевода», кроме принадлежащего А. А. Смирнову, не было предложено²³. В моей книге «О художественном переводе»²⁴ я ограничился перечислением условий, которыми определяется понятие соответствия между переводом и оригиналом. Это: 1) соотношение между тем или иным элементом, с одной стороны, и всем произведением — с другой; 2) соотношение между данным произведением и его социальным и литературным фоном с языком и эстетикой эпохи и т. д.; 3) возможные параллели этому общему фону в литературе того языка, на который делается перевод.

В связи с установлением этих условий и с общим пониманием возможности перевода, вытекающим из относительности понятия точности, может быть выдвинуто следующее определение полноценности перевода.

Полноценным является тот перевод, в котором средствами общепонятного языка и в соответствии с его нормой воспроизводится единство содержания и всей системы стилистических особенностей, представляемое оригиналом (при непременно условии передачи его основного смыслового стержня — будь то сюжет целого произведения, или мотив отдельного эпизода, или идея стихотворения), и в котором каждый более или менее значительный отрезок текста сохраняет отношение частного элемента оригинала к его целому.

Это определение, во-первых, подчеркивает важность общего, его господствующую роль по отношению к отдельным составным частям и необходимость подхода к литературному произведению именно как к системе,

²² Определение А. А. Смирнова без оговорок принимается А. М. Финкелем в статье «О некоторых вопросах теории перевода» («Научные записки Харьковского гос. пед. ин-та иностранных языков», т. I, 1939, стр. 77).

²³ Если не считать слишком общих, упрощенных определений адекватности, предлагаемых в отдельных статьях сборника «Вопросы теории и методики учебного перевода» (М., 1950), например, на стр. 227: «перевод, при котором переводящий старается передать не только содержание, но и форму».

²⁴ А. В. Федоров, О художественном переводе, Л., 1941, стр. 14.

а не как к простой сумме элементов, причем отношения между теми или иными его особенностями важны в стилистической плоскости, т. е. с точки зрения той роли, какую они выполняют в составе самого оригинала и на фоне общепароодного языка того или иного стиля. Полноценность перевода предполагает и полноценность языка.

Во-вторых, здесь подчеркивается, что без передачи конкретного смыслового содержания переводимого текста невозможен перевод в собственном значении этого понятия, а возможна лишь вариация на основе особенностей оригинала, т. е. создание некоей общей аналогии.

Наконец, в-третьих, здесь учитывается факт тесной связи между общим и частным, подчеркивается место отдельного элемента по отношению к целому, которое в конечном итоге возникает из сочетания (но не из простой суммы) элементов. Полноценный перевод предполагает определенное равновесие между целым и отдельным, в частности, между передачей общего характера произведения, с одной стороны, и степенью близости к оригиналу в передаче отдельного его отрезка. Это значит, что полноценность может и не требовать одинаковой степени словесной близости к оригиналу на всем протяжении перевода.

В определении полноценности перевода указание на характер соотношения между отдельным и целым является едва ли не основным и важнейшим моментом. Это соотношение затрагивает все произведение, оно проявляется и в общем, и в частностях, и в основном содержании, и в мельчайших формальных особенностях, которые сами по себе могут и не иметь значения и приобретают его только в общей перспективе.

Отношение целого и отдельного так важно потому, что им определяется специфика произведения в единстве содержания и формы. Детально точная передача отдельных элементов, взятых порознь, не означает еще полноценной передачи целого, поскольку оно не является простой суммой их, а представляет систему функциональных отношений между ними. С другой стороны, воссоздание общего содержания и облика произведения, игнорирующее характерные частности, может привести к утрате его индивидуальной окраски и к тому, что по вызываемому впечатлению оно будет совпадать с каким-либо другим, может быть близким, но все же не тождественным литературным памятником. И только отношение между произведением, взятым в целом, и отдельным моментом в нем или частной его особенностью характеризует его индивидуальное своеобразие как с идейно-смысловой, так и с формальной точки зрения.

Изложенное выше понимание полноценности перевода, при всей обобщенности формулировок, не должно вызвать упрека в том, будто оно претендует на универсальное значение, как применимое к любым историческим условиям. Оно прежде всего не нормативно: оно говорит не о том, каким должен быть перевод любого произведения любой страны и эпохи, а о том, что следует считать полноценностью перевода — разумеется, исходя из такого максимума возможностей, какой дает современное состояние перевода, представляющее в советской литературе ступень более высокую, чем предыдущие фазы его развития, и отвечающее чрезвычайно высокому уровню современных требований.

*

Возможность полноценного перевода имеет предпосылкой полноценное же, т. е. объективное понимание подлинника и полноценность языковых средств, используемых при переводе, — понятие, уже рассмотренное выше. Требуется уточнения вопрос о соотношении, в котором нахо-

дятся понимание подлинника и использование языковых средств при переводе.

История перевода знает целый ряд случаев, когда подлинник переосмыслился переводчиком или даже подвергался преднамеренным искажениям, фальсифицировался. Практически это переосмысление подлинника или его искажение всегда находило определенное языковое выражение, т. е. в конечном итоге вызывало отбор тех, а не иных языковых средств. Можно ли в этом видеть один из примеров того безразличного отношения к языку со стороны людей, отдельных социальных групп, классов, о котором говорит И. В. Сталин?

Ведь учение И. В. Сталина о безразличном отношении к языку со стороны людей, отдельных социальных групп, классов касается не только тех несомненных случаев, когда языку общенародному навязываются черты всякого рода классовых жаргонов; оно может быть распространено на все те случаи, когда производится отбор средств из состава общенародного языка. При переводе, однако, вопрос об отборе осложняется тем, что здесь сказывается безразличное — как объективное, так и субъективно пристрастное — отношение переводчика к содержанию подлинника, когда, невольно переосмысливая или сознательно искажая, переводчик в самый подлинник вкладывает не то содержание, какое он объективно имеет, видит в словах подлинника не те значения, какие им объективно присущи по контексту, устанавливает между ними произвольные связи.

Бакунин, например, в своем переводе «Манифеста Коммунистической партии» на русский язык лозунг «Proletarier aller Länder, vereinigt euch!» передал как «Пролетарии всех стран, соединитесь!» Из двух возможных видовых вариантов передачи немецкого глагола, не имеющего грамматической категории вида, Бакунин избрал тот, который выражает значение действия однократного. Исследователь русских переводов «Манифеста Коммунистической партии» по этому поводу замечает: «Отразилась в бакунинском переводе и его заговорщицкая концепция. Бакунин враждебно относится к идее планомерной, организованной классовой борьбы пролетариата. Характерно, что лозунг «Proletarier aller Länder, vereinigt euch!» он переводит «Пролетарии всех стран, соединитесь!» Процесс объединения пролетариата Бакунин представлял себе как однократное, молниеносное действие»²⁶.

Выбор способа перевода, таким образом, в данном случае явно был обусловлен идеологией переводчика, его политической позицией. Но можно ли все же говорить о том, что Бакунин в связи со своими анархистскими взглядами проявил безразличное отношение к языку, в данном случае — к видовым формам русского глагола? Нет, оснований для такого утверждения быть не может. В самом лозунге подлинника Бакунин увидел (или захотел увидеть) значение однократного действия, разумеется, в противоречии с содержанием всего «Манифеста» в целом, от которого он его оторвал, и выбор русской видовой формы явился просто следствием предвзятого истолкования смысла подлинника в целом и данного его отрезка в частности.

Когда, например, современный переводчик Бальзака на русский язык при передаче слова или словосочетания отдает предпочтение варианту, носящему легкую окраску архаичности, (скажем, *в улице*, вместо *на улице*, *на театре* вместо *на сцене*), то это — не результат безразличного отношения к языку, к отбору языковых средств, не просто следствие пристрастия к старинным элементам в языке, а отражение неверного

²⁶ И. И. П р е й с, «Манифест Коммунистической партии» в русских переводах, Вестник АН СССР, 1948, № 2, стр. 44.

истолкования стиля и эстетики Бальзака — истолкования, приписывающего творчеству этого автора черты архаичности, которых у него реально не было.

Таким образом, можно сказать, что определенная ложная концепция — политическая, эстетическая, историко-литературная — имеет следствием неверное восприятие и осмысление содержания подлинника, в словах и грамматических формах которого переводчик видит не те значения, какие им присущи и обусловлены всем контекстом, а те, какие он сам вложил в них. В таком случае переводится не то (или не только то), что есть на самом деле, а то, что переводчик видит или хочет увидеть в оригинале вопреки его содержанию, объективно выраженному средствами языка.

Вместе с тем мы знаем — и из истории литературы и на примере советских переводов — множество случаев, когда подлинник истолковывается и передается средствами другого языка совершенно объективно. Причины, делающие возможным объективное осмысление и истолкование подлинника, могут быть различными: идеология и эстетика переводчика могли совпасть с идеологией и эстетикой автора оригинала; переводчик мог сознательно отрешиться от идеологии и эстетики своего класса, как это мы видим на примере некоторых классических русских переводов XIX века; наконец, как это имеет место в нашей стране сейчас, когда в силу исключительной прогрессивности советского строя не может быть заинтересованности в фальсификации памятников прошлого или материалов современности, сами общественные условия создают для переводчика возможность быть объективным в отношении к иноязычной литературе прошлого и настоящего. Но во всех этих случаях возможность объективного восприятия, понимания, истолкования подлинника имеет предпосылкой правильный выбор языковых средств: самая задача — объективно отобразить подлинник — вызывает стремление к отбору соответствующих средств родного языка.

Переводчик, в отличие от автора, не создает содержания, а воссоздает его средствами другого языка. Поэтому неправильно было бы механически переносить понятие партийности литературы на перевод. Но переводчик, в какой бы сфере он ни работал, всегда служит интересам определенной страны, определенного класса и руководствуется представлениями своего класса, своей эпохи. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»²⁶, — говорит В. И. Ленин. Отсюда — идейная направленность переводов. Применительно к условиям нашей страны и нашего времени мы можем сказать, что переводчик — будь то переводчик стихов или художественной прозы, общественно-политической книги, дипломатического текста и т. п. — служит интересам советского народа и руководствуется при этом подлинно научным мировоззрением — философией марксизма-ленинизма. Тем самым в наших советских условиях идейность перевода или, вернее, партийное отношение в переводческом делу означает: 1) правильный с точки зрения государственных и народных интересов выбор материала, отвечающий идейным запросам читателя, выполняющий воспитательную задачу или важный в познавательных, иногда просто в информационных целях, и 2) поиски языковых средств, правдиво и полноценно передающих подлинник. В статье «Против идеологических извращений в литературе» «Правда»²⁷ указывала на нарушение именно этих основных принципов: на выбор порочного материала для

²⁶ В. И. Ленин, Партийная организация и партийная литература, Соч., т. 10, стр. 30.

²⁷ «Против идеологических извращений в литературе», «Правда» от 2 июля 1951 г.

перевода (стихотворение В. Сосюры «Люби Украину») и на безответственное отношение к своему делу со стороны переводчиков, на допущенный ими произвол.

Правдивость, как принципиальная, характерная черта советского перевода, проявляется и тогда, когда дело касается передачи произведений, идеологически созвучных нам в той или иной мере или далеких от нас по выраженному в них мировоззрению, но содержащих те или иные прогрессивные (хотя бы для своего времени) черты, ценных в художественном или познавательном отношении, и тогда, когда переводятся (например, в газете) враждебные нам выступления реакционных политических деятелей стран капитализма. В обоих случаях задача советского переводчика—ничего не ослаблять, не сглаживать, не приукрашивать. Предпосылкой для решения этой задачи является идейно правильное истолкование переводимого произведения; условием ее выполнения служит правильный выбор языковых средств.

Г. В. СТЕПАНОВ

(ЛЕНИНГРАД)

О СТИЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Гениальные работы И. В. Сталина по вопросам языкознания знаменуют собой коренной поворот в развитии науки о языке. И. В. Сталин осветил ряд сложнейших проблем языкознания, над которыми в течение столетий работала лингвистическая мысль. Классические сталинские формулировки и определения по всем основным аспектам языковедческой науки складываются в строгую, стройную систему, которая дает возможность вести конкретные лингвистические исследования по единственно правильному пути марксистско-ленинской методологии.

И. В. Сталин разбил антимарксистскую концепцию о «классовости» языка и блестяще доказал, что общенародность языка является р е а л ь н о с т ь ю, а «классовые» языки — ф и к ц и е й.

Не случайно И. В. Сталин называет структуру языка Пушкина (по терминологии марристов, видимо, «дворянский язык») основой современного русского языка, т. е. языка всего народа, всей нации.

Энгельс, давая в свое время оценку деятельности Лютера, отметил, что он «вычистил авгиевы конюшни не только церкви, но и немецкого языка», что он «создал современную немецкую прозу...»¹. «Протестантский язык» Лютера как основа современной немецкой прозы в одинаковой степени использовался и его сторонниками и контрреформаторами и проявлял безразличие к социальным группировкам и классам.

Сталинское учение об общенародном характере языка открывает новые перспективы в исследовании процессов сложения литературного языка, его развития и совершенствования.

*

Единый общенациональный литературный язык оформляется в эпоху становления наций и национальных языков, т. е. в тот период, когда капиталистическая общественная формация одерживает победу над формацией феодальной. С одной стороны, единый литературный язык является п р о д у к т о м длительного процесса формирования общенациональной языковой нормы, с другой стороны — действительным о р у д и е м в достижении языковой общности, являющейся непрременным условием объединения людей в нацию. Тот факт, что оформление общенационального литературного языка связывается с эпохой победы капитализма над феодализмом, вовсе не означает, что он рождается как некая «классовая» форма речи. Общенациональный литературный язык, так же как и национальный язык в целом, есть форма национальной культуры; он одинаково хорошо может обслуживать все классы нации. Именно в литературном языке с наибольшей четкостью, полнотой и определенностью фиксируются общенациональные языковые нормы.

¹ Ф. Энгельс, Дialeктика природы, Госполитиздат, 1950, стр. 4.

Деятельность мастеров художественного слова особенно значительную роль играет в период становления общенационального литературного языка. Писатель, языковая практика которого совпадает с общими тенденциями формирования национального языка, вносит существенный вклад в развитие литературного языка, объективно способствует укреплению общенационального языка.

Опираясь на опыт предшествующего развития литературного языка и используя общеразговорный язык, а также стили устной народной словесности, крупный художник обогащает литературный язык, шлифует его и совершенствует. Тем самым писатель способствует обогащению и совершенствованию словарного состава национального языка и его грамматической структуры. Поэтому памятники литературного языка являются в то же время памятниками общенародного языка, хотя и отражают его с разной степенью полноты.

Мастер художественного слова раскрывает богатство и возможности национального языка; своей художественно-языковой практикой он доказывает, что национальному языку доступно решение сложных художественно-стилистических задач и тем самым способствует воспитанию национального самосознания среди творцов и носителей этого языка.

Понятия «литературный язык» и «язык художественной литературы» не идентичны. Акад. Б. В. Виноградов правильно указывает на ошибочность позиции некоторых советских языковедов, в работах которых «история общелитературного языка органически связывалась с историей художественной литературы и ее стилей и распределялась по тем же классовым граням и ступеням развития, что и художественная литература и публицистика»².

Понятие «язык художественной литературы» указывает на конкретное использование языка (в первую очередь и главным образом литературной нормы) в целях художественного, идеологического воздействия. С лингвистической точки зрения язык художественной литературы может быть более разнообразным и емким, нежели литературный язык: он может выходить за пределы норм литературного языка, включать в себя образцы иной языковой практики соответствующей страны и эпохи. Языковые явления художественного произведения, которые лежат вне литературной нормы речи, помимо коммуникативной функции, призваны выполнять особое задание эмоционального, художественного воздействия.

В то же время сама литературная норма речи как основа художественного произведения несет на себе печать индивидуальной авторской обработки и используется в соответствии с задачами художественного воздействия, отражая эстетические нормы и вкусы творца того или иного произведения. Различия, которые выявляются в индивидуальном подходе к использованию общелитературного языка в целях художественного изображения, позволяют выделить понятие «язык писателя» в узком смысле. Этим понятием может обозначаться слог писателя — индивидуальная и в известном смысле неповторимая манера художественного изображения средствами общелитературного языка.

Учение товарища Сталина об общенародности языка не сняло проблему «язык писателя», как думают сейчас некоторые лингвисты, но поставило ее совершенно по-новому.

Стало ясно, например, что анализ языковой (лексический, синтаксический и т. д.) нельзя смешивать с анализом идейного содержания художественного произведения. Такая подмена вела к полному произволу в толковании идейных и классовых позиций писателя; истинно

² В. Виноградов, О лингвистической дискуссии и работах И. В. Сталина по вопросам языкознания, «Большевик», 1950, № 15, стр. 11.

научное исследование вытеснялось тем, что мы условно назвали бы «лингвистическим фетишизмом», ибо как иначе можно квалифицировать стремление приписать общенародному языку качества некоего «классового языка», которых у него, как известно, нет.

Между прочим, один из исследователей языка и стиля «Дон Кихота» Х. Хатцфельд³, основываясь только на анализе словаря писателя и подменяя анализ идейного содержания произведения односторонним и субъективным лексическим разбором, пытается доказать, что Сервантес являлся... реакционером-контрреформатором.

Многие буржуазные философы, историки, литературоведы и лингвисты (испанские и не испанские) делали попытки доказать, что дух католицизма является неотъемлемым свойством испанского национального характера. Абстрагируясь от действительной истории развития испанского общества, буржуазные исследователи, фактам вопреки, пытаются доказать, что в душе каждого испанца непременно сидит инквизитор. Между факельщиком Торквемадой и кастильским землепашцем, по их мнению, нет существенной разницы: и тот и другой объявляются правоверными воинствующими католиками.

В соответствии с этой «концепцией» Х. Хатцфельд, анализируя словарь Сервантеса, пытается усмотреть в трактовке и употреблении отдельных слов и выражений контрреформаторскую сущность создателя «Дон Кихота». Одна из глав его работы так и названа: «Католицизм и контрреформация в языке и стиле» («Katholizismus und Gegenreformation in Sprache und Stil»).

Еще за три года до Хатцфельда итальянец Чезаре де Лоллис сделал фальсификаторскую попытку представить Сервантеса проповедником идей воинствующего католицизма и папизма⁴. Новизна выкладок Хатцфельда состоит в том, что он строит их на языковом материале. Однако в методе языкового исследования Хатцфельд тоже не оригинален: в своих приемах анализа художественного произведения и, в частности, словесных образов и символов, он следует за Лео Шпицером и Гансом Шпербером.

Выискивая различные социальные оттенки в осмыслении того или иного слова, эти исследователи игнорируют тот несомненный факт, что подавляющая масса слов, так же как и их значения, являются общими для всех классов общества и не имеют никакой социально-классовой окрашенности. Поставив перед собой неблагоприятную задачу во что бы то ни стало найти в словах общенародного языка особый смысловой оттенок, который якобы всегда обязательно навязывает им писатель в соответствии со своими идеологическими установками, Хатцфельд пытается выдать призраки за реальность, а «Дон Кихота» Сервантеса — за социальный заказ Тридентского собора. В самом употреблении таких слов, как *católico* «католик, католический», *hereje* «еретик», *secta* «секта» и др., Хатцфельд непременно хочет видеть отражение воинствующих идей католицизма как в сознании действующих лиц романа, так и в сознании самого художника. Однако ни Сервантес, ни его персонажи, в уста которых вложены слова «католического» лексикона, не придают им никакой «контрреформаторской окраски». Ясно, что подобные методы исследования языка художественного произведения не имеют отношения к подлинно научному анализу.

После выхода в свет сталинских работ по языкознанию стало ясно, что анализ лингвистического материала в художественном произведении должен идти по линии выяснения отношения писателя к общенародному

³ H. Hatzfeld, «Don Quijote» als Wortkunstwerk, Leipzig — Berlin, 1927.

⁴ C. de Lollis, Cervantes reazionario, Roma, 1924.

языку, изучения индивидуальных приемов и методов его художественной обработки.

Было бы ошибочно думать, что исследование проблем, связанных с понятием «язык художественной литературы», должно ограничиваться только исследованием индивидуальных методов использования литературного языка. Ведь и для любой другой области человеческой деятельности (философия, естественные науки, техника и т. д.) характерно индивидуальное использование литературного языка. Однако в языке художественной литературы можно (и должно) выявить некоторые общие закономерности, которые отличают его от языка науки, философии и др.

В языке художественной литературы заметнее, чем в других сферах применения общенародной речи, проявляется отбор грамматических оборотов, словаря, идиоматики и т. д. из общенародного языка. Принцип отбора зависит от общих идейно-художественных воззрений писателя, от идейного замысла произведения, его литературного жанра и т. д.

Самый отбор слов, речений и грамматических конструкций из общенародного языка производится писателями неодинаково: нередко одно и то же явление общенародной речи, используемое в художественных целях, рассматривается с совершенно различных позиций, подчиняется различным целям и задачам.

В этом нетрудно убедиться на примере использования разными писателями приема художественного сравнения. В средневековом рыцарском романе лексический диапазон невелик, общенародный словарь предстает явно обедненным, обескровленным, однообразным. Так, например, автор «Пальмерина Английского», желая показать читателю последовательную нарастающую силу четырех сражений, сравнивает второе с первым, третье со вторым, а четвертое со всеми предыдущими:

«они вступили в новую битву, так что первая в сравнении с этой была ничто»⁵;

«между ними завязалась такая жестокая битва, что заставила забыть предыдущие»⁶;

«они начали новую битву, столь непохожую на все предшествующие, что даже дон Дуардос испугался того, что увидел»⁷.

Автор не выходит из пределов создания своей собственной фантазии; единственной мерой для него является то, что вымышлено им самим.

Описывая абстрактную красоту героини, автор «Амадиса Уэльского» как бы боится сравнить ее с чем-нибудь земным, дабы не унизить ее этим сравнением:

«Ориана была самым красивым существом, которое когда-либо видели»⁸;

«подойдите и вы увидите самое красивое существо, которое когда-либо видели»⁹.

В «Пальмерине» можно отметить целый ряд таких же «ускользающих» сравнений, которые по существу не дают никакого представления о сравниваемом предмете:

⁵ «comenzaron entre sí otra batalla, tal que la primera en comparación de esta parecía nada». Libros de caballerías, Segunda edición, Madrid, 1935, стр. 251.

⁶ «la batalla fué entre ellos tal, que hacía olvidar las pasadas», там же, стр. 252.

⁷ «y comenzaron esta batalla tan diferente de las pasadas que don Duardos se espantaba de lo que vió», там же, стр. 253.

⁸ «Oriana... la más hermosa criatura que nunca se vió». Libros de caballerías, Segunda edición, стр. 39.

⁹ «Venid, e veréis la más fermosa criatura que nunca fué vista», там же, стр. 36.

«его дочь Полинарда к тому времени стала такой красивой, что даже, очевидно, ее мать и бабушка не были столь красивыми, как она, в то время, когда они были в расцвете молодости»¹⁰;

«танцевал принц Флорендос со своей сестрой инфантой, которая казалась в тот день такой красивой, что ее мать и бабушка позавидовали бы ей в молодые годы своей жизни»¹¹.

Иную лексическую «емкость» в системе реалистических сравнений и метафор мы наблюдаем в произведениях Сервантеса. Элементы реализма в методе художественного изображения современной Сервантесу испанской действительности естественно вели автора к поискам соответствующих форм языкового выражения. Широкий охват описываемых Сервантесом явлений социальной жизни как раз и объясняет нам ту речевую и в первую очередь лексическую «емкость» «Дон Кихота» и «Назидательных новелл», которая послужила важным средством в реалистической трактовке испанской жизни во всех ее существенных проявлениях. Система сравнений, почерпнутых Сервантесом из народно-разговорной речи, необыкновенно богата и разнообразна: белизна зубов сравнивается с лущеным миндалем, белизна и блеск жемчуга с протоквашей, беззубый рот уподобляется мельнице без жерновов. Тереса, по выражению Санчо, так упряма и настойчива, что если заберет что-нибудь в голову, то «гвоздит словно молоток по обручам бочки»¹². О судомойке в «Назидательных новеллах» говорится, что она «колюча, как крапива», «упруга, как спаржа», «тверда, как штукатурка», «скромна, как послушник», «капризна и упряма, как взятый в насм мул»¹³.

Любопытно отметить, что в своем «образцовом» рыцарском романе «Персилес и Сихизмунда» (*Trabajos de Persiles y Sigismunda*, Madrid, 1781) Сервантес не выходит за пределы стандартных, абстрактных сравнений «Амадиса» и «Пальмерина». О девушке Ауристеле, которая, подобно многочисленным Фили, Дианам, Галатеям и прочим дамам, называется «несравненной» (*la sin par*), говорится, что она «была так красива, что среди живущих ныне на свете и среди тех, которых может нарисовать самое пылкое воображение, она была первой» («era de tanta hermosura que entre las que hoy viven en el mundo, y entre aquellas que puede pintar en la imaginación el más agudo entendimiento, puede llevar la ventaja», стр. 10). Ср. также: «Ее благоразумие равно ее красоте, а ее несчастья так же велики, как ее благоразумие и красота» («Su discreción iguala a su belleza y sus desdichas a su discreción y a su hermosura», там же).

Интересный материал дает также сопоставление разнообразных приемов лексических и смысловых повторов у разных писателей.

Автор «Второй Селестины» и ряда рыцарских романов Фелисиано де Сильва часто прибегает к этому приему. Вот образец «язычных» конструкций, рассчитанных на вкусы придворных дам:

«О любовь! Ведь нет правоты в том, в чем твоя неправота не имела бы большей правоты в своих превратностях! И ты лишаешь меня своей

¹⁰ «su hija Polinarda, que ya en aquel tiempo comenzaba a ser tan hermosa que se creía que su madre y agüela no lo fueron tanto como ella en el tiempo que florecían», там же, стр. 246.

¹¹ «danzó ... el príncipe Florendos con la infanta su hermana que aquel día salió tan hermosa que podía tener su madre envidia y su agüela en el tiempo que florecieron», там же, стр. 261.

¹² «no hay mazo que tanto apriete los aros de una cuba», Cervantes, El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, Nueva edición crítica por F. Rodríguez Marín, Madrid, 1927—1928, II, VII. Все дальнейшие ссылки даются на это издание.

¹³ «áspera como ortiga», «tiesa como espárrago», «más dura que un pedazo de argamasa», Cervantes, Novelas Ejemplares, Barcelona, 1936, стр. 135.

неправотой того, что по праву созданных тобою законов ты сама мне обещаешь, с тем правом, которое у меня есть...»¹⁴.

Сервантес в своем «Дон Кихоте» также прибегает к подобному приему. Однако он делает это не в угоду вкусам придворных дам и кавальеро, а в целях пародирования языка и стиля рыцарского романа. Стбит вспомнить соответствующее место из «Дон Кихота», чтобы убедиться в том, что не кто иной как де Сильва явился одним из виновников сумасшествия сеньора Кеханы Доброго, будущего рыцаря дон Кихота Ламанчского:

«Право бесправия, которое вы осуществляете в отношении моего права, делает мой ум настолько бесправным, что по праву я жалуюсь на ваше великолешие»¹⁵.

«Читая такие фразы,— добавляет Сервантес,— и силясь их распутать и разгадать их смысл, наш бедный кавальеро совсем терял разум и проводил бессонные ночи, а между тем если бы сам Аристотель нарочно для этого воскрес, то и он бы ничего не разгадал и ничего не понял»¹⁶.

Совсем иначе относится Сервантес к безыскусственным повторам, которые часто используются в устном повествовании. Вот как звучит в устах Санчо начало широко известного в Испании рассказа о перевозе трехсот коз:

«В одном местечке Эстремадуры жил козий пастух, т. е. я хочу сказать, что он пас коз, и этот самый пастух или козопас, о котором я рассказываю, прозывался Лопе Руис; так вот этот Лопе Руис был влюблен в одну пастушку, которую звали Торральба, и эта самая пастушка Торральба была дочерью одного богатого скотовода, а этот богатый скотовод...»¹⁷.

Дон Кихоту, воспитавшемуся на рыцарских романах, кажутся бессмысленными повторы «козий пастух — который пас коз», «Лопе Руис — этот Лопе Руис» и т. д., и он прерывает повествование: «Если ты таким образом будешь рассказывать свой рассказ, Санчо..., повторяя дважды то, что ты рассказываешь, так ты его и в два дня не кончишь...»¹⁸.

На это Санчо вполне резонно возражает:

«Да я рассказываю точь-в-точь так же... как рассказывают эти сказки у нас в деревне, по-другому я не умею рассказывать, да вашей милости и не следует требовать, чтобы я вводил новые обычаи»¹⁹.

Отбор, прослеживаемый в языке художественных произведений, это, так сказать, «первичная обработка» — важный, но не главный материал для лепки художественных образов средствами языка.

Художественная литература в силу своей специфики является той областью применения общенародной речи, в которой с наибольшей пол-

¹⁴ «¡Oh, amor! que no hay razón en que tu sinrazón no tenga mayor razón en sus contrarios. Y pues tu me niegas, con tus sinrazones, lo que en razón de tus leyes prometes con la razón que yo tengo». F. de S i l v a, Segunda comedia de Celestina, Madrid, 1874. стр. 8.

¹⁵ «La razón de la sinrazón que a mi razón se hace de tal manera mi razón enflaquece que con razón me quejo de la vuestra fermosura». D. Qu. I, I, 1, 86.

¹⁶ «Con estas razones perdía el pobre caballero el juicio, y desvelábase por entenderlas y desentrañarlas el sentido, que no se lo sacara ni las entendiera el mismo Aristóteles, si resucitara para sólo ellos». I, I, 1, 86.

¹⁷ «...en un lugar de Estremadura había un pastor cabrerizo. quiero decir que guardaba carbas, el cual pastor o cabrerizo, como digo, de mi cuento, se llamaba Lope Ruiz y este Lope Ruiz andaba enamorado de una pastora que se llamaba Torralba. La cual pastora llamada Torralba era hija de un ganadero rico; y este ganadero rico...», I, XX, 2, 110.

¹⁸ «Si desta manera cuentas tu cuento, Sancho, ...repetiendo dos veces lo que vas diciendo, no acabarás en dos días: dílo seguidamente, y cuéntalo como hombre de entendimiento, y si no, no digas nada», I, XX, 2, 110.

¹⁹ «De la misma manera que yo lo cuento... se cuentan en mi tierra todas las cosas, y yo no sé contarlas de otra, ni es bien que vuestra merced me pida que haga usos nuevos», I, XX, 2, 110.

ной используются художественно-стилистические возможности, заложенные в общепародном языке.

Грамматические конструкции, лексика, словосочетания в языке художественной литературы в известном смысле более многозначны, нежели в литературном языке, используемом вне художественной системы.

С этой точки зрения интересно рассмотреть некоторые примеры художественного использования явления многозначности слова.

В одном месте «Дон Кихота» оруженосец Санчо, сетуя на колдовское преобразование Дульсини, восклицает:

«Мало того, негодая, что вы превратили жемчуг очей (las perlas de los ojos) моей сеньоры в чернильные орешки и ее волосы из чистейшего золота — в щетину рыжего бычьего хвоста» (II, X, 4, 221).

«Волосы из чистейшего золота» очень напоминают трафаретное сравнение, которым изобиловали рыцарские романы, пасторали, стихи Гарсиласо, Боскана, Эрреры и др.; но «жемчуг очей» никак не укладывается в систему даже очень условных оценок женской красоты. Похоже, что Санчо что-то напутал, не разобравшись, видимо, толком в «ювелирных» сравнениях с рубинами, жемчугом, изумрудами и аметистами. Преданный своей даме рыцарь решительно исправляет нарисованный Санчо портрет:

«Ты плохо описал ее красоту, ибо, насколько я помню, ты сказал, что у нее были жемчужные очи, а глаза, которые походят на жемчуг, бывают скорее у красноперого спара, чем у женщины; и мне кажется, что глаза Дульсиней должны быть из зеленого изумруда, рассеченные пополам и осененные двумя небесными сводами, которые служат ей бровями; а жемчуг твой не приставляй к глазам, но побереги для зубов; наверно, Санчо, ты ошибся и глаза принял за зубы» (II, XI, 4, 228).

Сервантес мастерски использует многозначность слова *perlas*. В условном поэтическом языке рыцарского романа за ним «закреплено» обозначение «жемчужной нити зубов». В общепародном литературном языке это слово имеет значение «жемчуг», а также «драгоценная, совершенная, красивая вещь». Санчо потому и позволил себе «приставить жемчуг к очам», что употребляет слово *perlas* именно в этом последнем значении, которое не связано с конкретным представлением о цвете и блеске жемчуга.

В художественной литературе само языковое оформление является важным фактором в разрешении общего идейного замысла произведения. Языковой материал, языковая форма — это активное средство критики и борьбы, пропаганды и защиты идей, политических установок, эстетических позиций и т. д. Остановимся в связи с этим на вопросе о содержании и форме борьбы Сервантеса против языка и стиля рыцарских романов.

Утонченная рыцарская романтика развенчивается Сервантесом не только в плане критики рыцарской литературы как жанра, но и при помощи новой художественно-языковой формы, которая породилась гуманистическими взглядами автора на литературу и язык. Сервантес жестоко осмеивает рыцарский жаргон, заполонивший было литературную продукцию его эпохи в бесчисленной серии «Амадисов» и «Пальмеринов». Эстетические нормы уходящей со сцены феодальной аристократии породили в литературе свой особый «язык», рассчитанный на вкусы верхушечных слоев класса феодалов. Абстрактность, условность, искусственность языка рыцарских романов превращались в те оковы, которые затрудняли развитие новых литературно-языковых форм и принципов, порожденных идеями испанского Возрождения.

Средствами языка Сервантес блестяще показал, что странствующий рыцарь из Ламанчи со своим рыцарским жаргоном, выродившимся в непонятную тарабарщину, столь же смешон и нелеп, так же непонят и осуждаем, как и во всех своих рыцарских «деяниях».

Смысл речей дон Кихота, сама языковая форма, в которой они преподносятся, настолько темны и непонятны окружающим, что у них невольно возникает вопрос: «Неужели этот человек говорит на их родном наречии?» В одной из своих встреч с крестьянами дон Кихот коротко объясняет им, кто он по званию и роду занятий, и замечает, что он — странствующий рыцарь, ищущий приключений во всех частях света.

«Для крестьян все это было так же понятно, как греческий язык или какая-нибудь тарабарщина»²⁰.

Обитатели постоянного двора, слушавшие речь дон Кихота, едва могли уловить ее смысл:

«В смущенье слушали хозяйка, дочь ее и добрая Мариторнес слова странствующего рыцаря, которые были столь же им понятны, как если бы он говорил по-гречески, хотя и видно было по всему, что речь шла о каких-то благодарностях и любезностях. Не привыкнув к такой манере выражения, они только смотрели на него и дивились» (I, XVI, 1, 449).

Такое же, примерно, впечатление произвел на «непосвященных» козопасов разговор между дон Кихотом и Санчо (I, XI, 1, 324).

Несколько иной эффект производили речи дон Кихота на образованную публику. Студенты, например, люди, несомненно, более образованные и начитанные, нежели пастухи, крестьяне и «прекрасные сеньоры» с постоянного двора, «поняли дон Кихота и сразу же смекнули, что он не в своем уме»²¹.

Попытки дон Кихота ввести в живое обращение рыцарскую терминологию терпят неудачу. Прежде всего термин «странствующий рыцарь» (*caballero andante*) вне связи с книжной традицией (ограниченной в основном жанром рыцарских романов) непонятен многочисленным собеседникам и слушателям дон Кихота. Даже оруженосец странствующего рыцаря Санчо, исполнявший в меру своих сил и разумения новые для него обязанности, смутно представляет себе смысл этого термина; не совсем ясно для него и словечко *aventurero*. На вопрос служанки: что обозначает «странствующий рыцарь», Санчо восклицает:

«Ты разве только-только на свет родилась, что не знаешь этого? Так знай же, сестрица, что странствующий рыцарь это такая штука, что слова не успеешь молвить, как он может быть и палками поколочен и императором стать»²².

Сочетание *caballero andante*, попадая в обиход живой речи, явно переосмысливается. Прежде всего совершается его отрыв от терминологического ряда, характеризующего различные категории рыцарства: *caballero cortesano*, *caballero de Malta*, *caballero aventurero*.

Единый семантический комплекс разрушается, а само воссоединение частей этого комплекса (*caballero*, *andante*) в речи Санчо, цирюльника, пастухов и т. д. происходит на новой, переосмысленной основе. Слово *andante* со значением, близким к «блуждающий», «бродячий»²³, присоеди-

²⁰ «Todo esto para los labradores era hablarles en griego o en jerigonza», II, XIX, 4, 381.

²¹ II, XIX, 4, 381. Впрочем, то же самое решает и козопас, послушавший речи дон Кихота: «debe de tener vacíos los aposentos de la cabeza», I, III, 3, 461. («должно быть, у него не все дома»).

²² I, XVI, 1, 446. Ср. также вопрос Вивальдо: «¿ qué quería decir andantes? » («что означает странствующие рыцари?») (I, XIII, 1, 368).

²³ Ср., например, *rapero andante* «бродячий цирюльник».

няется к *caballero* как один из многих возможных эпитетов, которые не дают строго определенного рыцарского термина. В результате слово *andante* становится более подвижным, к нему легко присоединяются другие определяющие слова. Например, в речи Санчо: «*valiente y andante caballero*» («храбрый и странствующий рыцарь», II, VIII, 4, 183). Ср. также «*los cristianos, católicos y andantes caballeros*» («христианские, католические и странствующие рыцари», II, VIII, 4, 179); «*caballero andante y aventurero, y cautivo...*» («рыцарь странствующий и ищущий приключения и плененный...», I, VIII, 1, 269).

В авторской речи «*un enamorado y andante caballero*» («влюбленный и странствующий рыцарь», II, XI, 4, 242) слово *andante* отрывается от *caballero* или *caballería* (в терминологическом смысле) посредством введения наречия. Однако отрыв этот очень своеобразен. С одной стороны, *andante* — прилагательное и в сочетании с *mal* (характеристика действия) приобретает признаки причастия²⁴ вследствие усиления стершейся было глагольности; в другой стороны, *mal andante* или *malandante* — это известное в староспанском языке²⁵ прилагательное со значением «несчастливый», «несчастный», т. е. эпитет, терминологически не связанный с *caballero*, *caballería*.

В «Дон Кихоте» мы встречаем целую серию других подобных эпитетов: *caballero enamorado* («влюбленный рыцарь», II, XII, 4, 253); *caballero lamentador* («стенающий рыцарь», II, XII, 4, 258); *caballero lego* («светский рыцарь», II, XIII, 4, 263); *caballero a lo eclesiástico* (букв. «рыцарь на духовный манер», II, XIII, 4, 263); *caballeros santos* («святые рыцари», II, VIII, 4, 183); *asendereado caballero* («гонимый рыцарь», «битый рыцарь», II, X, 4, 213).

Усиление глагольности слова *andante* и распад единого семантического целого *caballero andante* прослеживается в следующем употреблении: «*a cualquier caballero andante o por andar*» («любого рыцаря, странствующего или намеревающегося странствовать», I, XXV, 2, 306).

В данном примере *andante* является причастием настоящего времени и противопоставляется *por andar*, которое передает значение будущего времени. Ср. противопоставление по времени во фразе «*ahora sea caballero andante o pastor por andar*» («кем бы я ни был: странствующим рыцарем, как теперь, или пастухом, который отправляется в странствие», II, LXXIII, 6, 450).

О полном отрыве *andante* от *caballero* свидетельствует следующий пример: «*iban los andantes, caballero y escudero*» («шли [наши] странствующие, рыцарь и оруженосец», II, LVIII, 6, 178); *andantes* выступает в данном употреблении не как определяющее, но как определяемое: *caballero* и *escudero* являются приложением к подлежащему — существительному *los andantes*.

Дон Кихот объясняет нам причину неустойчивости термина *caballero andante*: на замечание Санчо о том, что «существует много странствующих» (*muchos son los andantes*), он отвечает: «*Muchos... pero pocos los que merecen nombre de caballeros*» («[Да] много... но мало кто из них заслуживает имени рыцарей», II, VIII, 4, 183).

«Вольность» в обращении с рыцарской терминологией создает целую серию пародийных образований: *arzobispos andantes* («странствующие архиепископы», I, XXVI, 2, 341; I, XXVII, 2, 348); *doncella andante* («странствующая девица», I, XXVI, 2, 341); *señor andante* («сеньор странствующий», I, XII, 1, 351); *escuderos andantes* («странствующие оруже-

²⁴ Ср. *platero, andante en la corte* («ювелир, обслуживающий двор») и *platero andante* («бродячий ювелир»).

²⁵ Словарь Испанской академии 1826 г. отмечает *malandante* как архаизм.

носцы» вместо «оруженосцы странствующих рыцарей», в речи Тересы Панса, II, V, 4, 123); *escrituras andantes* («странствующие писания», I, XLVII, 3, 376). Слово *escudero*, так же как и *caballero*, мы находим в сопровождении самых разнообразных эпитетов: *hablantes* (ср. *andantes*) *escuderos* («беседующие оруженосцы», II, XII, 4, 260); *escudero moliente y corriente* («тертый и заправский оруженосец», II, XIII, 4, 274); *bosqueril escudero* вместо *escudero del caballero del Bosque* («лесной оруженосец», II, XIII, 4, 274).

Распад терминологического сочетания дает богатые возможности для образования новых, необычных словосочетаний. По образцу *caballería andantesca* строится новое сочетание: *con palabras caballerescas y andantescas* («в рыцарских и странствующих выражениях», I, XLIV, 3, 326).

По типу *caballerías* слово *escuderías* также употребляется во множественном числе, что придает комический оттенок всему выражению: «¿qué bien habéis sacado de vuestras escuderías?» («что за пользу вы извлекли из ваших оруженосцев?», I, III, 3, 472, в речи Тересы Панса).

Сервантес старается подчеркнуть, что слова рыцарского лексикона мало понятны простому народу. Ключница, например, никак не может уразуметь, что такое *aventuras*, которые с таким упрямством ищет ее хозяин сеньор Кехана. Книжное *aventura*²⁶ («приключение»), которое в рыцарском словаре имеет значение «приключение-подвиг», в общеразговорной речи подвергается переосмыслению: оно как бы вступает в противоречие с семантикой слова *ventura* («успех», «удача»), а также с выражениями наречного типа: *a la ventura* («наудачу»), *por ventura* («возможно»). *Ventura*, связанное с понятием «успех», «удача», никак не помогает ключнице осмыслить значение слова *aventuras*; ей кажется, что употребление этого слова только запутывает дело и его следует заменить другим, более соответствующим реальному смыслу — *desdichas* («несчастия»): «*quiere salir otra vez, ... a buscar por ese mundo lo que él (don Quijote) llama venturas, que yo no puedo entender como les da este nombre*» («он снова хочет отправиться по свету, чтобы искать то, что он называет удачей, хотя я не понимаю, почему он дает ей такое название», II, VII, 4, 152).

Даже набравшийся «рыцарского опыта» Санчо не совсем четко представляет себе значение этого загадочного слова *aventura*.

На сообщение дон Кихота: «*Hermano Sancho, aventura tenemos!*» («Брат Санчо, вот перед нами приключение!», II, XII, 4, 252), Санчо замечает: «*Dios nos la dé buena... ¿I adónde está, señor mío, su merced de esa señora aventura?*» («Дай бог, чтобы оно было добрым... А где же, сеньор мой, его милость, этот самый сеньор Приключение?», там же).

Формула рыцарской заповеди *enderezar tuertos* («исправлять несправедливости») бакалавром трактуется очень своеобразно, совсем не по-рыцарски. *Enderezar* («исправлять») приобретает значение «выпрямлять», «править», абстрактное *tuertos* («несправедливости») воспринимается им как «кривые»²⁷. Вся формула превращается в весьма общежитейское выражение «править кривых»:

²⁶ В деревенском просторечии в том же значении употреблялось слово *aventuranza*, которое не зафиксировано в словаре Коваррубиас. См. S. Denis, *Le lexique du théâtre de J. R. de Alarcón*, Париж, 1943, статья «*aventuranza*».

²⁷ Как прилагательное *tuerto* имеет значение «кривой», «косой», как существительное — «несправедливость», «оскорбление». См. Dic. de la Acad., 1791; Zerolo в своем словаре отмечает, что *tuerto* в значении «несправедливость» является архаизмом; Larousse (1943) дает только одно значение: «*que no se ve con un ojo*» («тот, кто не видит на один глаз»). Ср. игру слов у Руэды: «*no era para alguacil que era tuerto*» (Obras, II, 14) [«он не подходил к должности альгвасила, потому что был кривым (несправедливым)»].

«No sé cómo puede ser eso de enderezar tuertos ... pues a mí de derecho mé habéis vuelto tuerto, dejándome una pierna quebrada, la cual no se verá derecha en todos los días de su vida» («Не знаю, как уж вы там выпрямляете кривых, ... только меня из прямого вы сделали кривым, сломав мне ногу, которая никогда теперь не будет прямой», I, XIX, 2, 82). Ср. в речи племянницы дон Кихота: «endereza tuertos, estando por la edad agobiado» («[вы] выпрямляете кривых, а сами согнуты годами», II, VI, 4, 145).

Сервантес подвергает жестокому осмеянию ложную напыщенность, пухлую риторичность стиля рыцарских романов. Манерность рыцарского стиля речи превращалась в истинное бедствие, которое грозило захлестнуть еще не окрепшие демократические тенденции в развитии испанского литературного языка. Поэтому борьба с крайностями поборников рыцарского «возвышенного» стиля, оторванного от живого общенародного языка, враждебного реалистическим языковым тенденциям демократической литературы, приобретала большое значение. Злая сатира Сервантеса, блестяще реализованная средствами языка в о й пародии, нанесла смертельный удар рыцарскому жаргону. После «Дон Кихота» языковая форма «настоящего» рыцарского романа не могла уже восприниматься иначе как пародия.

*

Общенародный язык во всех своих аспектах и стилистических разновидностях является тем источником, из которого писатель черпает материал для воплощения своих мыслей, идей и оценок в художественные образы. Однако разные аспекты языка (лексика, синтаксис, морфология, фонетика), видимо, представляют собой неравноценный материал для использования в специальных целях художественного воздействия. Наиболее «податливым» материалом для художественной обработки является лексика. Грамматические категории (категория рода, числа, модальность, времена, виды и т. д.) также являются богатейшим фондом для стилистического использования. Остановимся хотя бы на двух примерах.

Обычным типом грамматического отрицания в испанском языке является формула *no... nada* (например, *no comió nada* «он ничего не съел»). Отрицательное местоимение *nada* выполняет функцию усиления отрицания. Однако в этой функции могут выступать и другие слова с более конкретным значением, в зависимости от содержания отрицаемого, например, *no comió niája* «не съел ни крошки» (букв. «не съел крошки»), *no bebí gota* «не выпил ни капли» (букв. «не выпил капли»). В данных примерах *niája* («крошка») и *gota* («капля») не только усиливают отрицание, но и уточняют его. Использование подобного рода усилителей (уточнителей) отрицания дает широкие возможности для достижения конкретной художественной выразительности.

Сервантес широко использует эти своеобразные «стилистические» формы отрицаний. Так, на вопрос, есть ли у него деньги, дон Кихот отвечает, что у него нет и «полушки» (*no traía blanca*). Слово *blanca* обозначает мелкую монету в полмараведи. В данном употреблении оно выступает как показатель минимального количества, но не является уже точным выражением денежного знака, а приобретает значение, близкое к нашему *ничегошеньки* («ни гроша»).

Своеобразное отрицательное «местоимение» *ni mogo ni cristiano* (букв. «ни мавр ни христианин») в испанском языке довольно часто использовалось в формулах отрицания в значении, близком к местоимению «никто». Возникновение его относится к той эпохе, когда судьба Испании была тесно связана с арабским миром, и для испанца мир представлялся поделенным

на две части: на христианскую и арабскую. По образцу этого сочетания Сервантес вводит отрицание *ni mogo ni turco* (букв. «ни мавр ни турок»). Отрицательное «местоимение» *ni mogo ni turco* используется Сервантесом не в применении к христианскому (испанскому) миру, а, так сказать, «на мусульманской почве» и своеобразно уточняет место действия: «маврританки не показываются на глаза ни мавру ни турку»²⁸ (т. е. никому, ни одному мужчине).

Анализ языка художественных произведений показывает, что писатели нередко прибегают к таким языковым средствам, которые либо перестали уже быть общепринятой нормой (архаизмы), либо не стали еще общепринятой нормой (неологизмы), либо оторвались и не связаны больше с общенародной нормой (жаргонизмы), либо вообще не были связаны с национальным языком (иноязычные вкрапления), либо общеупотребительны в отдельных местностях, но не характерны для общенационального языка (слова и формы из территориальных диалектов) и т. д.

Появление всех этих элементов речи, лежащих по существу вне литературной нормы, может рассматриваться как закономерное использование языковых средств в целях художественного воздействия, при условии, если все основные задачи разрешаются писателем на базе общенародного литературного языка его эпохи.

В научной литературе, которая также пользуется общенародной нормой литературного языка, использование архаики нетипично: в современной статье по математике не могут появиться такие лексические архаизмы, как *легион*, *неведий*, *тьма*, *колода*, *леодр*, *ворон* и т. д. В художественной литературе архаизмы используются и несут специальную нагрузку эмоционального воздействия.

Выяснение соотношения старого и нового в литературном языке в его историческом развитии необходимо для конкретного анализа функций старого в художественно-языковой системе писателя. Вот один из примеров. Исследование соотношения начальных *f* и *h* (в словах латинского происхождения с начальным *f*) в испанских памятниках до XV в. не дает материала для выяснения их стилистического использования. Другое дело у Сервантеса. Столкновение *f* и *h* в «Дон Кихоте» не закономерно с точки зрения исторического развития испанского языка в конце XVI — начале XVII в., но вполне закономерно и оправдано с точки зрения противопоставления старого и нового в художественных целях. Сеньор Алонсо Кехана Добрый, бедный гидальго из Ламанчи, так же как и все его окружающие, говорит *hablar* («говорить»), а не *fablar*; *hacer* («делать»), а не *fazer*. Но рыцарь дон Кихот Ламанчский восстанавливает утерянное начальное *f*, подражая манере речи ушедших в небытие героев рыцарских книг. Так факты истории языка дают материал для языка художественной литературы. Сервантес-художник мастерски использует этот материал, чтобы лишний раз подчеркнуть, что дон Кихот в своей речевой практике так же смешон и пелец, как и во всех своих «дон-кихотских» начинаниях.

Таким образом, архаизмы, введенные в художественное произведение, нужны и оправданы, если они помогают разрешению идейного замысла писателя, если они не ослабляют коммуникативной функции речи, но по-своему усиливают ее. Перегруженность архаикой, ослабляющая коммуникативную функцию речи, снижает художественную ценность произведения, которую оказывается не в силах повысить даже самый талантливый комментатор. Намеренная архаизация речи (например, в литературной практике немецких реакционных романтиков, испанских писате-

²⁸ «Las moras no se dejan ver de ningún moro ni turco», D. Qu. I, XLI, 3, 235.

лей так называемого «мистического» направления) может знаменовать собою сознательный отказ от достижений национальной литературной речи, что является реакционной попыткой снизить значение национального языка как орудия развития и борьбы.

Создавая тот или иной неологизм, писатель, естественно, выступает пропагандистом «изобретенного» или вновь введенного им слова. В художественном произведении «писательский неологизм» держит своеобразный «экзамен» на последующую общераспространенность и общепотребительность. Важным условием жизнеспособности такого неологизма является его прочная связь с общенародной нормой грамматики. «Изобретая» слова, писатель строит их не по собственному произволу, не по правилам «своей» грамматики, но в соответствии с грамматикой общенародного языка.

Примером словотворчества Сервантеса может служить глагол *atalegar*. Этот необычный по «специальному», узкому значению глагол употребляет оруженосец рыцаря Леса, предлагая Санчо Пансе померяться силами, использовав для этой цели весьма безопасный вид «оружия» — мешки или сумки. Слово *atalegar* («колотить мешком») построено по образцу деноминативных глаголов и состоит из префикса *a-*, корня *-aleg-* (от *alega* «сумка», «мешок») и суффикса *-ar*. Сервантес конструирует этот необычный глагол по весьма обычному типу глаголов 1-го спряжения, т. е. в соответствии с правилами живого испанского глагольного образования. Неологизм *atalegar* не стал фактом литературной речи, но он явился элементом языка художественной литературы, а потому представляет несомненный интерес для исследователя художественно-языковой системы писателя²⁹.

С другой стороны, изобретенное Сервантесом слово *quijotada* имеет значение, близкое к нашему *донкихотство*, и вследствие своей «типической обобщенности» вошло в общенародный словарь³⁰.

Обычно исследователи останавливают свое внимание на писательских неологизмах, которых в сущности не так уже много, и часто проходят мимо неологизмов «анонимных». Между тем «анонимные» неологизмы представляют собою богатый материал для художественного использования. Так, например, Сервантес заставляет Санчо вместо книжного неологизма *dócil* (от лат. *docilis* «понятливый», «восприимчивый», «податливый») употребить неизвестное испанскому словарю *fócil* (ср. *facil* «податливый», «послушный»). По свидетельству Хуана де Вальдес, слово *dócil* к середине XVI в. еще не было окончательно введено в обращение. Заставив Санчо переделать слово *dócil* в *fócil*, Сервантес подчеркивает, что оруженосец рыцаря из Ламанчи, разумеется, не был в числе тех, кто через книгу мог усвоить этот неологизм, хотя, видимо, ему приходилось слышать это слово из уст своего образованного и начитанного господина.

²⁹ Ср. в «Первых радостях» К. Федина («Сов. писатель», 1949, стр. 45): «— Вот твой Конан-Добль! Жри! — Но белецкий увернулся и опять беззаветно налетел на рыжего, приказывая: — Я тебя... накованнойлю!»

Понямо предметного восприятия этого «ситуативного» словечка, мы воспринимаем и все его грамматические показатели: лицо, число, время, вид. Слово не вошло в состав общенародного словаря, но писатель заставил его жить в данной конкретной ситуации — в этом ценность изобретенного или подслушанного писателем «неологизма-эфемериды». Слово *накованнойлють* (думается, что реконструированный инфинитив не вызывает сомнения) не стало фактом общелитературной речи, но явилось элементом языка художественной литературы. Для того чтобы удержаться в общенародном словаре, этому слову не хватает типической обобщенности (ср. *донкихотствовать*).

³⁰ В «Дон Кихоте» Сервантеса мы встречаем только одно слово, построенное в нарушение правил испанской грамматики: это сложное слово *Rocinante* (Росинант) — плод неисчерпаемой фантазии рыцаря из Ламанчи (см. I, I, 1, 98).

Так на языковом материале лишней раз иллюстрируется воспитательная и облагораживающая роль просвещенного рыцаря-гуманиста и восприимчивость простолюдия Санчо.

Жаргоны враждебны, чужды общенародному языку, но они поставляют ценный материал для языка художественной литературы.

В XVI в., вместе с приходом в испанскую литературу типа бродяги-авантюриста (*picajo*), был создан особый жанр «плутовской» повести или романа (*novela picaresca*), который, естественно, в том или ином объеме включал элементы арго многочисленных воровских братств, шаек и прочих деклассированных групп общества. Многие испанские писатели, внимание которых привлекали деклассированные типы *germanos*, *picatos*, *rufos*, *jaques*, широко вводили в литературный обиход арготическую речь.

Введение арготизмов и просторечия требует от писателя большого художественного вкуса, такта и мастерства. «Фотографичность» менее правдива, чем художественное обобщение. Большой мастер слова, Сервантес не идет по линии примитивного, натуралистического воспроизведения арго каторжников или рыцарской тарабарщины, но, исходя из принципов типизирующего значения языка художественной литературы, использует арго для воплощения общего идейного замысла произведения. Мастерство Сервантеса проявляется в том, что чуждые общенародному литературному языку элементы, вплетаясь в языковую ткань художественного произведения, не перестают восприниматься как некие «инородные массивы».

В «Дон Кихоте» арготическая речь используется в основном в главе XXII первой части. На дон Кихота, опрометчиво вступившего в разговор с каторжниками, устремляется поток воровской тарабарщины, в которой он не может разобраться самостоятельно. В этом деле даже Санчо, неоднократно втолковывавший своему господину значение слов и выражений, прибауток и идиомов народно-разговорной речи, не может стать переводчиком. Функцию толкователей словаря «херманий» приходится брать на себя самим носителям арготической речи или конвоирам, которые приобрели некоторые познания в этой области от своих подопечных. Первый из опрошенных дон Кихотом каторжников своим ответом подвергает в изумление «непосвященного» рыцаря. Каторжник сообщает, что осудили его зато, что он был «влюблен»³¹.

«— Только поэтому? — воскликнул дон Кихот. — Да если бы всех влюбленных ссылали на галеры, так я уже давным давно должен был бы взяться за весла»³².

Чтобы рассеять недоумение дон Кихота, каторжник поясняет:

«— Ваша милость совсем про другую любовь толкует. — Моя любовь была такого рода, что влюбился я в корзину с бельем и заключил ее в свои объятия с такой страстью, что если бы правосудие не вырвало ее силой, я бы и по сей день не расстался с ней добровольно»³³.

В изумление привело дон Кихота и сообщение о проступках второго каторжника, который осужден за то, что был «канарейкой или, другими словами, музыкантом и певцом» (*«este, señor, va por canario, digo, por músico y cantor»*).

«— Что такое? — продолжал допытываться дон Кихот. — Разве музыкантов и певцов тоже ссылают на галеры?»

³¹ «que por enamorado iba de aquella manera», I, XXII, 2, 182.

³² «¿Por eso mo más? replicó don Quijote; pues si por enamorados echan a galeras, días há que pudiera yo estar bogando en ellas», I, XXII, 2, 182.

³³ «No son los amores como los que vuestra merced piensa... que los míos fueron que quise tanto a una conasta de colar atestada de ropa blanca que la abracé conmigo tan fuertemente, que a no quitármela la justicia por fuerza aun hasta ahora no la hubiera dejado de voluntad», I, XXII, 2, 182.

— Да, сеньор,— отвечал каторжник.— Хуже нет, когда кто запоет в беде» (аргот. cantar en ansia).

В качестве переводчика выступает один из конвойных:

«— Сеньор caballero, петь в беде на языке этих нечестивцев означает признаться под пыткой...»³⁴

Дон Кихот не понимает своих собеседников, говорящих на воровском аргот. Он даже не подозревает, что они вкладывают в слова и выражения общенародной речи какой-то свой особый смысл.

Выше было показано, что рыцарский жаргон дон Кихота так же мало понятен его окружающим.

*

Попытаемся подвести некоторые итоги.

Понятие «язык художественной литературы» указывает на конкретное использование общенародного языка (в первую очередь его литературной нормы) в специальных целях художественного воздействия. Его специфика прямо связана с самим строем общенародного языка, из которого он черпает художественные, образительные средства. Между общенародным языком и тем, что мы называем «языком художественной литературы», нет различия по существу. Приемы художественного творчества дают возможность вскрыть и наглядно представить стилистико-грамматические и лексические богатства и возможности общенародной речи.

В области художественной литературы, так же как и во всех других сферах человеческой деятельности, язык является действенным орудием развития и борьбы.

Все стороны общенародного языка могут быть художественно использованы. Однако лексика, синтаксис, морфология и фонетика в этом отношении неравноценны. Более «податливым» материалом для художественной обработки являются лексика и синтаксис.

Язык художественной литературы, опираясь в основном на нормы литературной речи, постоянно использует языковые пласты, лежащие вне ее: просторечие, архаизмы, неологизмы, еще не ставшие достоянием литературной нормы, диалектизмы, профессионализмы, которые не вышли еще из узкой сферы специализированной лексики, жаргонные слова и т. д.

Язык художественной литературы особенно ярко отражает эмоциональную сторону общенародной речи.

Детальная и конкретная разработка вопросов о наиболее характерных средствах языковой выразительности, о функциях «нелитературных» речевых пластов в художественном произведении, о неравноценности различных аспектов языка для художника слова, несомненно, помогла бы уточнить понимание специфики языка художественной литературы в сравнении с другими видами речевой практики.

³⁴ «¿Pues cómo, por músicos y cantores van también a galeras? Si, señor, respondió el galeote, que no hay peor cosa que cantar en el ansia. Antes he oído decir, dijo don Quijote, que quien canta sus males espanta. Acá es al revés, dijo el galeote, que quien canta una vez llora toda la vida. No lo entiendo, dijo don Quijote, mas una de las guardias le dijo: «Señor caballero, cantar en el ansia se dice entre esa gente non sancta confesar en el tormento...» I, XXII, 2, 188.

П. С. КУЗНЕЦОВ

**ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

Сравнительно-историческое изучение родственных языков является одной из важнейших задач, поставленных перед советскими лингвистами И. В. Сталиным в его гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания». «Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории «праязыка», — говорит И. В. Сталин. — А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка. Я уже не говорю, что теория «праязыка» не имеет к этому делу никакого отношения»¹. Не случайно, что, говоря о языковом родстве, И. В. Сталин указывает именно на славянские языки, как на пример такого родства. На протяжении многовековой своей истории славянские племена, впоследствии народы, неоднократно действовали совместно, сообща боролись с общими врагами; тесны и длительны были объединявшие их культурные связи. Славянские языки, чрезвычайно близкие друг другу в эпоху древнейших памятников, сохраняют взаимную близость на протяжении всей дальнейшей истории, вплоть до наших дней. Изучение связей этих языков имеет большое научное и культурное значение. На основании изучения их взаимоотношений могут быть поняты как внутренние законы развития языка, так и связь развития языка с развитием общества. Только имея в виду обе эти задачи, теснейшим образом связанные между собой, можем мы выполнить задачу, поставленную перед нами И. В. Сталиным.

Между тем следует признать, что за время, протекшее после появления гениального труда И. В. Сталина, в области сравнительно-исторического изучения славянских языков у нас пока почти ничего не сделано. Большие задачи стоят перед нами. Мы должны подвергнуть углубленной разработке в сравнительно-историческом плане как современные отношения славянских наций и языков, так и историческое развитие этих отношений. Последнее возможно лишь на основе достижений сравнительно-исторического метода. Вместе с тем на материале славянских языков мы должны усовершенствовать этот метод, который, по указанию И. В. Сталина, имеет и «серьезные недостатки».

Однако плодотворная научная разработка проблем славянского языкознания в сравнительно-историческом плане невозможна без перестройки исторического изучения в вузах отдельных славянских языков, и в первую очередь русского. В период господства в советском языкознании воззре-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 33—34.

ний Н. Я. Марра, и особенно в последние годы перед дискуссией, сравнительно-историческое языкознание было изгнано из нашей высшей школы, а из истории отдельных языков тщательно вытравились всякие элементы сравнительно-исторического объяснения различных языковых явлений. Между тем дальнейшая разработка сравнительно-исторического славянского языкознания, принимая во внимание всю сложность и многообразие стоящих перед нами в этой области проблем, невозможна без подготовки научной смены, без подготовки молодых кадров, владеющих сравнительно-историческим методом и умеющих применять этот метод к историческому изучению отдельных языков. Поэтому и изучение истории русского языка в системе вузовского преподавания не может вестись изолированно от родственных славянских и, шире, индоевропейских языков, не может не опираться на сравнительно-исторический метод.

Какие же основные задачи стоят перед нами в этой области?

Наличие в родственных языках, входящих в одну группу или семью, большого количества закономерных и последовательно проведенных соответствий в звуковом составе и значении корней и грамматических формативов (приставок, суффиксов, окончаний) не может быть объяснено иначе, как развитием всех языков одной группы или семьи из некогда существовавшего единого для данной группы или семьи языка-основы. Все попытки Н. Я. Марра и его «учеников», а также ученых, эклектически примирявших «новое учение» о языке и сравнительно-исторический метод, опровергнуть это положение, опирались лишь на голословные и бездоказательные утверждения и на совершенно фантастические объяснения. После разгрома антинаучной «теории» Н. Я. Марра теория развития родственных языков от языка-основы была сформулирована в ряде лингвистических работ, в том числе в докладах, прочитанных представителями Института языкознания АН СССР на сессии по проблемам этногенеза осенью 1951 г., и не встретила никаких обоснованных возражений².

Изучение истории любого отдельного славянского языка, в частности русского, должно начинаться с изложения особенностей общеславянского языка-основы и тех изменений, которые имели место на протяжении развития нашего языка от эпохи общеславянского единства до эпохи, засвидетельствованной древнейшими письменными памятниками.

Поскольку близкие родственные между собой славянские языки развились из некогда существовавшего единого общеславянского языка-основы, постольку одной из важнейших, хотя и не единственной, задачей является возможно полная реконструкция этого языка-основы. Подобная реконструкция достигается, с одной стороны, при помощи сравнения фактов отдельных славянских языков в различные эпохи их истории, преимущественно же в их древнейшем исторически засвидетельствованном состоянии (т. е. в эпоху их древнейших дошедших до нас письменных памятников), с другой же стороны, на основании сравнения этих фактов с фактами других индоевропейских языков. Некоторые лингвисты считают, что, в отличие от старого сравнительно-исторического языкознания, основной задачей современной науки является не реконструкция доисторического прошлого, а решение других проблем, также действительно важных, о которых будет сказано ниже. Однако отказ от такой реконструкции приведет нас к агностицизму, т. е. к установлению одних лишь соответствий между словами и формами родственных языков без ответа на вопрос, каким же образом эти соответствия возникли. Отказ от реконструкции языка-основы означал бы также признание, что все то, что можно было сделать в этой области, уже сделано в прежние годы. Между тем многое из того, что

² Подробнее см. в статье Б. В. Горнунга, В. Д. Левика и В. Н. Сидорова в № 1 «Вопросов языкознания».

было сделано раньше, требует критического пересмотра, на основе которого только и возможно дальнейшее плодотворное движение вперед.

Реконструкция единого общеславянского языка-основы вследствие взаимной близости отдельных славянских языков, а также вследствие того, что важнейшие отдельные славянские языки (хотя и не все в равной мере) хорошо изучены на всем протяжении их истории, осуществляется с большей легкостью, чем реконструкция языков-основ многих других групп, и тем более, чем реконструкция общиндоевропейского языка-основы. Наличие большого количества древнерусских и старославянских памятников, а также древних памятников различных южнославянских языков позволяет нам в достаточно полном виде представить себе состояние восточнославянской и южнославянской групп уже в X—XI вв. Западнославянские памятники (если не считать отдельных глосс, собственных имен, а также немногочисленных старославянских памятников западного извода) относятся к более позднему времени (к XIII в. для чешского языка, к XIV в. для польского, для других еще позднее). Мы с достаточной точностью можем реконструировать общеславянский звуковой строй, систему гласных и согласных, систему ударения, основные закономерности фонетического порядка, характеризующие этот строй (в первую очередь закономерности, связанные с структурой слога); с достаточной точностью можем мы восстановить и грамматический строй общеславянского языка, его систему склонения и спряжения. Так, например, основные типы склонения удается восстановить почти с полными для каждого типа парадигмами. Эти же типы, хотя и в несколько нарушенном виде, но с достаточной ясностью выступают и в древнейших дошедших до нас памятниках отдельных славянских языков. Таким образом, восстанавливаемая падежная система свидетельствуется и древнейшими памятниками письменности. Между тем при восстановлении общиндоевропейского грамматического строя приходится констатировать, согласно изысканиям последнего времени, что падежная система, засвидетельствованная наиболее архаическими индоевропейскими языками, еще не оформилась в грамматическом строе общиндоевропейского языка-основы. Мы вскрываем для общеславянского языка-основы в основном ту же систему прошедших времен, простых и сложных, которую находим в древнейших письменных памятниках (сложнее вопрос лишь в отношении будущего времени), что же касается системы глагола общиндоевропейского языка-основы, то она опять-таки сильно отличалась от аналогичной системы засвидетельствованных языков (так, нельзя еще считать окончательно решенным вопрос, оформилась ли уже эта система как временная или мы имеем дело еще с различием видов, представленных основами различных глаголов одного корня). Для общеславянского языка мы можем с достаточной точностью восстановить основные правила, по которым сочетались слова в предложении. Многие синтаксические конструкции являются, несомненно, общеславянскими (употребление дательного притяжательного для выражения принадлежности и ограничение родительного принадлежности вполне определенными случаями, особенности согласования сказуемого с подлежащим, ряд падежных конструкций и мн. др.). Мы можем реконструировать не только основной словарный фонд общеславянского языка, но и значительную часть словарного состава в целом, а также основные словообразовательные аффиксы и способы словообразования.

Реконструируя общеславянский язык-основу, мы должны иметь в виду, что эта реконструкция не является самоцелью, как это часто имело место в старом языкознании, а должна служить средством к раскрытию законов развития языка. Мы должны помнить, что язык-основа — это не просто схема, искусственно созданная сравнением, но некогда существовавший

живой и исторически развивавшийся язык, в нем самом могут быть намечены различные пласты, восходящие к различным эпохам.

Так, на основании сравнения данных различных славянских языков в их древнейшем исторически засвидетельствованном состоянии общеславянский язык вырисовывается перед нами как язык особого, весьма характерного фонетического строя, основные закономерности которого связаны с своеобразной структурой слога, которую характеризуют прежде всего так называемый закон открытых слогов или, шире, тенденция расположения звуков в слоге в порядке возрастающей звучности и тенденция однородности звуков в слоге с точки зрения качества их артикуляции (передней или задней). Ср., например, характерную для старославянского языка невозможность сочетания палатальных согласных \dot{z} , \dot{s} , r' , l' и др. со звуками o , \bar{z} , \bar{s} или невозможность сочетания заднеязычных согласных с гласными переднего ряда. Эти закономерности не сложились сразу как нечто готовое. Каждая из них является результатом ряда частных фонетических процессов, происходивших в весьма различные исторические эпохи. Так, открытые слоги установились большей частью в результате монофтонгизации дифтонгов. Различные дифтонги монофтонгизировались в весьма разные эпохи. Если монофтонгизация таких дифтонгов, как ou и ei , происходила в ранний период существования общеславянского языка-основы, то монофтонгизация такого дифтонга, как oi (возможно, вследствие разнородности звуков, входивших в его состав), имела место значительно позднее. На то, что утрата дифтонга oi относится к сравнительно позднему времени, указывает, как известно, тот факт, что в эпоху первой палатализации этот дифтонг еще сохранялся (не вполне выяснено до сих пор, сохранялся ли этот дифтонг в начале действия второй палатализации). Очень поздно монофтонгизировались дифтонгические сочетания, оканчивавшиеся на плавный согласный (т. е. сочетания типа * $tort$). Фонетический облик общеславянского языка-основы в более ранний период его развития был совсем иной, чем мы его представляем себе для более позднего периода. Так, в нем существовало еще, например, большое количество закрытых слогов, лишь впоследствии ликвидированных. В определенную эпоху устанавливается и норма, согласно которой гласные и согласные в слоге имеют тенденцию быть однородными с точки зрения их передней и задней артикуляции. И если мы возьмем ранний период существования этого языка до наступления первой палатализации и далеко идущего воздействия j на предшествующие согласные, то увидим, что в пределах одного слога могли быть звуки разнородной артикуляции.

Различия более ранней в более поздней эпох в существовании общеславянского языка находим и в отношении системы ударения. Так, более поздняя эпоха развития общеславянского языка-основы характеризуется музыкальным, политоническим ударением, для которого характерны различия не только в отношении места, но и качества ударения в смысле направления движения голосового тона, в связи с чем различные слова и формы могут различаться не только местом, но и качеством ударения (при одном и том же месте). Ср., например, общеславянские * $vǫgъ$ «ворон» (нисходящее ударение на слоге og) и * $vǫgna$ «ворона» (восходящее ударение на том же слоге). Указанные различия в направлении движений голосового тона были в раннюю эпоху лишь дополнительными признаками слогов, различавшихся длительностью слогового элемента (ударение восходящее характеризовало слоги с долгими простыми гласными или долгими дифтонгами, ударение нисходящее — слоги с краткими дифтонгами или краткими простыми гласными).

Существует предположение, принятое большинством ученых, работающих в области сравнительно-исторического славянского языковедения,

что отличие древнейшей эпохи развития общеславянского языка от эпохи позднейшей в акцентологическом отношении было еще более глубоким. Предполагают, что некогда определенные музыкальные отношения характеризовали не только ударные, но и безударные слоги. Однако для такого предположения нет достаточных оснований. Оно может быть приведено в качестве гипотезы, подлежащей коренному пересмотру и принятой лишь потому, что на ее основе легко объясняются различные передвижения славянского ударения доисторической эпохи, которые могут быть объяснены и некоторыми объясняются иначе³.

Поэтому одной из важных задач, встающих перед нами при изучении дописьменной истории славянских языков, как в эпоху уже раздельного существования отдельных языков или групп, так и в эпоху существования единого общего языка-основы, а отчасти и при изучении эпохи, от которой дошли до нас письменные памятники, является точное определение хронологической последовательности изучаемых фонетических процессов или, иными словами, определение относительной хронологии фонетических явлений, поскольку для эпохи дописьменных памятников нельзя точно определить абсолютную дату появления той или иной черты. Да и письменные памятники, особенно древнейшей эпохи, не всегда дают достаточно точное представление о тех или иных процессах. Притом следует иметь в виду, что многие явления, отразившиеся в памятниках, сложились еще в дописьменный период. Относительная хронология, вообще сравнительно недавно разрабатываемая, была в центре внимания русских ученых (И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. А. Богородицкого и др.) еще в конце XIX в., когда большинство западноевропейских лингвистов относило различные реконструируемые явления в область общего для данной группы или семьи праязыка (славянского или индоевропейского, все равно) без учета того, что многие из этих явлений не могли сосуществовать в одном языке одной эпохи. Следует заметить, что, несмотря на интенсивную разработку этой области, в ней еще много неясного и многое предстоит сделать.

Кроме того, нужно иметь в виду, что относительная хронология одних только фонетических явлений недостаточна. Звуки языка существуют не сами по себе, в них всегда облечены слова и формы. Развитие грамматического строя любого языка, его совершенствование, улучшение и уточнение его правил является ведущим началом в развитии языка и всегда находит свое выражение в его звуковом строе; возникающие грамматические категории любого языка всегда облачаются в звуки. Поэтому необходимо тесно связать относительную хронологию фонетических явлений с хронологией явлений, относящихся к другим сторонам языка, в первую очередь к морфологии. Когда мы рассматриваем доисторическое развитие грамматических форм, мы должны отчетливо представлять себе звуковой облик этих форм в различные периоды, а иногда и самое возникновение таких форм мы можем хронологически приурочить ко времени возникновения определенных фонетических явлений.

Как известно, за очень немногими исключениями, *x* является новым звуком для общеславянского языка, он развился из *s* в определенных фонетических условиях и лишь впоследствии в результате процессов аналогического порядка утратил связь с первоначальными фонетическими условиями. Так, например, процесс обобщения показателя *x* в древнем сигматическом аористе продолжается еще в историческое время (ср. засвидетельствованное в старославянском языке колебание между формами типа *мъ съ* и *мъ хъ*). В отличие от колебания *s:x* в формах древнего сигматического аориста новый сигматический аорист, как и имперфект, последовательно

³ См., например, J. Kuryłowicz, *L'accentuation des langues inde-européennes*, Краков, 1952.

представляют звук *x* в тех фонетических условиях, где первоначально он быть не мог. Этот факт, может быть, свидетельствует о том, что имперфект (как и новый сигматический аорист), связанный генетически в своем оформлении с древним сигматическим аористом (как бы ни объяснять элемент, предшествующий этому *x*), получил свою форму тогда, когда уже не действовала фонетическая норма $s > x$ и когда *x* могло являться и в других фонетических условиях. В свою очередь это наблюдение над фонетическим оформлением данной категории указывает на сравнительно позднее установление категории имперфекта в ее исторически засвидетельствованном для славянских языков облике. Без определения же последовательности развития различных грамматических форм нельзя понять развития грамматического строя языка в целом.

Еще в доисторическую (дописьменную) эпоху, но, повидимому, сравнительно поздно, установилось морфологическое различие между южнославянскими языками, с одной стороны, восточнославянскими и западнославянскими — с другой, состоящее между прочим в различии некоторых падежных форм *-jo* и *-ja* основ, а также неличных местоимений (южнославянское *ε* при западнославянском и восточнославянском *ě*). Это различие, несмотря на неоднократные попытки (Ф. Ф. Фортунатов, Д. В. Бубрих) истолковать его фонетически, возможно, с самого начала было различием морфологическим. Ф. Ф. Фортунатов, как известно, предполагал фонетическое развитие общеславянского носового *ě* из сочетаний **-jons*, **-jans* на конце слова. Против этого предположения говорит как будто развитие *ε* с закономерными соответствиями в различных славянских языках в именительном падеже единственного числа мужского и среднего рода причастия настоящего времени глаголов III-го класса (например, старослав. *знаж*, русск. *зная*). Д. В. Бубрих пытался объяснить это тем, что в последнем случае было сочетание не **-jons*, как в указанных выше формах, а **-jonts* (на наличие *t* указывают как косвенные падежи, так и соответствующие формы в других индоевропейских языках). Однако это предположение основано лишь на том положении, что различные результаты могли получиться лишь из различных исходных форм. С точки зрения фонетических закономерностей совершенно непонятно, почему он перед *s* дает носовое *ě*, а перед *ts* — носовое *e*. Если даже предположить, что рассматриваемые различия в какую-то эпоху развились фонетически, хотя пока еще и не выясненным путем, в определенную эпоху они стали, несомненно, морфологическими. И эпоха установления этого различия может быть соотнесена с определенными явлениями чисто фонетического порядка. Как известно, в определенную доисторическую эпоху в общеславянской звуковой системе действовала норма, согласно которой *ě*, являвшееся первоначально очень открытым звуком, после шипящих подвергалось изменениям в *a* (возможно, что в данном случае речь идет даже еще не о *ě*, а о том *ě*, из которого развилось *ě*, но есть основания думать, что этот процесс охватывал и *ě*, установившийся как особый звук). Эта закономерность продолжала действовать некоторое время и на почве отдельных славянских языков (ср. в русском языке в топонимических названиях — *Серегьрь*, *Селижарово*, *Селижаровка*, из угро-финского *Selg-jär(w)i*). Древнерусские формы типа род. п. ед. ч. *душь*, вин. п. мн. ч. *ключь* свидетельствуют о том, что в эпоху утверждения окончания *-ě* в соответствующих формах закономерность эта уже не действовала. Можно было бы думать об особых условиях конечного слога, что иногда вообще имеет место. Но такие формы, как 2—3 лицо ед. ч. аориста типа *мълача* говорят о том, что закономерность действовала и в конечном слоге. Этот факт известным образом определяет хронологические рамки утверждения соответствующего морфологического явления относительно других и именно фонетических явлений.

Придавая большое значение относительной хронологии явлений различного рода, необходимо иметь в виду, что разработка исключительно лишь вопросов относительной хронологии неизбежно ведет к известной схематизации.

Относительная хронология является крайне ценным средством, но лишь в том случае, если она подводит нас к познанию общих законов развития языка. Определение того, какими путями идет развитие грамматического строя для каждого конкретного языка на протяжении различных эпох его существования, а следовательно, и для доисторического развития общеславянского языка-основы, является необходимым для раскрытия внутренних законов развития языка, изучение которых, по указанию И. В. Сталина, является главной задачей языкознания. При этом развитие грамматического строя данного языка, как уже было сказано, не может быть полностью раскрыто и понято, если мы не установим последовательности развития различных грамматических категорий, смены одних категорий другими. Грамматический строй любого языка развивается в неразрывной связи с развитием мышления по пути все дальше идущего обобщения, абстракции, причем в разных языках это развитие идет различными и весьма своеобразными путями как в отношении того, какие грамматические средства используются, так и в отношении тех значений, которые соответствующими средствами выражены. С другой стороны, относительная хронология имеет целью подвести нас к абсолютной хронологии, конечно, настолько абсолютной, насколько это может быть сделано для дописьменных эпох. Только таким образом мы можем поставить изучение дописьменного развития строя языка на реальную историческую почву. Некоторые вехи в этом направлении могут быть поставлены и в настоящее время. Кое-какие указания дают, например, слова, проникшие в славянские языки из других языков в определенную эпоху. Фонетические изменения таких слов на общеславянской почве и на почве отдельных славянских языков, морфологическая структура этих слов и приспособление этой структуры к славянским условиям могут дать известные опорные точки для установления хотя бы приблизительно абсолютной хронологии некоторых явлений, а поскольку установлена относительно-хронологическая связь последних с некоторыми другими явлениями, то и для ряда других явлений. В качестве примера можно привести проникшее в славянские языки не ранее IX в. слово *korǫь «король», изменения которого много дают как для решения проблемы развития сочетаний типа *tort*, так и для решения вопросов акцентологического характера.

Много может дать и исследование топонимических названий, которые были унаследованы славянами от племен и народов, принадлежавших в языковом отношении к другим группам и семействам и расположенных некогда на тех территориях, которые впоследствии были заняты славянами (например, исследование русских топонимических названий на севере и востоке Европейской части СССР, полученных из различных угро-финских языков, поскольку эти названия принадлежат к различным хронологическим слоям и отражают историю взаимоотношения восточнославянских племен, а впоследствии русской народности с угро-финскими племенами). Само собой разумеется при этом, что одни языковые данные недостаточны даже для какого бы то ни было приближения к абсолютной хронологии и не могут быть плодотворно использованы, если мы не будем все время помнить указание И. В. Сталина о необходимости изучения развития языка в неразрывной связи с историей народа и если, помимо данных языка, не будут использованы в самом широком объеме данные исторических дисциплин — истории, археологии, этнографии. Понимание исторических судеб славянских племен и впоследствии народов не только для эпохи

дописьменной, но и для эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, понимание условий, в которых славянские племена и народы сменяли племена и народы, говорившие на иных языках, возможно лишь на основе полного использования исторических, археологических, этнографических данных. При этом необходимо иметь в виду, что обширный и чрезвычайно ценный фактический материал, собранный советскими археологами и этнографами и освещающий доисторические судьбы славянских племен, в свою очередь нуждается в критическом отношении к нему, поскольку материал этот в корне ошибочно интерпретировался в период господства марровских воззрений, пагубно отразившихся на развитии не только языкознания, но и археологии и этнографии. Характерные для периода господства марровских воззрений ошибки советских археологов и этнографов не изжиты полностью еще и теперь, как показывают некоторые доклады на сессии по проблемам этногенеза осенью 1951 г. (подробнее см. об этом ниже).

Восстанавливая общеславянский язык-основу в разные эпохи его существования, мы должны отчетливо представлять себе, каков был этот язык, каков был его звуковой и грамматический строй, его словарный состав, и не приписывать ему тех особенностей, которые характеризуют позднейшие исторически засвидетельствованные славянские языки. Ошибки, связанные с переносом в глубокую древность явлений, характерных для позднейших эпох, мы встречаем порой у весьма крупных исследователей. Так, А. Мейе, а за ним А. Вайан южновеликорусское и белорусское аканье генетически связывают с древним (у Мейе общеславянским, а у Вайана общепольскославянским) неразличением тембров *o* и *a*⁴, хотя это явления совершенно различного порядка и относящиеся к различным эпохам. Диалектное восточнославянское неразличение гласных (к тому же не только *o* и *a*, но также и *e*), называемое аканьем, относится лишь к безударному положению, тогда как древнее общеславянское (и балтийское) неразличение *o* и *a* с ударением не связано. Кроме того, возникновение аканья относится к сравнительно позднему времени (вряд ли оно имело место раньше падения редуцированных).

Различия совершенного и несовершенного видов, которые характерны для современных славянских языков, А. Мейе также приписывает общеславянскому языку⁵. Между тем, хотя определенная основа для этих различий наметилась уже в общеславянскую эпоху, даже к эпохе древнейших славянских памятников — старославянских, древнерусских — эти различия не оформились в них еще в той степени, как в современных языках. Следует иметь в виду, что оформление различий совершенного и несовершенного видов с их различными разновидностями, осуществившееся на базе уже сложившейся временной системы, шло в разных славянских языках различными путями. Это видно из того, что в разных славянских языках по-разному развивались отношения видов к временам, в отрыве от которых развитие видов и не может быть понято. Это различие состоит не только в том, что в одних языках терялись древние простые времена (как в восточнославянских и подавляющем большинстве западнославянских), а в других сохранились (как в южнославянских), но отношения видов к временам развивались по-разному даже в таких языках, где старая система времен целиком или хотя бы в основном сохранилась, как, например, в сербском и болгарском⁶. Различное развитие видов в отно-

⁴ См. А. Мейе, *Общеславянский язык*, русск. перевод, М., 1951, стр. 44; ср. также A. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves*, Париж, 1950, I, стр. 107.

⁵ См. А. Мейе, *Общеславянский язык*, стр. 239.

⁶ См. B. Havránek, *Aspects et temps du verbe en vieux slave*, Mélanges Bally, Женева, 1939.

шении к временам в разных славянских языках подтверждает предположение, согласно которому оформление видовой системы в начале исторической эпохи славянских языков еще не приняло современного облика.

Когда мы реконструируем звуковой и грамматический строй общеславянского языка-основы, необходимо соблюдать требование последовательности в реконструкции доисторических форм. Здесь надо постепенно идти от сравнения исторически засвидетельствованных форм к сравнению гипотетически реконструированных форм и восстановлению на основе этого сравнения форм еще более древних. Это правило далеко не всегда соблюдается и в самых последних работах по сравнительной грамматике славянских языков. Так, например, известный французский славист А. Вайан как в своей недавно вышедшей сравнительной грамматике, так и в более ранних специальных работах для объяснения славянских фактов как в области фонетики, так и в области морфологии, минуя предшествующие звенья, обращается непосредственно к фактам хеттского языка, весьма своеобразного и удаленного во многих отношениях от всех остальных индоевропейских языков в целом, что свидетельствует о раннем обособлении и самостоятельном развитии этого языка.

Существенной задачей, связанной с реконструкцией общеславянского языка-основы, является точное (насколько это возможно) определение пути, пройденного этим языком после выделения из общиндоевропейского языка-основы. С этим связана и проблема взаимоотношения общеславянского языка с языками других индоевропейских групп, в особенности наиболее близкой балтийской группы, и различные проблемы развития структуры общеславянского языка-основы, в первую очередь его грамматического строя. В славянских языках отсутствуют некоторые категории, наличные в других индоевропейских языках. Так, например, в славянских языках отсутствует (и, следовательно, могло отсутствовать в общеславянском языке, во всяком случае в эпоху, непосредственно предшествующую его распаденю) различие активных и медиальных окончаний в глаголе. Утрачено ли это различие на протяжении развития общеславянского языка, как обычно думают; или этого различия в славянской области никогда и не было? Одни славянские окончания, как известно, сопоставляются с активными, другие с медиальными окончаниями других индоевропейских языков, причем активные и медиальные окончания, по крайней мере в части случаев, генетически связаны. Ср. общиндоевропейские *-mi, *-mai, *-si, *-sai, -*ti, *-tai. Но таково ли было различие значений этих окончаний в общиндоевропейском языке-основе, какое мы находим, например, в санскрите или греческом, на основе сравнения которых и устанавливают в первую очередь общиндоевропейские личные окончания? Одним из основных требований, выдвигаемых при реконструкции доисторических форм, но далеко не всегда соблюдавшихся сравнительно-историческим языкознанием прежнего времени, является необходимость учитывать не только эволюцию звуковой стороны языка, но и эволюцию значения соответствующих форм. Те формы, которые впоследствии в части индоевропейских языков могли получить значение активных и медиальных личных окончаний, могли и не иметь этих значений в грамматическом строе общиндоевропейского языка-основы; ничто не указывает на то, что различия активных и медиальных форм глагола были когда-то свойственны общеславянскому языку-основе и лишь затем были утрачены на протяжении его развития.

Реконструкция общеславянского языка-основы в различные периоды его развития, хотя и представляет большую важность, не является единственной задачей, стоящей перед сравнительно-историческим языкознанием. Одним из недостатков старого сравнительно-исторического языко-

знания и было чрезмерное увлечение реконструкцией доисторического прошлого. Важной общей задачей является сравнительно-историческое изучение развития славянских языков на протяжении различных исторических эпох, т. е. эпох, засвидетельствованных письменностью, вплоть до наших дней. Да и сама реконструкция доисторического развития общеславянского языка-основы и отдельных славянских языков в сколько-нибудь широком объеме может быть осуществлена лишь на основе тщательного изучения исторического развития отдельных языков.

Взаимоотношения различных славянских языков на протяжении их истории меняются. Одни и те же славянские языки в одну эпоху ближе к одним, в другую к другим языкам, и даже в одну и ту же эпоху разные явления по-разному связывают между собой различные славянские языки. При изучении исторической грамматики любого отдельного языка должны быть установлены черты как сходства, так и различия по отношению к другим родственным славянским языкам и при этом черты, различные для разных эпох. В славянском языкознании прежнего времени по-разному решался вопрос о взаимоотношениях различных славянских языковых групп. Так, например, восточнославянские языки (в частности, русский), по мнению одних лингвистов, ближе к южнославянским, по мнению других, — к западнославянским и особенно к польскому. Между тем оба решения вопроса не являются взаимоисключающими, так как правильное разрешение его предполагает перенесение проблемы в исторический план.

Необходимо прежде всего отдать себе отчет в том, о какой эпохе и о каких явлениях идет речь. Наиболее ранние различия, отличающие друг от друга славянские языки, относятся в первую очередь к фонетике. Большинство этих различий таково, что объединяет восточнославянскую и южнославянскую группы, отличая их от западнославянской (ср. судьбу сочетаний *tl, dl*, судьбу *kv, gv* перед *ě* из дифтонга *oj* и т. д.). Но ряд фонетических и морфологических явлений сближает восточнославянскую группу с западнославянской. Так, и там и здесь развиваются и усиливаются различия твердых и мягких согласных, утрачивающиеся в южнославянской области, и там и здесь разрушается старая система времен, сохраняющаяся в целом лишь в южнославянской группе (а из западнославянских языков — лишь в лужицком).

Даже в отношении такого специфического восточнославянского фонетического явления, как полногласие, по мнению некоторых ученых, восточнославянская группа сближается с западнославянским польским языком, поскольку сочетания типа **tort > torot* и **tort > trot* представляют развитие, во многом подобное друг другу.

Объяснение различий во взаимоотношениях отдельных славянских языков в разные эпохи и в разных сторонах их звукового и грамматического строя и словарного состава является одной из важнейших задач славянского языкознания. Более тесная связь восточнославянской и южнославянской группы в фонетических явлениях древнейшей эпохи как будто может быть объяснена исторически. Племенные союзы словен и антов, предков современных южных и восточных славян, длительное время действовали совместно, совместно вели борьбу против Византии. Тесные связи этих двух племенных союзов, оформившихся на основе очень близко родственных племенных наречий, могли способствовать тому, что их наречия совместно переживали ряд языковых явлений. И, однако, повторение, вопрос не может быть решен так прямолинейно. Многие древние связи объединяют восточнославянскую группу с западнославянской — таковы некоторые элементы словарного состава, словообразования (ср., например, использование *и* в восточнославянской и в западнославянской области глагольной приставки *vy-*, *vu-* в соответствии с южнославянской

из-, iz-), сюда же относится различие в падежном окончании основ на -jo и на -ja, а также местоимений — восточнославянское и западнославянское -ě при южнославянском -ę. Впрочем, последнее различие, хотя и доисторическое, относится, как уже было сказано выше, к сравнительно позднему времени.

Большинство фонетических и морфологических явлений, объединяющих восточнославянские и западнославянские языки, относится к более позднему времени. Разрушение системы простых прошедших времен имеет место в разных наречиях в несколько различные эпохи, но в целом оно падает уже на исторический период. Есть основания думать, что живой древнерусский язык XI—XII вв. еще знал имперфект и аорист. Усиление различий твердых и мягких согласных, связанное со все дальше идущим развитием так называемых согласных вторичного смягчения, по крайней мере для древнерусского языка, падает на эпоху древнейших памятников. Для западнославянской области письменные памятники, соответствующие по древности указанным выше древнерусским, неизвестны. Различное развитие сочетаний типа *torc (следует, кстати, напомнить, что в судьбе их западнославянский чешский язык отходит от остальных западнославянских и смыкается с южнославянскими) относится к сравнительно позднему времени (об этом свидетельствует судьба формы *korъ и некоторые другие факты).

Изучая сравнительно-исторически развитие отдельных славянских языков на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, мы должны вскрыть, каким образом общие предпосылки, общие тенденции развития, заложенные еще в общеславянском языке-основе, конкретно по-разному осуществляются в различных славянских языках, приводя в них к различным специфическим для каждого языка, хотя и подобным кое в чем результатам.

Мы должны помнить указание И. В. Сталина, что изучение языкового родства могло бы принести большую пользу в деле изучения законов развития языка. Как реконструкция общеславянского языка-основы и определение путей его развития, так и сравнительно-историческое изучение славянских языков на протяжении позднейших эпох нам важны прежде всего не сами по себе, но как средство раскрытия законов развития языка.

О каких законах идет здесь речь? Мы должны помнить указание И. В. Сталина на то, что каждый язык развивается по внутренним законам своего развития и что изучение внутренних законов развития языка является главной задачей языкознания. В то же время мы должны помнить другое указание И. В. Сталина, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»⁷.

Одним из основных пороков старого языкознания, отразившимся и на сравнительно-историческом изучении славянских языков, является отсутствие подлинного историзма, характерное, по крайней мере, для большинства славистов прежнего времени. Развитие строя языка изучалось в отрыве от конкретной истории народа—творца и носителя языка. Если высказывались определенные лингвистические соображения общего порядка, намечались основные этапы развития того или иного конкретного славянского языка, то это делалось вне связи с историей народа, говорящего на данном языке. Вместе с тем слависты прежнего времени

⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

не ставили и не могли ставить задачу раскрытия общих законов развития языка на материале исторического развития славянских языков. В качестве примера можно отметить, что обе эти ошибки были свойственны, например, и такому талантливому, разностороннему и тонкому лингвисту, как акад. А. А. Шахматов.

Внутренние законы развития языка и связь развития языка с развитием общества не могут рассматриваться изолированно. Сравнительно-историческое изучение родственных языков, в частности славянских, очень много дает как для понимания внутренних законов развития соответствующих языков, так и для понимания связи развития этих языков с историей народов, говорящих на них. Существуют различные типы внутренних законов развития языка. Есть более общие законы, свойственные всем языкам мира, и более частные, обуславливающие развитие отдельных конкретных языков. В нашу задачу не входит сейчас рассуждение о внутренних законах развития языка в целом. Но можно, например, указать, что развитие грамматического строя по пути все дальше идущей абстракции, обобщения, возможности выразить различные отношения во все более обобщенном виде является общим законом, свойственным всем языкам, но это все дальше идущее обобщение в различных языках осуществляется в различных специфически им присущих формах. Так, развитие системы времен на базе видовых отношений древнего, довременного слоя, имевшее место еще в общендоевропейском грамматическом строе и продолжавшееся на славянской почве, является одним из проявлений этого все дальше идущего обобщения. Специфически славянское противопоставление различий нового видового слоя (т. е. различий совершенного и несовершенного вида), зачатки которого падают еще на общеславянскую эпоху, но которое окончательно развилось и оформилось уже на почве отдельных славянских языков, опять-таки является одним из проявлений этого все дальше идущего обобщения. Но и эта особенность, как мы знаем, многим языкам несвойственна; даже в наиболее близких к славянским балтийских языках видовое противопоставление не достигло той степени, какой оно достигло на славянской почве, например, на почве русского языка. Различные пути развития и оформления средств, выражающих все более обобщенное значение, в разных языках в значительной степени обусловлены теми предпосылками, теми тенденциями, которые заложены еще в общем для данной группы или семьи языке-основе. Развитие видовой системы оформилось окончательно на почве отдельных славянских языков, но предпосылки этого развития были заложены еще в общеславянском грамматическом строе; по своему характеру эти предпосылки были иные, чем те, которые были заложены в языках-основах других индоевропейских групп. Определяющая, ограничивающая роль приставок, судя по показаниям различных древних индоевропейских языков, наметилась еще в общендоевропейском грамматическом строе, но условия для противопоставления приставочных и бесприставочных глаголов, как глаголов совершенного и несовершенного вида, сложились лишь в общеславянском языке-основе.

Таким образом, при наличии общих тенденций, заложенных в общеславянском грамматическом строе, развитие категории вида, как и многих других категорий, осуществляется в различных славянских языках во многом своеобразными специфическими путями, о чем уже говорилось выше. И мы должны учитывать в развитии славянских языков как общее, так и специфическое. Все дальше идущее развитие мысли требует закрепления ее во все более сложных синтаксических формах. Элементарные синтаксические конструкции, основные типы сочетаний слов в предложении и их значения были заложены еще в общеславянском языке-основе.

Развитие сложного предложения, в особенности развитие подчинения, падает преимущественно на историческое время. И развитие это в разных славянских языках идет несколько различными путями. Вскрыть специфику развития строя предложения в различных славянских языках, при всех тех общих чертах, которые в этом развитии наблюдаются, вскрыть различное использование одного и того же исходного материала — союзов, союзных слов — также является важной задачей сравнительно-исторического славянского языкознания. Должны быть исследованы и элементарные конструкции (например, падежные), источник которых лежит, как уже сказано, еще в языке-основе. Эти конструкции меняются на протяжении истории, причем расхождения наблюдаются не только между различными языками, но даже между диалектами внутри одного языка.

Изучение родственных языков помогает нам понять и общие законы развития языка и связь языка с историей общества, которая отражается прежде всего в словарном составе. Словарный состав языка, — говорит И. В. Сталин, — находится в состоянии почти непрерывного изменения⁸. Он изменяется «...путем пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п.»⁹. Сравнительно-историческое изучение словарного состава различных славянских языков и выделение общих элементов в нем раскрывает перед нами картину жизни славянских племен до их распада, их производство и материальную культуру, их социальную организацию. Сопоставление же общеславянского словарного состава с словарным составом других индоевропейских языков раскрывает перед нами путь, пройденный славянскими племенами за время их самостоятельного существования. В то же время существенно обратить внимание на различную судьбу отдельных славянских племен, впоследствии народностей, а затем наций, после распада славянской общности. И здесь очень много дает изучение специфических особенностей (наличных при всей общности) в развитии словарного состава отдельных славянских языков. Восстановление общеславянского словарного состава рисует нам сложную родоплеменную организацию, на которую указывают такие общеславянские термины родства, как *otъьь*, *mati*, *synъ*, *dъkti*, *dědъ*, *pradědъ*, *baba*, *vъnukъ*, *bratrъ* «брат», *sestra*, *svękrъ*, *svękry*, *zъlъva*, *děverъ*, *jetъy* «жена брата мужа», *stryi* «дядя по отцу» и т. д., такие названия совокупности членов рода и племени, как *rodъ*, *narodъ*, *kolěno*, *plemє* и т. д., а также ряд терминов, относящихся к жизни рода и племени. Большой материал в этой области собран у виднейшего советского слависта, покойного проф. А. М. Селищева. Классовое расслоение у славян имело место уже после распада славянской общности, на что указывает отсутствие общеславянских общественно-политических терминов, характеризующих классовое общество. Восстановление общеславянского словарного состава рисует нам достаточно высокую материальную культуру славян в эпоху их общности, земледельческое и скотоводческое хозяйство, развитие различных ремесел¹⁰. Существенно при этом обратить внимание на формулированное И. В. Сталиным разграничение основного словарного фонда и словарного состава в целом. Следует иметь в виду, что отдельные славянские языки, при всей их близости, могут расходиться кое в чем и в основном словарном фонде. Эти различия должны быть учтены и разъяснены. Ср., например, наличие в русском языке некоторых очень старых слов

⁸ См. И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, стр. 24.

⁹ Там же, стр. 25.

¹⁰ Обо всем этом см. А. М. Селищев, *Славянское языкознание*, т. I, М., 1941, Введение.

основного словарного фонда, отсутствующих в других славянских языках (*сапог, собака, дешевый* и т. д.).

Поскольку ядро основного словарного фонда образует, согласно указанию И. В. Сталина, корневые слова и поскольку одним из основных средств пополнения непрерывно развивающегося словарного состава (и, пожалуй, даже наиболее важным средством) является образование новых слов от этих корневых, весьма важной задачей является изучение словообразовательных средств славянских языков в сравнительно-историческом плане. Словообразовательные аффиксы различных славянских языков в подавляющем большинстве случаев восходят к единому материальному источнику, но продуктивность одних и тех же аффиксов, их использование, семантика в различных языках могут быть различными. Ср., например, использование в старославянском языке суффикса *-ск-* для образования прилагательного от *небо* — *небескыйи* (ср. также чешск. *nebeský*, польск. *niebiański*). В русском языке прилагательное соответствующего значения образуется посредством суффикса *-ын-* (современное *-н-*) — *небесный*, хотя суффикс *-ск-* (современное *-ск-, -еск-*) в других значениях у нас широко используется. Оба эти суффикса общеславянские, но суффикс *-ын-* имел первоначально более общее, а *-ск-* более частное значение (свойство по названию места и некоторые другие).

Выяснение как общего, так и своеобразного для разных славянских языков в историческом развитии словообразовательных средств имеет большое значение для выяснения общих законов развития славянских языков.

Сравнительно-историческое изучение славянских языков в их исторически меняющихся взаимоотношениях имеет большое значение для решения проблемы языкового родства в целом. Родственные языки одной группы или одной семьи представляют, как известно, результат различной эволюции единого исходного материала, они все образовались в результате распада единого для каждой данной группы или семьи языка-основы. Этот распад имел место в различных группах и семьях в различные эпохи; различны были и взаимоотношения разных языков после этого распада.

Для того чтобы понять общие законы развития языка, для того чтобы понять, почему в пределах одних групп и семей языки связаны очень тесно, очень близки друг другу, а в других эти связи не сразу и не во всем устанавливаются даже в результате углубленного научного исследования, необходимо исследовать конкретные условия развития различных родственных языков. Славянские языки и в этом отношении представляют весьма богатый материал. Разрыв первоначальной общности славян имел место сравнительно незадолго до начала их истории, засвидетельствованной сохранившимися письменными памятниками; разошедшиеся языки не уклонились еще значительно друг от друга. Возможно, что связь между различными славянскими племенами, образовавшимися после распада этой общности, еще поддерживалась в какой-то мере и позже. Об этом свидетельствует большая языковая близость всех славянских языков на заре их истории.

Сравнительно вскоре после распада первоначальной общности в различных частях территории, занятой широко расселившимися славянами, складываются союзы близко родственных племен. В качестве примера можно указать на сложившийся в восточнославянской области племенной союз, из которого выросла впоследствии древнерусская народность. Племена, входившие в состав этих союзов, говорили на еще не успевших сколько-нибудь значительно разойтись, близко родственных диалектах, не являющихся еще языками. Образование таких союзов препятствовало дальнейшему расхождению (по крайней мере, значительному) диалектов и способ-

ствовало тому, что соответствующие диалекты переживали совместно некоторые общие явления, отличные от явлений других славянских диалектов (например, развитие полногласия во всех восточных славянских диалектах). Установление возможной хронологической связи явлений, характеризующих лишь часть славянской языковой области, с историей взаимоотношений различных славянских племен является также одной из важных задач, стоящих перед сравнительно-историческим славянским языкознанием.

Различные проблемы, связанные с историческим развитием отдельных славянских языков и их взаимоотношений, могут быть полностью разрешены на основе углубленной совместной работы лингвистов и представителей других специальностей — историков, археологов, этнографов, фольклористов. Предстоит не только использование уже собранного материала при его углубленном изучении, но и дальнейшая разработка, собирание нового материала, надлежащая оценка и интерпретация всего этого материала как старого, так и нового. Как уже было сказано выше, далеко не все археологические и этнографические работы, даже относящиеся к последнему времени, освободились от тех воззрений, которые характерны для ученых, принадлежавших к «школе» Н. Я. Марра или испытывавших на себе ее влияние. Это замечание применимо и к лингвистическим работам.

Археологические и этнографические памятники, сохранившиеся от доисторических эпох, сами по себе немы; мы можем установить на данной территории преемственность материальной культуры или реальную связь различных культур, но мы не всегда знаем, на каком языке говорили представители одной культуры разных эпох, не знаем также, говорили ли на близко родственных языках те народы, которые располагали близкими друг к другу культурами. Данные некоторых докладов, прочитанных на сессии по проблемам этногенеза в 1951 г., вступали в противоречие с лингвистическими данными. Так, в некоторых археологических докладах для очень раннего времени устанавливалось наличие древностей, считающихся славянскими, на весьма обширной территории. Но данные языка, данные о близости славянских языков на заре их истории говорят скорее о сравнительно позднем распаде и распространении славян по этой обширной территории. Некоторые доклады (например, доклад П. Н. Третьякова) говорили об очень древней археологической обособленности различных восточнославянских племен (например, кривичей и вятичей уже в III в. н. э.). Лингвистические данные не подтверждают предположения о таком раннем обособлении этих племен, а наоборот, говорят о почти полном единстве восточнославянских наречий даже в X—XI вв.

Предположение об очень раннем пребывании славян в Поднепровье, предположение о том, что они были здесь еще в доскифские времена, т. е. в VIII—IX вв. до н. э. (причем неясно было — о славянах в целом или специально о восточных славянах идет речь), высказывал А. И. Тереножкин в докладе на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии в январе 1952 г. Ошибкой многих археологов, совершенно верно отмеченной на этой конференции Б. Н. Граковым, характерной для периода господства марровских воззрений и наблюдающейся еще и теперь, является то, что они не делают различия между языковым родством и этническим единством, с одной стороны, и археологической культурой, — с другой.

Взаимная близость славянских языков на всем протяжении их истории требует, наряду с углубленным изучением диалектного материала в пределах отдельных языков, также изучения диалектных явлений, общих двум или нескольким родственным языкам. Следует иметь в виду, что при соприкосновении двух далеких друг от друга материально и по строю языков граница между ними может быть установлена четко. Также и в

отношении двух родственных, но далеких друг от друга языков. В случае же большой близости родственных языков бывает, что граница распространения какого-нибудь диалектного явления выходит за пределы одного языка и уходит на территорию другого. Так, например, аканья, характерное для южновеликорусского наречия, уходит за пределы русского языка и охватывает всю территорию белорусского языка. Правда, в данном случае речь идет о таких языках, которые оформились как языки особых народностей и затем наций сравнительно поздно на основе диалектов языка единой древнерусской народности, возникновение же аканья относится к более раннему времени, чем образование различных восточнославянских народностей, но и для более раннего времени могут быть также установлены черты, границы которых не совпадают с границами различных славянских народностей.

Как известно, в русском языке по диалектам различно произносится *г*. В соответствии с заднеязычным взрывным *g*, характеризующим северновеликорусское наречие и переходные говоры, в южновеликорусском наречии произносится заднеязычное фрикативное *ɣ*. В украинском языке этому звуку соответствует также фрикативное, но более глубокое фарингальное *h* (называемое иногда гортанным). Это *h* идет далеко на запад за пределы восточнославянской области, захватывая также словацкий и чешский языки. В результате длительного изучения диалектологического материала различных славянских языков (а оно осуществлено далеко еще недостаточно) должны быть установлены явления, общие для различных языков, но не повсеместные; в то же время для каждого данного языка должна быть вскрыта, насколько это возможно, историческая основа соответствующих явлений, решена проблема генетической связи или параллельного (в силу общих тенденций, характерных еще для языка-основы) развития этих явлений. При этом не следует увлекаться бросающимся в глаза подобием соответствующих явлений, а необходимо стремиться при этом общем подобии вскрыть специфические особенности, характерные для различных языков. На очереди в этом направлении стоит изучение ряда существенных явлений.

По всей славянской области распространено в какой-то мере такое явление, как утрата интервокального *j* с последующим стяжением гласных (лишь в части русских говоров этого явления нет), причем в разных славянских языках это явление принимает весьма различные конкретные формы.

В части славянских языков особую судьбу имеет безударный вокализм. Мы находим это явление в части русских и болгарских говоров, в словенском и в древнем полабском языке, причем везде это явление протекало и протекает своеобразно, определяется различными дополнительными условиями. Следует сказать, что грубую ошибку совершали те ученые, которые стремились понять соответствующие изменения как результаты одних и тех же процессов.

Следует поставить в заключение и еще одну задачу сравнительно-исторического изучения. Языки почти никогда не развиваются изолированно. На протяжении своей истории они приходят в соприкосновение с другими языками, как родственными, так и неродственными. Различные славянские языки скрещивались с самыми различными другими языками. Мы знаем, что «...при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»¹¹.

¹¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29—30.

Но мы знаем, что кое-что от побежденного языка остается: остаются отдельные слова, остаются и элементы звукового строя. Нас интересуют, в первую очередь, такие случаи (их большинство), когда победителями выходили славянские языки. В этих случаях оказывается существенным установить для различных славянских языков, что именно в их составе унаследовано от других языков, предшествовавших славянским на данной территории, но в них затем растворившихся. Этим вопросом лингвисты занимались давно, но многое из достигнутого в области изучения этого вопроса должно быть пересмотрено. Не следует слишком большого значения приписывать действительно имевшему место в истории скрещиванию. Не следует, например, все явления в области звукового строя данного отдельного славянского языка, отступающие от особенностей языка-основы, относить за счет других языков. Каждое явление должно быть рассмотрено во всей его конкретности. Одни и те же особенности языка в различных конкретных условиях могли образоваться различными путями, в одних случаях быть результатом скрещивания, а в других случаях — результатом внутреннего развития строя данного языка или развития взаимоотношений различных диалектов внутри данного языка. Так, например, сближение шипящих и свистящих согласных, наблюдающееся в некоторых русских говорах (следует, кстати, иметь в виду, что подобное явление наблюдается и за пределами русского языка, например, в части польских говоров), в ряде случаев объясняется тем, что на соответствующей территории действительно имело место в прошлом поглощение русским языком различных языков угро-финской семьи, в других же — столкновением, взаимовлиянием различных русских же диалектов.

В этой области опять-таки очень полезны работы А. М. Селищева, собравшего много интересного материала и высказавшего ряд весьма ценных соображений как в области отношений различных славянских диалектов к языкам иных групп и семей, так и в области взаимоотношений диалектов различных славянских языков.

Вопрос, который должен быть рассмотрен особо и который не связан непосредственно с сравнительно-историческим изучением славянских языков, — это вопрос о литературных языках, их формировании и развитии. Для нас это прежде всего вопрос о старославянском книжном языке, древнейшем письменном языке славян, который важен в двух отношениях. Во-первых, он дает наиболее богатый материал по звуковому и грамматическому строю, а также словарному составу того живого славянского языка, который был сравнительно близок к единому общеславянскому языку-основе; во-вторых, старославянский язык долго использовался как книжный язык у различных славянских народов (у южнославянских и восточнославянских, а некоторое время и у части западнославянских), причем служил как бы связующим звеном между отдельными славянскими языками. Так, например, сербский язык в эпоху воздействия на него русского (в XVIII в. и позднее) получает через посредство русского языка некоторые слова для выражения отвлеченных понятий, причем слова эти являются по происхождению не собственно русскими, а старославянскими, т. е. в первоисточнике южнославянскими (например, *опредѣлити* «определить», *излишан* «излишний»). Изучение старославянского языка в его отношении к различным славянским языкам, его исторической судьбы в различных славянских странах также является весьма важной задачей, стоящей перед славянским языкознанием.

Плодотворное изучение славянских языков в сравнительно-историческом плане невозможно без осуществления большой подсобной подготовительной работы — издания различных материалов, на основе которых только и может быть осуществлено исследование. С этой целью необхо-

димо издание памятников, толковых и этимологических словарей различных славянских языков, пособий общего и специального характера. Необходимо привести в известность и сделать общим достоянием все ценное, что сделано было до сих пор виднейшими учеными-славистами как у нас, так и в других странах.

Все изложенное еще не в полной мере показывает, какие большие задачи стоят перед советскими лингвистами не только в отношении дальнейшей разработки сравнительно-исторического славянского языкознания, но и в деле подготовки полноценных специалистов в этой области науки о языке, в деле помощи нашей высшей школе в отношении подготовки этих кадров.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. И. АБАЕВ

О ПРИНЦИПАХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

1. Значение слова «этимология»

Слово «этимология» образовано из греческих *ἔτιμος* «истинный» и *λόγος* «слово», «значение» и по точному смыслу означает, стало быть, науку об «истинных», т. е. первоначальных значениях слов. В этом значении слово встречается у позднегреческих авторов (впервые у стоика Хризиппа), от которых оно воспринято и латинскими грамматистами. Варрон (*De lingua latina*, V, 2) определяет этимологию как часть грамматики, которая изучает «*cur et unde sint verba*» («почему и откуда происходят слова»). В новое время этимология определяется обычно как часть языкознания, занимающаяся происхождением слов¹. Однако, что следует понимать под «происхождением» слова? Если говорят, что слово *перстень* образовано от *перст* с помощью определенного форманта, можно на этом остановиться и считать этимологию, т. е. происхождение слова *перстень*, установленной. Но что значит установить, скажем, этимологию русского *два*? Связать его со старославянским *дѣва* или древнеиндоевропейским **diwo*? Но можно ли считать, что эти сопоставления разъясняют происхождение слова *два* как определенного звукового и семантического единства? Дают ли они ответ на вопрос, из каких предшествующих материальных элементов и на какой семантической основе в о з н и к л о данное числительное? Конечно, нет. Эти сопоставления только доводят историю слова до определенных прошлых эпох, до эпохи славянского или до эпохи индоевропейского единства. До происхождения, в смысле первоначального возникновения, мы на этот раз не доходим. Поэтому некоторые авторы, определяя этимологию, предпочитают говорить не о «происхождении», а о «генетических связях» слова. Так, А. А. Белецкий определяет этимологию как «установление восходящих и нисходящих генетических связей данной формы известного языка»².

Итальянский лингвист V. Pisani в недавно вышедшей обширной монографии об этимологии видит задачу этимологических исследований в том, чтобы «*determinare i materiali formali adoperati da chi per primo ha creato*

¹ Французский словарь Лярусса определяет этимологию как «*science qui s'occupe de l'origine des mots*» (1913). Так же «Толковый словарь русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова: «Отдел языкознания, изучающий происхождение слов». Немецкий словарь Мейера: «*Untersuchung der Grundbedeutung, des Ursprungs der Wörter*» (1897).

² А. А. Белецкий, Принципы этимологических исследований. Автореферат докторской диссертации, Киев, 1951 стр. 3.

una parola, e insieme il concetto che con essa egli ha voluto esprimere»³. Это определение, хотя и не говорит о «происхождении», все же подразумевает его. Для лингвистического мировоззрения автора характерно, что наречение он мыслит как акт индивидуального словотворчества.

Нет, может быть, надобности изгонять термин «происхождение» из определения этимологии. Но следует иметь в виду известную условность этого термина. «Происхождение» слова не всегда означает его первоначальное образование из каких-то предшествующих элементов. Сплошь и рядом нам удается только довести генетические связи слова до определенного предшествующего этапа (скажем, до языка-основы), не раскрывая до конца, «почему и откуда» оно возникло.

Научная этимология, как и вообще научное языкознание, начинается с создания сравнительно-исторического метода. В рамках этого метода этимология получила следующее реальное содержание: 1) для основных оригинальных слов данного языка — сопоставление со словами родственных языков и прослеживание их формальной и смысловой истории вглубь до языка-основы; 2) для слов, которые являются производными внутри данного языка (внутриязыковые дериваты), установление их составных частей, корня, основы и формантов в рамках данного языка; 3) для заимствований — указание источника заимствования. К этим трем задачам и сводится содержание этимологических исследований.

2. Этимология есть часть исторической лексикологии

Этимология не есть какая-то особая, самостоятельная отрасль или раздел языкознания; она составляет часть исторической лексикологии и только в этом качестве получает право на существование в советском языкознании, основу основ которого составляет историзм.

В традиционном употреблении термин «исторический словарь» применяется только к словарю, прослеживающему историю слов исключительно по письменным памятникам данного языка⁴. Если следовать этому пониманию, то окажется, что бесписьменные и младописьменные языки не имеют вообще никакой истории. Такое узко филологическое понимание «истории» неприемлемо и от него следует отказаться. Словарь становится историческим не в той мере, в какой слова в нем документированы по письменным памятникам, а в той мере, в какой он насыщен подлинным историзмом, т. е. в какой он строится на познании законов развития языка в связи с историей общества, историей народа.

С этой точки зрения неправомерно противопоставление этимологического словаря «историческому» словарю в традиционном понимании. Хотя и разными приемами, но оба они служат одной цели — истории.

«Исторический» словарь строится на чисто филологической документации и прослеживает историю слов по письменным памятникам данного языка.

³ «...определить формальный материал, использованный тем, кто впервые создал слово, и вместе с тем понятие, которое он им хотел выразить» (Vittore Pisani, L'etimologia. Storia, questioni, metodo. Милан, 1947, стр. 79—80).

⁴ Составители «Этимологического словаря латинского языка» Эрну и Мейе, объясняя в предисловии, как они распределили между собой работу, пишут: «А. Эрну излагал то, что можно узнать путем изучения текстов» («par l'étude des textes»), иными словами, «положение вещей в историческую эпоху латинского языка» («l'état des choses à l'époque historique du latin»). А. Мейе «взял на себя доисторическую часть» («la partie préhistorique»), т. е. «историю слов до первых показаний текстов» («l'histoire des mots avant les premières données des textes»). Почтенные авторы не избежали противоречия: «доисторическая» часть оказывается все же «историей». Но отчетливо проступает мысль, что собственно историю языка можно строить только на показаниях текстов данного языка.

Этимологический словарь, используя также данные филологической документации, не ограничивается ими; он исследует историю и генетические связи слов на широкой базе сравнительно-исторического языкознания и, таким образом, выходит далеко за рамки, очерченные письменными памятниками данного языка.

«Исторический» словарь интересуется историей данного слова вне зависимости от его генетических связей с другими словами этого языка, а тем более других языков.

Этимологический словарь, напротив, стремится с максимальной широтой и глубиной вскрыть эти генетические связи, опираясь на всю сумму данных исторической фонетики, морфологии и семасиологии как данного языка, так и всей семьи или группы родственных языков, а для заимствованных слов — и не родственных языков.

«Исторический» словарь составляет привилегию языков со старой, многовековой письменностью.

Этимологический словарь можно составить для любого, не только древнеписьменного, но младописьменного и бесписьменного языка, если только данные его диалектологии и сравнительно-исторического изучения позволяют восстановить историю его лексики за значительный период его развития.

Таковы важнейшие различия между «историческим» и этимологическим словарем. Но эти различия несущественны по сравнению с тем, что их объединяет: принадлежность к одному и тому же разделу языкознания — исторической лексикологии.

Всякая этимология, если даже она сводится к простому сопоставлению двух генетически связанных форм, содержит элементы истории. С другой стороны, простая регистрация форм в нескольких письменных памятниках может также иметь историческую ценность. Само собой разумеется, хорошие этимологические и филологические изыскания должны быть чем-то большим, чем простое сопоставление или регистрация форм.

Уже делаются попытки объединить в одном словаре «исторический» в узком смысле материал (документация по письменным памятникам данного языка) с этимологическим. Таков упомянутый латинский этимологический словарь Эрну и Мейе. В этом словаре словарная статья строится следующим образом: сперва дается филологическая документация слова у латинских авторов; указывается, древнего или позднего оно употребления, часто или редко встречается; какие различия в форме и значении можно отметить для этого слова в разные эпохи у разных авторов; какие у слова имеются дериваты. После этого идет собственно этимология, т. е. выяснение генетических связей данного слова с другими словами латинского и родственных индоевропейских языков или указание на источник заимствования, если слово инородного происхождения.

3. История слов и история народа

Коль скоро этимологический словарь по своему назначению не может быть ничем иным, как историей слов, становится очевидной тесная связь этимологических исследований с историческими и этногенетическими.

Известно указание И. В. Сталина: «...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»⁵.

⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1952, стр. 22.

Если это справедливо в отношении языка в целом, то особенно наглядно и осязаемо выступает связь с историей народа, когда мы изучаем с л о в а р н ы й с о с т а в языка.

История слов теснейшим образом связана с историей народа, несравненно теснее, чем история грамматического строя. Словарный состав языка, «как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения... Однако словарный состав языка изменяется не как надстройка, не путем отмены старого и постройки нового, а путем пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п. ...Что же касается основного словарного фонда, то он сохраняется во всем основном и используется, как основа словарного состава языка.

Это и понятно. Нет никакой необходимости уничтожать основной словарный фонд, если он может быть с успехом использован в течение ряда исторических периодов...»⁶.

В другом месте И. В. Сталин пишет: «...язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами...»⁷.

Различение словарного состава и основного словарного фонда имеет первостепенное значение для этимологической работы, для правильного использования этимологических исследований в исторических целях и вообще для проблемы связи истории языка с историей народа.

Основной словарный фонд, благодаря тому что он живет очень долго, в течение ряда веков, имеет исключительное значение для суждения о п р о и с х о ж д е н и и народа и его родственных связях с другими народами (этногенетическая проблема).

Остальной словарный состав, благодаря своей чувствительности к изменениям, происходящим в жизни общества, оказывается особенно ценным для суждения о процессах, связанных с изменениями социального строя, с развитием хозяйства и культуры и пр.

Особо следует отметить значение одной группы лексики: заимствованных слов. Они дают часто ценнейший материал о прошлых сношениях и взаимных культурных связях данного народа с другими народами.

Таким образом, этимологическое исследование вообще, в особенности же составление полных этимологических словарей находит себе почетное место в ряду задач, поставленных И. В. Сталиным перед советским языкознанием. Ближайшим образом оно связано с проблемой установления связи истории языка и истории народа, значение которой так подчеркивает И. В. Сталин в приведенных выше высказываниях по этому вопросу.

4. История слов и история мышления

Сказанным выше не исчерпывается научное значение и интерес этимологических исследований. История слов связана не только с внешней историей народа, но и с историей его мышления. Язык как «непосредственная действительность мысли» хранит увлекательную повесть многовековых усилий человека — познать, осмыслить и подчинить окружающую дей-

⁶ Там же, стр. 24—25.

⁷ Там же, стр. 41.

ствительность. «Будучи непосредственно связан с мышлением,— указывает И. В. Сталин,— язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе»⁸.

Этимология, если она уделяет достаточно внимания не только формальной, но и смысловой стороне истории слов, может дать богатый материал для выяснения истории человеческого мышления. Как, по каким путям идет осознание и наречение тех или иных явлений и отношений опыта; как человек с помощью языка познает действительность, «осваивает» ее, как он, благодаря абстрагирующей работе мысли, создает из множества частных, единичных образов и представлений общие и отвлеченные понятия — вот те вопросы, для освещения которых этимологические исследования дают многообразный иллюстративный материал.

Этимологические изыскания хорошо иллюстрируют, например, один весьма важный процесс в развитии мышления: общие и отвлеченные понятия рождаются не сразу; они постепенно формируются на базе конкретных, образных представлений. Древнеиранское *sixta-* «красный» содержит корень *suk-* «огонь, гореть». Образ огня дал начало отвлеченному понятию «красный». Осетинское *arf* «глубокий» восходит к древнеиранскому **āpra-* от корня *āp-* «вода». Отвлеченному понятию «глубина» предшествовало конкретное представление о «глубокой воде» (реке, озере, море); из образа «водная глубь» возникло со временем понятие «глубокий» вообще. Русскому *крутой* отвечает в литовском *kraĩtas* «берег». Очевидно, образ крутого, обрывистого берега послужил основой для образования отвлеченного понятия «крутой». Так же обстоит дело с другими отвлеченными понятиями. Благодаря успехам этимологических исследований мы видим воочию, как человеческая мысль справляется со своей важнейшей задачей: образованием общих и отвлеченных понятий. Абстрагируясь от конкретных образов: «огня», «воды», «берега», «горы», она создает общие понятия: «красный», «глубокий», «крутой», «высокий» и т. п.⁹

5. Этимология как наука немислима вне сравнительно-исторического метода

Попытки объяснить происхождение слов и отмечать родственные слова в различных языках делались еще в глубокой древности. У античных авторов можно найти немало таких «этимологических» опытов¹⁰. Нельзя сказать, чтобы все они были ошибочными. Иногда их авторы нападали и на правильное объяснение. Не всегда заблуждаются даже так называемые «народные этимологии». В них также изредка попадаются крупицы истины. Тем не менее говорить об этимологии как науке можно только с момента глубокого теоретического и практического обоснования сравнительно-исторического метода, т. е. с начала XIX столетия. Этот метод выработал те точные, многократно проверенные принципы и критерии этимологи-

⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языковедения, стр. 22.

⁹ Само собой разумеется, путь от конкретного к абстрактному не является единственным путем семантического развития. Немало можно привести примеров, когда конкретное получает название по абстрактному. Так, если в одном случае отвлеченное понятие «высокий» может быть образовано от конкретного «гора», то в других случаях, наоборот, в слове «гора» мы можем распознать отвлеченное «высокий». Мы привели примеры на образование отвлеченных понятий из конкретных, потому что с этим именно процессом связаны решающие успехи человеческого мышления.

¹⁰ Один из диалогов Платона «Кратил или о правильности имен» в значительной части посвящен этимологическому разбору ряда греческих слов.

ческого исследования, которые переводят этимологическую работу из области домыслов и догадок на почву точных научных приемов и сообщают полученным результатам либо абсолютную, либо значительную достоверность. Без дисциплинирующего влияния этих принципов этимология обращается в зыбкую почву, где могут чувствовать себя привольно только фантазеры и дилетанты.

Классическим примером такой лженауки может служить так называемый «четырёхэлементный» анализ Н. Я. Марра. Основанный на полном игнорировании законов развития каждого конкретного языка, его исторической фонетики и морфологии, этот анализ в сущности упразднял историю и подменял серьёзную и кропотливую работу по историческому изучению конкретных языков гаданием «на кофейной гуще вокруг пресловутых четырёх элементов»¹¹.

6. Принципы этимологического исследования

Выработанные сравнительно-историческим языкознанием принципы этимологического исследования хорошо известны и не раз излагались¹².

Основной принцип, связанный с самой сущностью сравнительно-исторического метода, можно назвать принципом с и с т е м ы. Этот принцип требует, чтобы, устанавливая генетические связи между словами, исследователь не выходил из рамок данного языка или группы родственных языков, восходящих к одному языку-основе¹³. Только в этих границах установление этимологических связей может проводиться с научной достоверностью и в широких размерах. Убедительность подобных связей тем выше, чем строже мы держимся в рамках системы, имея в виду систему языка или систему родственной группы языков. Сопоставление слов, входящих в разные системы, не может иметь большой познавательной ценности до тех пор, пока не будет доказано, что подобные схождения в свою очередь образуют систему, т. е. восходят в некоему первоначальному языковому единству.

Иными словами, этимология должна исходить неизменно из генеалогической классификации языков и из понятия языкового наследия.

Принцип системы был наиболее ненавистен Н. Я. Марру, и он пытался «преодолеть» его четырёхэлементным анализом, с помощью которого он «увязывал» слова любого языка со словами любого другого языка «в мировом масштабе».

Установление генетических связей между словами в рамках системы производится на основе ряда критериев, из которых на первое место выдвигаются обычно фонетический, морфологический и семантический.

Фонетический критерий требует, чтобы предлагаемые этимологические сближения и разъяснения опирались неизменно на установленные для данного языка или данной группы языков закономерные звуковые соответствия. Так, этимологическое сближение осетинского *гæгъун* с русским *лаять* опирается не только на тождество их значений, но и на тот установленный факт, что индоиранские языки, к которым относится осетинский, характеризовались ротацизмом, т. е. систематически заменяли звук *l* звуком *г*. Стало быть, наличие в осетинском языке *г* в соот-

¹¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

¹² Из последних обобщающих работ см. цитированные труды А. А. Белецкого и V. Pisani.

¹³ Само собой разумеется, это не относится к заимствованиям.

ветствие русскому *л* является закономерным. Оно может быть проиллюстрировано такими примерами, как русское *луч* — осетинское *luzs* «свет» и др.

Морфологический критерий требует, чтобы при этимологическом анализе считались не только с совпадением корней или основ, но и с единством и закономерным соответствием словообразовательных формантов и вообще с морфологической историей слов. Так, сближение осетинского *rast* «прямой» с латинским *rectus* или осетинского *fyst* «написанный» с латинским *pictus* основано не только на общности корней, но и на том, что в обоих языках эти слова представляют формы прошедшего причастия; ср. в осетинском *a-raz-yn: a-raest* «направлять», *fyssyn/finsun: fyst/finst* «писать», в латинском *rego: rectus* «направляю», *pingo: pictus* «пишу красками».

Семантический критерий требует от этимологиста серьезнейшего внимания не только к внешней (фонетической и морфологической) стороне сравниваемых слов, но и к смысловой стороне. Пути семантического развития слов бывают зачастую очень причудливыми и извилистыми, но это вовсе не значит, что в этой области царят произвол и хаос и что, стало быть, этимологист не должен себя связывать здесь никакими рамками и ограничениями. Широкое привлечение историко-семасиологического материала из различных языков, на этот раз не только родственных, дает путеводные нити среди кажущегося хаоса семантических явлений и сообщает многим этимологическим разъяснениям такую же убедительность со стороны смысловой, какую они могут иметь со стороны формальной.

Когда мы, например, рассматриваем осетинское *caegom* (*caekom*) «лицо» как сложение из *caest* «глаз» и *kom* «рот», мы исходим не только из того, что такое разъяснение не противоречит нормам осетинской фонетики и словообразования, но опираемся также на факты других языков, где понятие «лица» выражается таким же образом, например, аварское *berkal* «лицо» из *ber* «глаз» и *kal* «рот».

7. Трудности и сомнения

Было бы большой ошибкой думать, что этимологическая работа, при соблюдении перечисленных принципов, проходит всегда гладко, без сучка, без задоринки, и неизменно приводит к прочным, не вызывающим никакого сомнения результатам. В действительности в любом этимологическом словаре, наряду с достоверными, мы найдем и множество проблематичных, сомнительных разъяснений. Бывает так, что одно и то же слово получает у разных авторов до десятка и более различных этимологий. Множество слов остается вообще неразъясненным. Отчего это происходит? Очень часто — в силу объективного положения вещей: отсутствия или недостатка сравнительного материала. Тут уж, понятно, ничего не поделаешь. Но нередко корень зла кроется в недостаточности, ненадежности применяемых методов и приемов.

Дело в том, что приведенные критерии — фонетический, морфологический, семантический — не обладают свойствами абсолютной точности и выдержанности.

Известно, например, как часто нарушается выдержанность звуковых соответствий под действием *аналогии*. Те или иные колебания и отклонения от господствующих звуковых норм могли возникать и независимо от аналогии, как вклад отдельных диалектов.

Так, в индоиранских языках наблюдается в ряде случаев «незакономерное» колебание между смычными придыхательными и непридыхательными. Индийскому *khan-* «копать» отвечает иранское *kan-* (вместо ожидаемого *xan-*). Индийскому *athar-* (в *atharvan-* «жрец огня») — иранское

ātar- «огонь». Др.-персидское *amāxam* «нас» должно восходить закономерно к * *ahmākham*, но мы находим в Авесте *ahmākam*, в др.-индийском *asma-kam*. Индоиранское название «рога», «сучка» восстанавливается в виде * *sākhā-* (др.-инд. *sākhā-*, перс. *sāx*), но осетинское *sag* «олень», *sagoj* «вилы» побуждают восстановить параллельную форму *sāka-*. Осетинское *cad* «озеро» и персидское *čāh* «колодец» представляют несомненно одно и то же слово, но для первого приходится восстанавливать др.-иранское **čāta-*, а для второго **čātha-*. В названии «города» в индоиранских языках наблюдается колебание между *kantha-* и *kanta-*. Греческое *ἔχω* предполагает индоевропейское **egom*, а др.-индийское *aham* — индоевропейское **eghom* (из **eghom* в греческом получилось бы *эхω*). Наблюдаются и иного рода фонетические колебания, например, между глухими и звонкими. Так, европейские названия «сердца» (ст.-слав. *сръдце*, греч. *καρδίᾱ*, лат. *cor*, *cordis* и пр.) возводятся к индоевропейскому **krd-*, а индоиранские (др.-инд. *hrd-*, авест. *zərəd-*) — к индоевропейскому **ghrd-*.

Эти и подобные «ненормальности» не могут, конечно, подорвать значение звуковых закономерностей, но они заставляют быть осторожными и не полагаться слепо на их непогрешимость. Можно сказать: исследование, основанное на рабской вере в непогрешимость звуковых законов, обесценивается наполовину; исследование, вовсе не считающееся с этими законами, не имеет вообще никакой цены.

Если звуковые закономерности сплошь и рядом нарушаются всевозможными «аномалиями», то еще меньше могут претендовать на универсальность и постоянство законы семантики. Какая, например, закономерность в том, что медведь назван в одном случае «медо-едом» (в славянских языках), в другом — «бурым» (в германских), в третьем — не то «мохнатым», не то «лизуном» (так двойко толкуется литов. *lokis*)?

Немудрено, что время от времени раздаются голоса, начисто отрицающие какую-либо закономерность в области семантики¹⁴.

Трудности, возникающие при установлении звуковой и семантической истории слов, порождают скептицизм в отношении этимологических исследований вообще. Такой скептицизм стал у некоторых лингвистов, можно сказать, признаком хорошего тона. А. Мейе в одном месте пишет, что 90 из 100 находящихся в обращении этимологий кажутся ему сомнительными или ошибочными.

Родоначальником современных скептиков следует считать св. Августина, который писал: «*Ut somniorum interpretatio, ita verborum origo pro cuiusque ingenio iudicatur*», т. е. «с происхождением слов дело обстоит так же, как с толкованием сновидений: каждый толкует их по своему разумению». Но то, что у Августина было наивным выражением беспомощности науки его времени, то теперь, после огромных успехов языкознания, нельзя расценивать иначе как нездоровое проявление упадочности и старческого маразма буржуазного языкознания. Скептицизм, который имеет в виду не конкретные недостатки и прорехи этимологических исследований, а этимологическую работу в целом, немногого стоит. Остается непреложным фактом, что все сравнительно-историческое языкознание родилось из этимологий, росло на этимологиях, зиждется в значительной части на этимологиях. Поворотным моментом в истории языкознания было сопоставление корней и форм санскрита с корнями и формами европейских языков. Это была э т и м о л о г и ч е с к а я работа, положившая начало языкознанию как науке. Успешное развитие сравнительно-исторического

¹⁴«Est-il possible de formuler les lois selon lesquelles les sens des mots se transforment? vous sommes disposés à répondre que non. La complexité des faits est telle, qu'elle échappe à toute règle certaine» (Michel Bréal, *L'histoire des mots*, 1887).

языкознания стало возможным потому, что, при всей сложности и многообразии языковых явлений и процессов, выявились все же определенные закономерности и в звуковых, и морфологических, и семантических соответствиях: в одних больше, в других меньше. Если бы этих закономерностей не существовало, никакого сравнительно-исторического языкознания у нас не было бы.

Если при всем том в этимологической работе остается много сомнительного и ненадежного, то это значит только, что методы этой работы все еще несовершенны и надо, не покладая рук, трудиться над их улучшением. Для скептицизма и пессимизма здесь нет места. Легко видеть, что скептицизм в отношении этимологии скрывает за собой агностицизм в отношении истории языка.

Каковы же пути преодоления тех трудностей, которые возникают в этимологических исследованиях? Было бы нелегко рекомендовать какие-либо универсальные рецепты, пригодные для всех случаев. Перечисленные выше критерии: критерий системы, фонетический, морфологический, семантический — при всех обстоятельствах сохраняют свое значение. Если не вполне благополучно с каким-нибудь одним из них, тем строже надо применить к разясняемому слову остальные. Несоответствие той или другой этимологии двум из указанных критериев свидетельствует о том, что всего благоразумнее отказаться от данной этимологии.

Но есть еще один первостепенной важности критерий, который остался, к сожалению, в тени за все время существования сравнительно-исторического языкознания.

8. Знание реалий — важнейшее условие подлинно научной этимологии

Выше мы воздали должное заслугам сравнительно-исторического языкознания, выработавшего научные основы, методы и приемы этимологического исследования. Оценивая высоко достижения сравнительно-исторического языкознания в этой области, не следует, однако, закрывать глаза на слабые стороны многих, можно сказать, большинства этимологических работ прошлого и нашего века. Важнейший их недостаток — невнимание к реалиям, зачастую просто незнание реалий¹⁵. Тот факт, что еще Я. Гримм говорил о своем постоянном стремлении «перейти от слов к предметам» и указывал, что «при этимологиях часто бывает полезно знание предметов», что и позднее многие выдающиеся языковеды, как Г. Шухардт, подымали свой голос против оторванных от жизни этимологий и сами дали хорошие образцы того, как нужно пробивать путь к правильной этимологии через глубокое изучение реалий, — не меняет положения. Отсутствие дыхания живой жизни, академизм, кабинетное мышление остаются самой уязвимой стороной многих и многих этимологических работ. Сотни этимологий основаны исключительно на звуковой близости и на видимой, кажущейся близости значений с точки зрения мышления автора этимологии, а не с точки зрения тех, кто создавал соответствующие слова. Между тем и фонетический и семантический и другие критерии становятся действительными и полезными лишь на фоне глубокого и всестороннего знания тех реальных исторических условий, в которых создавались и обращались разбираемые слова.

Ни фонетика, ни семантика сами по себе не гарантируют от грубейших ошибок, если они не подкреплены широкой исторической осведомленностью

¹⁵ Термин «реалии» мы употребляем в самом широком смысле как совокупность всех конкретно-исторических, материальных, социальных и культурных условий, в которых рождаются слова и которые налагают на них свой отпечаток.

исследователя, знанием того, что А. А. Белецкий называет «историческим контекстом».

В другом месте¹⁶ мне пришлось отметить неудачную этимологию осетинского *Amistol* (название летнего месяца,) предложенную известным норвежским иранистом Г. Моргенстиерне. Последний делит слово на две части: *ami* и *stol*. Первую часть он сопоставляет с авестийским *hamina* «лето». Вторая часть *stol* остается у него без объяснения. В действительности осетинское *Amistol* представляет искажение слова *апостол* и к Авесте никакого отношения не имеет. Месяц назывался месяцем «апостолов», так как на этот месяц приходился праздник апостолов Петра и Павла (29 июня).

Неудача, постигшая в данном случае Г. Моргенстиерне, типична и поучительна во многих отношениях. Не говоря о произвольном рассечении слова на две части, из которых вторая остается неразъясненной, Моргенстиерне допускает две серьезные методологические ошибки:

а) слово вырывается из контекста и рассматривается изолированно, вне той лексической группы, к которой оно принадлежит, в данном случае — терминов календаря;

б) не ставится даже вопроса о происхождении и исторических корнях осетинского календаря в целом, одним из элементов которого является месяц *Amistol*.

Если бы Моргенстиерне рассматривал название *Amistol* не оторванно от всего осетинского календаря и если бы он заинтересовался историей последнего, он легко установил бы, что осетинский календарь является х р и с т и а н с к и м и искать в нем древнеиранские элементы совершенно не приходится. Достаточно привести названия других месяцев и праздников: *Basilta* (св. Василий Великий), *Tutyrt* (св. Федор Тирон), *Nikkola* (св. Николай), *Majraty kwadzon* (Успение богородицы), *Georguba* (св. Георгий) и др. В этой группе легко находит свое место и *Amistol* «апостол».

Окончательно убеждает нас в правильности нашей этимологии балкарский язык, где мы находим форму *Abestol*, более близкую к *апостол*. Почти все перечисленные слова восходят к начальному периоду осетинского христианства, т. е. примерно к X в., когда произошла официальная христианизация алан. Оставив без внимания эти факты, Моргенстиерне оказался увлеченным на путь ошибочной этимологизации.

9. Примеры этимологий, основанных на реалиях

Осетинское *fysym* означает «хозяин дома по отношению к гостю», «*hospes*». С звуковой стороны вполне подошло бы сопоставление с авестийским *fšūmant-* «владеющий скотом». Но как быть со значением? Мы ожидали бы, что тот, кто принимает гостя, должен владеть прежде всего д о м о м, что его наименование будет по смыслу чем-то вроде «домохозяин», а не «скотохозяин». Это было бы так, если бы слово *fysym* возникло в условиях о с е д л о г о быта. Но перенесемся в условия быта к о ч е в о г о, и этимология *fysym* ← *fšūmant-* станет не только приемлемой, но, можно сказать, неотразимой. Если в оседлом быту гостя принимает хозяин д о м а, то в кочевом быту способность оказать гостеприимство связывается не с владением домом, а с владением с к о т о м, тем более, что мясо скота как раз и служит главным предметом угощения. Понятно, что в этих условиях «хозяин скота» оказывается также «хозяином, принимающим гостя». Таким образом, наша этимология получает решающую поддержку благодаря тому, что опирается на знание конкретных условий кочевого,

¹⁶ «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. VIII, вып. 1, 1949, стр. 77.

скотоводческого быта, в которых возникло слово, а также на знание того, что предки осетин в далеком прошлом действительно жили в этом быту.

Осетинское *wasajrag* «пленный», «раб». Этимология слова со значением «раб» может быть различна. Оно может восходить к племенному названию (др.-инд. *dāsa-* «не-ариец», «раб» = авест. *dāha* «название племени»); может указывать на понятие «рабочей силы» (перс. *dākar* от корня *kar* «делать», ср. также русск. *раб* и *работа*); может быть связано с понятием «лишения свободы» (перс. *banda* «раб», букв. «связанный», русск. *невольник*). Однако ни одно из этих значений не дает ключа к разъяснению осетинского *wasajrag*. Изучение истории рабовладения открывает еще один признак раба: то, что он служит предметом торговли. Работорговля представляет, как известно, явление, имевшее широчайшее распространение в истории с древнейших времен. В неразвитых обществах родового строя и военной демократии, где уровень экономического развития не давал еще возможности для широкого применения рабского труда в хозяйстве, захват рабов мог иметь главным образом одну цель: продажу их на сторону. Так обстояло дело в обществе скифов и сарматов, с которыми преемственно связаны современные осетины. В такой среде понятие «раб» должно было связываться прежде всего с понятием «торговля», а не с каким-либо другим понятием. Осетинское *wasajrag* убеждает нас, что так оно и было. В слове легко распознается среднеиранское *vācār* «торговля» и распространенный формант *-ag*, означающий «предназначенность для чего-либо». В целом слово *wasajrag* «раб», этимологически разъясненное, означает буквально «предназначенный для продажи», «товар».

Совпадение в одном слове значений «пленный» и «раб» также поучительно. Оно указывает на то, что в той среде и в ту эпоху, когда возникло слово, война и плен были главным источником получения рабов.

Мы видим на этом примере, что исторические данные, помогая разъяснить факты языка, сами в свою очередь освещаются дополнительным светом со стороны языковых данных. Так оно и должно быть. Сотрудничество и взаимопомощь между историей и языкознанием являются не односторонними, а двусторонними, взаимными: пользуясь данными истории для правильного истолкования языковых фактов, языковед может со своей стороны дать историкам ценнейшие дополнительные материалы для освещения важных историко-культурных вопросов.

Осетинское *fæstīnōn* «выздоровливающий» кажется морфологически вполне прозрачным: *fæs* — предлог, означающий «после», конечный *-on* — адъективный суффикс. Слово должно означать, стало быть: «находящийся в состоянии после чего-то». После чего? Очевидно — после болезни. Следовательно, *tīn* должно означать «болезнь». Однако такого или созвучного слова со значением «болезнь» не удается обнаружить ни в иранских, ни в каких-либо других языках, с которыми имеет связь осетинский язык. Фонетически *tīn* мог возникнуть из *cin* после *s* (*fæs-cin-on* → *fæstīnōn*). В этом случае мы приходим к форме *cin*. Такое слово имеется в осетинском, но означает оно не «болезнь», а «радость». Выходит, что состояние после болезни называлось состоянием «после радости». Результат настолько парадоксальный, что можно, казалось бы, отбросить его и продолжать поиски в других направлениях или признать слово не поддающимся разъяснению. Однако этого не следует делать. Предварительно нужно поинтересоваться некоторыми этнографическими данными о примитивных взглядах на сущность болезни. Согласно этим взглядам, болезнь насыщается божеством. В связи с этим на названия некоторых болезней, в особенности эпидемических, как оспа, налагается запрет. Они называются иносказательно, лживыми, заискивающими наименованиями, как «добрая», «кума», «друг» и т. п. Делается это для того, чтобы залобить соответствующим

щее божество. В свете этих этнографических данных уже можно предположить, что в составе осетинского *fæstinoŋ* «выздоровливающий» болезнь называется «радостью». Это невинная хитрость беспильного перед эпидемией человека, имеющая целью задобрить уходящую болезнь, чтобы она больше не возвращалась.

Осетинское *syvædoeg* «детская соска» включает во второй части *fædoeg* «сосок» (с закономерным озвончением $f \rightarrow v$). Начальное *sy*, заключающая всего два звука, могло бы породить множество этимологических ассоциаций и догадок. Но все они оказываются излишними, когда мы узнаем, что соски в старину делались из рога. Не подлежит сомнению, что в первой части нашего сложного слова имеем *sy* «рог» (в современном языке употребляется обычно с наращением форманта $-k'a$: *syk'a*).

Осетинское *zævætdur* «подпятник мельницы» (на нем вращается вертикальная ось турбины) по образованию вполне прозрачно; оно состоит из *zævæit* «пятка» и *dur* «камень». Однако, осмотрев соответствующую часть современной горской мельницы, мы не найдем там камня: подпятник делается из железа. Очевидно, слово унаследовано от тех времен, когда эта часть мельницы делалась из камня. Мне приходилось еще встречать в Осетии стариков, которые помнили это время и могли поэтому лучше любого кабинетного ученого объяснить этимологию слова *zævætdur*.

Немалое удовлетворение испытывает этимологист, когда предлагаемое им разъяснение перекликается с историческими сведениями, касающимися соответствующих реалий.

Среди скифских глосс Гесихия встречается слово *σάκινδακ* «название одежды у скифов». Опираясь на данные иранских языков, я объяснил это слово как составное из *sak-gin-dak* «одежда (*dak*) из оленьего (*sak*) меха (*gin*)». Такое толкование показалось бы достаточно произвольным, если бы у Гесихия не было следующего пояснения к слову *τάραχος*: «похожее на оленя животное, шкуры которого скифы употребляют на одежду».

На ряде примеров я пытался показать необходимость (не только желательность, а именно необходимость) широкого привлечения в этимологических исследованиях исторических, этнографических, фольклорных и иных смежных данных. Подобных примеров можно было бы привести сотни. Все они говорят об одном: подлинно научное этимологическое исследование должно иметь широкую опору во всестороннем изучении реалий. Прав А. А. Белецкий, когда он пишет: «Этимологическое исследование тогда становится наиболее ценным и плодотворным, когда оно является одновременно также историческим исследованием»¹⁷.

Высшей ступени достигает этимология, когда она становится наукой не только о словах, но и о скрытых за ними реалиях.

Отсюда вытекает еще один важный вывод: ни один лингвист не должен быть в такой степени вооружен разнообразнейшими сведениями по истории, культуре, этнографии, фольклору, археологии и пр., как лингвист-этимологист. И далее: в области этимологии особенно желательно и плодотворно сотрудничество языковеда с представителями смежных общественных наук.

10. Об этимологическом словаре нового типа

Статьи по истории отдельных слов, если они хорошо написаны, читаются с захватывающим интересом даже не языковедами. Почему же этимологические словари, которые должны быть, казалось бы, не чем иным, как собранием подобных статей, кажутся не специалисту сухими

¹⁷ А. А. Белецкий, Принципы этимологических исследований, стр. 52.

и мало интересными? Объясняется это отчасти тем, что в словаре составитель стремится к максимальной сжатости, чтобы дать в наименьшем объеме побольше сравнительного материала. Естественно поэтому, что в словарной статье трудно поместить весь тот оживляющий исторический материал, который можно свободно развернуть в специальной работе, посвященной отдельному слову. Но не в этом только дело. Главная причина «сухости» существующих этимологических словарей в том, о чем мы выше говорили: в оторванности от реалий. И здесь перед нами встает соблазнительная мечта о создании этимологического словаря нового типа. В такой словарь должны найти широкий доступ разнообразные исторические сведения, связанные с рождением и судьбой отдельных слов.

Язык и его история представляют огромную познавательную ценность для каждого мыслящего человека. К сожалению, эти сокровища в значительной части остаются книгой за семью печатями для не специалистов из-за известной обособленности языкознания от других общественных наук и из-за сугубого «академизма», свойственного многим языковедческим работам. Этимологический словарь нового типа должен быть чужд этой замкнутости и сухости. В нем должен забиться пульс истории, должны выступить живые черты быта, культуры данного народа, отраженные в истории слов его языка.

Такой словарь, если бы он был создан, не был бы достоянием только узкого круга специалистов. Он мог бы стать настольной книгой любого образованного человека, каждого интеллигентного рабочего и колхозника, так как в нем можно было бы найти не только ряды лексических соответствий, но обширный и разнообразный познавательный материал, освещающий через историю слов различные стороны прошлой жизни народа, его материальной и духовной культуры, его связей и сношений с другими народами. Подобный словарь нужен именно у нас, в Советском Союзе, где вопросы языка интересуют самые широкие круги людей и где языкознание становится, в особенности после исторического выступления И. В. Сталина, одной из самых популярных наук.

Существенной особенностью такого словаря, вытекающей также из его ориентации на широкий круг читателей, должно быть еще то, что в нем будут разъясняться не только корневые слова, но частично и производные, если их словообразовательная структура не вполне прозрачна и наглядна для не специалиста и если они имеют особый семантический, исторический и культурный интерес.

Указанные особенности проектируемого словаря приведут к значительному расширению его объема по сравнению с этимологическими словарями обычного типа. Это неизбежно. Но частично это разбухание можно нейтрализовать более строгим отбором разъясняемых слов. Дело в том, что если в словаре обычного типа, имеющем справочное значение, весьма важно наличие всех непроеизводных слов языка, то для словаря намечаемого типа отбор слов должен определяться их историко-культурной значимостью и интересом. Поэтому в него должен войти целиком прежде всего основной словарный фонд. Что касается остальной лексики, то она должна включаться с разбором. Лишь наиболее ценное, поучительное, интересное, наиболее значимое в социальном и историческом отношении должно найти себе место. Не следует также загружать такой словарь разъяснениями гадательными, сомнительными, натянутыми, которых бывает множество в словарях обычного типа. Лишь наиболее достоверное и надежное должно получить туда доступ.

Наконец, объем такого словаря уменьшится и благодаря тому, что в нем

не будет того громоздкого библиографического аппарата, который уместен и даже необходим в словаре для специалистов.

«Словарь будущего», о котором мы говорим, не может быть, разумеется, делом одного человека. Если даже этимологические словари обычного типа оказываются настолько трудоемкими, что составители зачастую не доживают до их завершения, как это было с А. Преображенским, Э. Бернекером и другими, то что сказать о словаре нового типа, где чисто лингвистическая работа осложняется множеством вспомогательных изысканий и справок исторического, историко-культурного, этнографического, археологического и иного характера! Такой словарь по плечу только целому коллективу, включающему помимо «чистых» лингвистов также знатоков истории, культуры, быта, этнографии, фольклора данного народа.

Говоря об этимологическом словаре нового типа, я хотел бы в заключение подчеркнуть, что такой словарь не должен упразднить и заменить этимологические словари обычного типа. Последние сохранят свое значение как справочные издания, рассчитанные на специалистов. Новый же словарь, имея иные установки и ориентируясь на широкие круги интеллигенции, займет свое место помимо и независимо от словарей обычного типа. Он послужит одним из «окон», через которые языковедение выйдет на широкий простор общественных наук и внесет свою долю в познание народа, его культуры, его истории, его мышления и самосознания.

11. Об этимологической работе в Советском Союзе

Нельзя не признать, что в области составления этимологических словарей наше языковедение сильно отстает. Из языков Советского Союза только армянский имеет полный этимологический словарь, составленный советским ученым Р. Ачаряном (на армянском языке). Русский этимологический словарь А. Преображенского остался незаконченным. К тому же он уже во многом устарел.

Это отставание становится особенно заметным, если учесть, как велико многоязычие нашей родины, как интересны в историческом плане входящие в Советский Союз языки и как увлекательны открывающиеся здесь перед нашими языковедами перспективы.

Пора ликвидировать это отставание. Пора развернуть у нас этимологические работы крупного масштаба, которые и в этой области, как в других, вывели бы наше языковедение на первое место в мировой науке.

Какого типа этимологический словарь будет избран в каждом отдельном случае, по каждому отдельному языку — этого сейчас нельзя предсказать. Это зависит отряда условий: рассчитан ли словарь на специалистов или на широкие круги интеллигенции; какова степень исторической изученности данного языка; какими кадрами может быть обеспечена работа и пр. Насколько можно судить, из основных языков Советского Союза нет ни одного, который не имел бы уже сейчас благоприятных предпосылок для создания этимологического словаря того или иного типа.

Работа в этой области, если бы она получила свойственный нашей стране размах и проводилась упорно и настойчиво, принесла бы богатые результаты. Она дала бы много ценного не только для самого языковедения, но и для смежных дисциплин, прежде всего для истории народов нашей страны. Она внесла бы новый свет в вопросы этногенеза, культурной истории, исторических связей и сношений между народами. Наконец, она в большой степени способствовала бы популярности языковедения, подъему интереса к языку и его истории со стороны самых широких кругов.

М. И. ПЕТЕРСОН

О СОСТАВЛЕНИИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА

1

Необходимость составления этимологического словаря русского языка не надо доказывать. Потребность в нем ощущается давно, но в наше время эта потребность далеко выходит за пределы узкого круга специалистов-языковедов. Об этом можно судить по поступающим в Академию Наук СССР от самых разнообразных лиц многочисленным запросам относительно происхождения русских слов.

Отвечая на эту потребность, Институт русского языка АН СССР еще в 1947 г. включил в план сектора истории русского литературного языка составление этимологического словаря русского языка.

Около того же времени Академия педагогических наук приняла решение издать «Школьный этимологический словарь русского языка» в составе «Книг для учителя русского языка».

К сожалению, составление этимологического словаря в Институте русского языка было прекращено, а в Академии педагогических наук и не начиналось. В «Трудах Института русского языка» (т. I, 1949, стр. 1—144) удалось только напечатать окончание «Этимологического словаря русского языка» А. Преображенского по далеко не полной сохранившейся авторской рукописи. Начало этого словаря давно стало библиографической редкостью.

2

Этимологические словари русского языка у нас стали издаваться давно. Первым опытом такого словаря был «Словарь Российской Академии», изданный в 1789—1794 гг., т. е. еще до возникновения сравнительно-исторического языкознания.

За ним последовал словарь Ф. Рейфа «Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или этимологический лексикон русского языка...» (2 тома, П., 1835—1836). И этот словарь «совершенно чужд еще исторического метода языкознания»¹.

Следующий словарь Ф. Шмкевича: «Корнеслов русского языка, сравненного со всеми славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками» (1842).

По отзыву С. К. Булича, «книга Шмкевича и в свое время не стояла на высоте научного знания, в настоящее же время совершенно устарела и вдобавок не имеется в продаже»².

¹ «Русский филологический вестник», 1893, № 3, стр. 175. О более ранних попытках см. у С. К. Булича «Очерк истории языкознания в России», СПб., 1904.

² «Вестник Европы», 1893, № 4, стр. 867 и сл.

Не более удачен оказался и словарь М. Изюмова «Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими» (в четырех отделах. Для учащихся в гимназиях ведомств министерства народного просвещения, Спб., 1880). О нем С. К. Булич говорит так: «Словарь г. Изюмова также весьма мало известен, о чем, впрочем, жалеть не приходится. Есть о нем отзыв Бодуэна де Куртена: «автор, очевидно не признает строгих звуковых законов и определенных соответствий звуков отдельных языков арио-европейских...»³.

Более близки к нам по времени словари Горяева и Преображенского.

На первое издание «Опыта сравнительного этимологического словаря литературного русского языка» Н. В. Горяева (Тифлис, 1892, 2-е изд.—1896) есть рецензии С. К. Булича⁴ и Н. Иванова⁵.

С. К. Булич отмечает, что «книга имеет преимущественно компилятивный характер, о чем и говорится в предисловии». Главным недостатком словаря он считает «отсталость автора», стоящего на точке зрения Шлейхера и Курциуса, оставленной уже в начале 80-х годов. «Нередко наш автор приводит такие этимологии,— замечает С. К. Булич,— которые с точки зрения современного строгого метода совершенно невозможны... Собственные этимологии автора также подчас сомнительны». Однако, заключает Булич, «рядом с сомнительными и недостоверными объяснениями он (словарь) заключает много этимологий вполне верных, трудолюбиво и разумно подобранных для главнейших слов русского языка».

Н. Иванов отмечает большую зависимость словаря от Потехни и особенно от этимологического словаря славянских языков Миклошича⁶, который и сам уже не удовлетворял научным требованиям того времени.

Н. В. Горяев — преподаватель гимназии. По неблагоприятным местным условиям он, по его признанию, «не мог пользоваться многими лингвистическими русскими и иностранными журналами и книгами».

В более благоприятных условиях находился другой составитель этимологического словаря русского языка — Преображенский. Он — заслуженный преподаватель Московской 4-й гимназии. В Москве он мог располагать всеми необходимыми пособиями, а также помощью видных московских языковедов.

«Этимологический словарь русского языка» А. Преображенского начал выходить в 1910 г. При жизни автора вышло 14 выпусков (а — сулея). Конеч словарь был допечатан в 1949 г. (тело — ящур).

Первые четыре выпуска (а — карамель) акад. Ф. Ф. Fortunатов оценил следующим образом: «Достоинство работы г. Преображенского я вижу в том, что его «Этимологический словарь русского языка», насколько позволяют судить первые четыре выпуска, удовлетворительно знакомит с тем, что сделано до сих пор для объяснения происхождения русских слов и соответствующих им в других славянских языках, и содержит в себе много библиографических указаний по литературе данных вопросов. Составитель «Словаря» внимательно изучил существующие этимологические словари как славянских, так и других индоевропейских языков, а равно монографии и многие журнальные статьи, касающиеся происхождения различных неаимствованных и заимствованных слов в русском языке...»

«На словарь г. Преображенского нельзя, однако, смотреть как на самостоятельную научную работу: составитель «Словаря», очевидно, не прошел

³ «Вестник Европы», 1893, № 4, стр. 867 и сл.

⁴ Там же.

⁵ «Русский филологический вестник», 1893, № 3, стр. 174—181.

⁶ Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen von F. Miklosich, Viena, 1886.

⁷ «Сборник отчетов о премиях и наградах за 1911 г.», 1916, стр. 221—228.

лингвистическую школу, и нельзя ждать от него поэтому в достаточной степени критического отношения к приводимым им мнениям ученых, ни самостоятельного научного разъяснения каких-либо явлений в истории значений или звуковой стороны рассматриваемых им слов.

Приводимые примеры вполне подтверждают эту оценку. Так на стр. 188—189 словаря говорится: «долг „обязанность“ и *долгий*, „longus“ одно и то же слово: *долг* это то, что ждут, выдерживают, терпят». Подобных толкований можно найти немало и в остальных выпусках словаря.

Дополнения и поправки к словарю Преображенского сделаны академиком Б. М. Ляпуновым⁸.

Однако можно согласиться с И. А. Булаховским, что «в целом словарь на этом этапе языковедения, когда он выходил, в существенном удовлетворял поставленной задаче»⁹. Произвольные этимологические сопоставления и толкования нередко встречаются и в современных этимологических словарях, выходящих на Западе. В одном из таких словарей, например, название русской реки — *Ока* сопоставляется с латинским словом *aqua*¹⁰.

В 1950 г. начал выходить этимологический словарь русского языка Фасмера¹¹. Судя по первому выпуску, Фасмер значительно расширил состав слов, включенных в словарь, сравнительно со словарем Преображенского. Он включает редкие областные слова, как, например, *aanigich* «*Anas glacialis*» (Камчатка), личные имена (Александр, Андрей и др.), географические названия (Алтай, Аравия, Аральское море, Арзамас, Армения, Архангельск, Астрахань и др.) и даже названия улиц (Арбат). Что касается толкований, то принципиально они ничем не отличаются от тех, которые приводятся в этимологическом словаре Преображенского. Например, толкование этимологии союза *a* буквально воспроизводит то, что есть у Преображенского.

В статье о союзе *a*, как и у Преображенского, не указано развитие значения, не обосновано сопоставление с др.-иран. *āt*, не разъяснен смысл этого сопоставления: приобрело ли уже индоевропейское **ōd* значение союза или это значение развилось на почве отдельных индоевропейских языков. Одно возведение к индоевропейскому праязыку никак нельзя считать объяснением. Об этом говорит еще А. Мейе в латинском этимологическом словаре¹².

Таким образом, и от словаря Фасмера не приходится ждать чего-нибудь существенно нового. Он, повидимому, не учитывает недостатков сравнительно-исторического метода, которые выяснились в настоящее время.

3

Сравнительно-исторический метод — основа этимологии. После выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию сравнительному методу было посвящено много статей. Подробный список их приведен в «Вопросах языкознания» (т. I, 1952, стр. 19, прим. 16). Там же этим работам дана такая характеристика: «Критика недостатков старого сравнительно-исторического языкознания и сравнительно-исторического метода в последних работах советских языковедов была явно недостаточна и неглубока. Часто

⁸ «Известия ОРЯС», 1925, т. XXX, стр. 1—22; 1926, т. XXXI, стр. 31—42.

⁹ Курс русского литературного языка, изд. 4-е, 1949, стр. 92—94.

¹⁰ Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch des Altnordischen Altnorwegisch-isländischen... Ferdinand Holhausen, Геттинген, 1948.

¹¹ Russisches etymologisches Wörterbuch von Max Vasmer, 1. Lieferung, Гейдельберг, 1950.

¹² Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots, par A. Ernout et A. Meillet, Париж, 1939, VII стр.: «Il ne faut pas se contenter de dire qu'un mot latin est d'origine i.-e...».

она вовсе отсутствовала». «Статьи, специально касавшиеся недостатков сравнительно-исторического метода вообще (например, Б. А. Серебренникова), не указывали конкретных путей преобразования и усовершенствования этого метода в общей системе марксистского языкознания» (стр. 23).

Здесь не место касаться этой проблемы во всей полноте, но необходимо указать те недостатки, которые важно принять во внимание этимологу.

При сравнительном изучении индоевропейских языков обыкновенно привлекались материалы древних мертвых языков. Это исключало возможность изучать развитие этих языков в связи с историей народов. Сами факты языка часто представляли большие трудности для понимания. Стоит припомнить большое разнообразие мнений при толковании ведийских гимнов. Одни ученые вполне доверяли индийской традиции понимания Вед, другие совсем эту традицию отвергали как несостоятельную, третьи, наконец, признавали необходимым считаться с ней, но оценивать ее критически, как и теории европейских ученых¹³. Такое же положение было с толкованием гомеровских поэм и других древних памятников.

Признавая устойчивость фонетических явлений и морфологии, лексике считали неустойчивой, и данные ее ненадежными при сравнительном изучении языков¹⁴; синтаксис же привлекали совсем мало. Таким образом, язык изучался не в целом как система, служащая для общения; закономерное соотношение разных сторон языка или игнорировалось или понималось неправильно.

Реконструированным сравнительной грамматикой словам всегда приписывалось абстрактное значение. В засвидетельствованных языках слова эти обыкновенно имели конкретное значение. Таким образом, принималось развитие от абстрактного к конкретному, что противоречит действительному положению вещей. На эту ошибку не раз указывали и в былое время¹⁵, но она продолжает существовать в исследовательской практике специалистов по сравнительному языкознанию до наших дней.

Эти недостатки сравнительно-исторического метода отрицательно отзывались на этимологических исследованиях. В них не было настоящего историзма, не было единообразия метода. Часто этимологизирование ограничивалось возведением к праязыку без исследования развития значения слова. Весь смысл этимологии утрачивался.

4

Не менее важна для этимологии семантика. Главная задача этимологии — определить основное значение слова и установить развитие его значения. Здесь она опирается на семантику. Недостаточная теоретическая разработка семантики — одно из больших препятствий для этимологического исследования.

На чем основана связь звуковой и смысловой стороны слова? Какова обобщающая роль слова? Как происходит изменение значения слова? Есть ли закономерность в этом процессе? Что такое полисемия? На эти и многие другие вопросы в области значения слов существует много разнообразных ответов, основанных на различных точках зрения, но нет теории, основанной на исследовании фактического материала методом материалистической диалектики.

¹³ См. Ф. Ф. Фортунатов *Sāmaveda-āraṇyaka* — *Saṃhita*, М. 1875, стр. 1—67. L. Renou, *Les maîtres de la philologie indienne*, Париж, 1928.

¹⁴ Ученые И. В. Сталина об основном словарном фонде показывает, что не вся лексика неустойчива.

¹⁵ См. Фасмер, *Греко-славянские этюды*, III, *Греческие заимствования в русском языке*, СПб., 1909, стр. VI. (Там указана и другая литература.)

Признавая, что семантика (семасиология) является одной из важных частей языкознания, И. В. Сталин предостерегает от ее переоценки и злоупотребления ею¹⁶. Такое злоупотребление семантикой И. В. Сталин вскрывает в работах Н. Я. Марра.

Основываясь на этих указаниях И. В. Сталина, В. А. Звегинцев в статье «Критика семантических законов Н. Я. Марра»¹⁷ на конкретных примерах показывает характерную «для лингвистической практики Н. Я. Марра оторванность его семантических построений от языковой действительности»¹⁸ и приходит к совершенно правильному заключению: «семантические „законы“ Н. Я. Марра не только не вскрывают подлинных процессов, происходящих в пределах лексико-семантической сферы конкретных языков, но переносят изучение семантики в ненаучную плоскость бездоказательных домыслов и априорных схем, оторванных от конкретно-исторического языкового материала»¹⁹.

Такая критика очень полезна²⁰, но она решает вопрос отрицательно: как не следует изучать семантику. А. А. Белецкий в своей диссертации «Принципы этимологических исследований» (на материале греческого языка, Киев, 1950) делает попытку решить положительно вопрос о том, как следует изучать семантику.

Автор признает, что «сравнительно с теми достаточно определенными средствами, которыми мы располагаем для восстановления фонетического развития форм, нельзя еще признать удовлетворительными наши средства для восстановления семантического развития (т. е. изменений значения) форм».

«Там, где мы можем проследить шаг за шагом, — продолжает он, — изменение значения определенной формы, мы обычно устанавливаем две основные линии развития: 1) расширение значения (из более конкретного — более абстрактное) и 2) сужение значения (из более абстрактного — более конкретное). Выражаясь языком логики, мы сказали бы, что речь идет о превращении обозначения вида в обозначение рода и, напротив, обозначения рода в обозначение вида (*species pro genere, genus pro specie*)»²¹.

Пример на «расширение» значения: «гр. ἀργύριον — 1) серебряные деньги > 2) деньги (вообще)». Пример на «сужение» значения: «ἄλογος — ср. род прилаг. ἄλογος — 1) не говорящий, бессловесный > 2) неразумный, безрассудный и пр. В качестве существительного (еще у Ксенофонта), т. е. ἄλογον ζῷον, употреблялось в смысле: 1) животное, 2) лошадь...»²².

Это так называемая логическая точка зрения. Руководясь ею, сравнивают основное значение слова с производным и устанавливают, в каком логическом отношении находятся оба эти значения — сужения (вид вместо рода) или расширения (род вместо вида).

Эта точка зрения не изучает самого процесса изменения значения, чем он вызывается, как происходит. Установление отношения между основным и производным значением с самим процессом изменения значения не имеет ничего общего. Основное значение определяется обычно путем этимологизации, что недопустимо, так как за основное значение часто принимается доминирующий признак, по которому происходит называ-

¹⁶ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 37–38.

¹⁷ «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», Сборник статей, ч. 1-я, М., 1951.

¹⁸ Там же, стр. 164.

¹⁹ Там же, стр. 169.

²⁰ См. в том же сборнике статью Б. В. Горнунга «Семантические „законы“ Н. Я. Марра и вопрос об отношении истории языка к истории материальной культуры».

²¹ А. А. Белецкий, лит. соч., стр. 34.

²² Там же, стр. 34 и 35, где и другие примеры.

ние. Так, например, развитие значения слова *крыша* толкуется так: «1) то, что покрывает (вообще) > 2) то, что покрывает дом». На самом деле такого процесса никогда не происходило: слово *крыша* возникло как название по признаку (крыть, покрывать), который воспринимался как доминирующий.

Другой недостаток этой точки зрения состоит в том, что далеко не все случаи изменения значения слов можно подвести под сужение и расширение. Это отмечает и сам автор: «В основе изменения гр. *κέρως* «ствол, пень» при образовании новогр. *κέρμι* «туловище, тело» также лежит метафора, но мы не отмечаем здесь ни существенного сужения, ни существенного расширения»²³.

А. А. Белецкий выбрал, как видим, неудачный путь для решения проблемы семантики. К счастью, его исследовательская практика значительно выше его семантической теории. Благодаря этому в его диссертации много интересных наблюдений над развитием значения греческих слов. Создание теории семантики — дело будущего, хотелось бы думать, недалекого будущего.

Это необходимо не только для этимологии, но и для составления словарей русского языка, языков Советского Союза и иностранных языков, которое ведется в больших масштабах.

Наши лингвисты должны воспользоваться указаниями И. В. Сталина не только для критики, но, в еще большей степени, для положительной работы по созданию теории семантики.

5

При этимологических исследованиях никогда не надо упускать из виду связи лексики с морфологией. Сопоставление слов с непроизводными основами со словами с производными основами дает возможность судить о развитии значения непроизводного слова, т. к. производные слова соотносительны с непроизводными в разных значениях.

Так, например, по соотношению с производными *дворик*, *дворник*, *дворняжка* и некоторыми другими слово *двор* имеет значение «пространство около дома». По соотношению с сложным словом *дворохозяйство* (Толковый сл. русск. яз. под ред. Ушакова) *двор* имеет значение «крестьянский дом со всеми хозяйственными пристройками и службами: в деревне сорок *дворов*».

По соотношению с производными — *дворянин*, *дворня* и некоторыми другими слово *двор* имело значение «именье, поместье, усадьба», не встречающееся в современном русском языке. Такое значение существовало в древнерусском языке²⁴. В этом значении слово *двор* было заимствовано из русского языка литовским языком, где *dvāras* значит «именье, поместье».

По соотношению с *придворный*, *дворец* слово *двор* имеет значение «царский двор».

Таким образом, соотношение с производными словами позволяет различить в слове *двор* четыре значения. Возникает вопрос, сводимы ли все эти значения к одному. Если да, то как происходило развитие значения? Какое значение надо считать основным, первоначальным? Эти вопросы можно решить только привлечением данных письменных памятников, диалектов и данных из истории материальной культуры.

Возможно, что четвертое значение не сводимо, вместе с тремя первыми, к одному. Тогда придется говорить о двух различных словах — омони-

²³ Там же, стр. 38.

²⁴ См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря др.-рус. яз., т. 1.

мах. Вопрос о разграничении омонимов, насколько мне известно, не решен. У Бернекера²⁵ в этимологическом словаре значения не разграничены, и слово *dvor* относится по происхождению к *dverь* («zu der Sippe von dverǐ»). Не объясняется развитие значения слова.

Такого рода объяснений, отрывающих лексику от грамматики и игнорирующих развитие значения слов на почве изучаемого языка, можно привести много.

При морфологическом анализе слов необходимо принимать живые соотношения, существующие в данном языке в данную эпоху. На это совершенно правильно указано в диссертации А. А. Белецкого «Принципы этимологических исследований»: «Аффиксы нельзя выделять механически, т. е. без учета системы словообразования данного языка и этимологических связей составных частей изучаемой формы» (стр. 66). При этом необходимо учитывать явления, которые Л. А. Булаховский называет *деэтимологией* («Деэтимологизация в русском языке», Труды Института русского языка, т. I, М.—Л., 1949, стр. 147—200).

6

Не меньшее значение для этимологии имеет связь лексики с синтаксисом. Это особенно важно при определении значения служебных (несамостоятельных) слов.

Так, например, предлог *в* выражает разнообразные отношения между глаголом и существительным в винительном падеже. Их можно наблюдать только в контексте:

«Я въехал *в* Койшаурскую долину» (Л.) (направление движения).

«*В* эту минуту я вошел» (Л.) (время, когда что-нибудь происходит).

«И русский *и* (наш), как *и* (эп) французский, Провзносить умела *в* нос» (П.) (способ совершения действия) и некоторые другие случаи.

И здесь возникает вопрос об основном значении и развитии значения.

Прежде всего приходится сравнивать эти сочетания с сочетаниями предлога *в* с предложным (местным) падежом:

«Ему отвели квартиру, *и* он поселился *в* крепости» (Л.) (местное значение).

«Как часто *в* детстве я играл его Очаковской медалью!» (П.) (временное значение) и другие.

Затем надо сравнить предлог *в* с приставкой *в-*, происшедшей из того же источника, что и предлог. Ср. живые приставки в глаголах *вбежать*, *влететь*, *втянуть* и неживые — в глаголах *внимать*, *внушать*, *внедрять*.

Совокупность этих данных даст возможность определить основное значение и развитие его на почве русского языка. Сравнение со славянскими языками позволит определить более древнюю историю сочетаний с этим предлогом. После этого с большим основанием можно подойти к сравнению с другими индоевропейскими языками.

Этимологические словари обыкновенно игнорируют это требование. В словаре Преображенского даже не ставится вопрос о развитии значения этого предлога и о том, из какого самостоятельного слова он произошел и в какую эпоху.

7

Что касается фонетики, то в этой области все представляется наиболее прочно установившимся. Требование — строго следить за закономерными звуковыми соответствиями — признается всеми. Устойчивость

²⁵ Slavisches etymologisches Wörterbuch. 1909.

фонетической системы языка делает ее одним из самых важных критериев при установлении этимологии слова.

Однако это благополучие мнимое. Звуки речи не существуют самостоятельно. Их роль как смысловоразличителей (фонем) открыта русскими учеными (Бодуэн де Куртене) и в настоящее время пользуется общим признанием. Звуки речи находятся в закономерных отношениях и с лексикой, и с грамматикой и сами представляют систему, развивающуюся, в связи со всеми другими сторонами языка, в каждом языке своеобразно. Устойчивость звуков речи зависит от устойчивости основного словарного фонда и грамматики. Насколько мне известно, ни один этимологический словарь не принял во внимание этого характера звуков речи, и здесь предстоит большая работа.

Н. Я. Марр и его ученики внесли большую путаницу в изучение фонетических явлений языка. С другой стороны, структуралисты, претендующие на монополию в разработке фонологии, в крайних течениях доходят до схоластики.

Советские языковеды должны продолжить прерванную работу по изучению фонетической системы русского и других языков.

8

Вопрос о составе этимологического словаря не может решаться произвольно. В словарь должен входить основной словарный фонд, который «...живет очень долго, в продолжение веков и дает языку базу для образования новых слов»²⁶.

Определение основного словарного фонда русского языка — задача, которая должна быть решена советскими языковедами на конкретном материале русского языка от Пушкина до наших дней. Для этого необходимо изучить развитие соотношения слов с непроизводными и производными основами в связи с расширением сферы действия языка.

В соответствии с результатами такого изучения должны быть внесены исправления в словник, составленный в Институте русского языка в 1948 году. В словник входит до 6500 слов. Это — слова с непроизводными основами. Словник составлялся по «Этимологическому словарю русского языка» Преображенского и по «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. Он должен быть проверен на основании изучения связанных текстов разных жанров, особенно советского периода.

Изучаться должны не отдельные слова, а группы слов, относящиеся к какой-нибудь сфере действия языка, в связи с историей культуры. На целесообразность такого изучения указал еще М. М. Покровский в диссертации «Семасиологические исследования в области древних языков»²⁷. Эти исследования привели его к выводу, что «слова со сходным значением проходят сходную семасиологическую историю»²⁸. Подобные же наблюдения сделал А. А. Белецкий, изучая греческие названия домашних животных: «почти все эти слова имели хождение примерно в одних и тех же семантических сферах»²⁹.

К такому же роду исследований относится работа Л. А. Булаховского «Славянские названия птиц»³⁰. Недавно вышла работа о названии цветов

²⁶ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

²⁷ Ученые записки МГУ, М., 1896. Отдел историко-филологический, вып. № 23, стр. 20.

²⁸ Там же, стр. 58 и сл.

²⁹ Принципы этимологических исследований, Киев, 1950, стр. 131.

³⁰ «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1948, т. VII, вып. 2, стр. 97—124. «Мовознавство», Киев, 1948, стр. 34—66.

в латинском языке. Наблюдая факты латинского языка, автор — J. André — приходит к заключению, что «названия запахов, звуков и форм не отличаются разнообразием и мало обновляются... Названия цветов, наоборот, постоянно умножаются»³¹. Интересно бы произвести такие исследования на фактах русского языка.

Изучение групп слов, относящихся к одной сфере действия языка, должно начинаться с современного русского литературного языка. Образцы таких исследований находим в работе акад. В. В. Виноградова по истории слов русского языка «Из истории современной русской литературной лексики»³².

Только после этого должны привлекаться данные диалектов, потом — данные украинского и белорусского языков, других славянских, затем — балтийских и остальных индоевропейских языков.

9

Для заимствованных слов необходимо произвести подобное же исследование на почве иностранного языка. Исследование заимствований должно производиться в связи с историей культурных связей между народами. К этим исследованиям необходимо привлекать специалистов в области соответствующих иностранных языков, что поможет избежать ошибок, которые довольно обильно представлены в этимологических словарях. Об этом ярко свидетельствует исследование Н. К. Дмитриева о тюркизмах в русском языке, как они представлены в «Этимологическом словаре русского языка». К сожалению, исследование, которое автор докладывал в Институте русского языка в 1942 г., еще не опубликовано.

Нельзя не заметить, что в этимологических словарях слова часто объявляются заимствованными без достаточных на то оснований. Здесь необходимо руководствоваться указаниями И. В. Сталина о скречивании языков³³. Об этой стороне этимологических исследований есть интересные соображения у А. А. Белецкого³⁴. Важность изучения заимствования слов из других языков, его причин, способов национализации заимствований признается в статье «Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина...»³⁵.

³¹ J. A n d r é, Etude sur les termes de couleur dans la langue latine, Париж, 1949, стр. 200.

³² «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1950, т. IX, вып. 5, стр. 376—392.

³³ См. И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29 и сл., 51 и сл.

³⁴ А. А. Б е л е ц к и й, цит. соч., Автореферат, стр. 10 и сл.

³⁵ См. «Вопросы языкознания», 1952, № 1, стр. 12.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Б. А. ГРИФЦОВ

ЗАМЕТКИ ПО ТЕХНИКЕ ПЕРЕВОДА¹

Большой теоретический интерес к проблемам перевода, с каждым годом повышающаяся требовательность к качеству перевода со стороны читателей и издательств, наконец, растущие на наших глазах кадры молодых переводчиков, пока еще подмастерьев, но в недалеком будущем — мастеров, торопят поделиться опытом, хотя и ограниченным.

Руководя в течение нескольких лет семинарием по художественному переводу, я из года в год наблюдал, как студенты повторяли одни и те же ошибки, обнаруживали те же самые склонности к переводческому «жаргону», одинаково оказывались в плену отдельного слова подлинника, не слышали рифм, вторгающихся в их прозу. Их ошибки не пойдут ли кому-нибудь на пользу?

Перевод на наших глазах становится сложной, весьма разработанной, достаточно точной и чрезвычайно интересной дисциплиной, которой благоприятствуют и наука о языке, и работы в области поэтики, приучающие каждого вслушиваться в ритм, чутко воспринимать созвучия, различать стили. Перевод в то же время, конечно, скромная, но прекрасная профессия.

Заметки построены почти исключительно на материалах переводов с французского языка². Однако общие принципы и выводы из практики, как нам кажется, сохраняют свою силу и для других языков.

I

Все пособия по переводческой работе приводят аксиому: переводчик прежде всего обязан проникнуться духом подлинника. Что можно возразить против этой аксиомы? Ее надо твердо усвоить. Может быть, ее одной достаточно для переводчика, обязанного отречься от своих желаний, вкусов, тенденций, обязанного покориться чужому стилю и всецело проникнуться им? Что говорит практика об осуществимости подобного самоотречения? Классический пример того, до какой степени оно трудно, дает перевод «Песни о Роланде», сделанный покойным де ла Бартом еще в 90-х гг. прошлого столетия, но считающийся настолько удачным, что и

¹ Настоящие «Заметки» представляют собой части отдельных глав не законченной автором (Б. А. Грифцов скончался в 1950 г.) книги «Мастерская литературного перевода», задуманной как практическое руководство для начинающих переводчиков и студентов переводческих вузов. Книга должна была обобщить многолетний опыт автора как переводчика, редактора и руководителя студенческого семинария по художественному переводу. — *Ред.*

² Мои ученики пусть не посетуют на то, что их тетради беспрестанно цитируются на этих страницах, и не всегда одобрительно. На самом деле я с большой благодарностью вспоминаю о занятиях в переводческой мастерской.

в 1929 г. ГИЗ включил его в свою образцовую серию «Русские и мировые классики».

Перевод этот страдает кое-где растянутостью, искажающей темп повествования и заменяющей необычайную отчетливость, твердость и категоричность подлинника какой-то вялостью. Все же эта беда не так велика, да и едва ли можно ее избежать, особенно в переводе стихотворном. В огромном большинстве случаев перевод этот прекрасен. Однако читатель не должен ему вполне доверяться. Есть один пункт, чисто теоретический, благодаря которому де ла Барт совершенно исказил текст. Вероятно, он искажал вполне сознательно, даже гордясь тем, что таким образом «Песнь» становится более близкой русскому читателю. Это искажение не случайно прорвалось где-нибудь в одном месте, оно проведено систематически, основано на определенной теории.

Впервые читатель встретится с ним в 8-й строфе, которая от Марсилия переносит нас к Карлу, в его сад, к его баронам, его свите, его трону из литого золота «под сенью ели, где цветет шиповник». Все образы выдержаны здесь необыкновенно строго в отчетливейшем романском стиле. Но в переводе он вдруг нарушается телом совершенно инородным:

Вдали проворных юношей толпы
увлечены потехой богатырской...

Читатель настораживается: откуда могла здесь взятая специфически былинная «богатырская потеха»? Он заглядывает в подлинник и легко убеждается, что и намек на богатырей там нет. Там сказано: «проворные юноши фехтуют» («E escremissent cie bacheler leger» или по-новоевропейски: «et les légers bacheliers s'escriment de Férée»). Может быть, это случайное недоразумение, шероховатость? Нет, де ла Барт систематически стилизует, систематически ищет былинности в несколько не былинной «Песни», он пользуется всяким случаем, чтобы специфическое только для «Песни о Роланде» заменить эпическим русским. Где подлинник говорит просто: «двенадцать пэров остались в Испании, и с ними вместе двадцать тысяч французов» (стихи 826—827), там де ла Барт, вообще переводчик очень тонкого вкуса, ради вицей славы теории, готов на чудовищную стилистическую мешанину:

У врат испанских все двенадцать пэров
И двадцать тысяч витязей отборных...

Сомнения быть не может, нужно было выбирать что-нибудь одно: или пэров или витязей, только в одном из этих, между собой несовместимых планах можно было вести перевод. Но переводчик продолжает их смешивать.

Образцово точный Бедье переводит стих 1010: «Pour son Seigneur on doit souffrir toute détresse» («Pur sun seignor deit hom susfrir destreiz») — «всякие лишения должно терпеть ради своего сеньора». Де ла Барт вновь искажает:

Обязан каждый витязь за сеньёра
Терпеть лишения.

И еще гораздо более безвкусное смешение:

Граф Маргарис к царю примчался быстро.
Севильский вождь, властитель стран приморских,
Он лучшим был из витязей испанских,
Любимец дам, красавец, богатырь.
Его увидев, — каждая смеялась (стихи 955—966).

Здесь не только разностильная лексика. Ради псевдобылинной связанной певучести нарушены и синтаксические особенности «Песни» —

самостоятельность, жестковатость его законченных, оторванных одна от другой, простейших в своем строении фраз. Ср. в переводе Бедье: «*Tout courant vient Margariz de Séville. Celui-la tient la terre jusqu'aux Car-marines. Pour sa beauté les dames lui sont amies: pas une qui, à le voir, ne s'épanouisse et ne lui rie*»³. Nul païen n'est si bon chevalier»:

Примчался Маргарис севильский,
Его земли тянутся до самого моря.⁴
Ради его красоты дружат с ним дамы:
Кто из них видя его, не расцветет;
Кто из них, видя его, не улыбнется;
Другого такого рыцаря нет у язычников.

Свою стилизацию де ла Барт не ограничивает «богатырями», «царями», «потехами», нелепейшими соединениями витязей с Испанией, витязей и пэров, витязя и сеньора. Своим переводом он постоянно стремится доказать недоказуемую теорию былинного характера «Песни», и уже, конечно, если в «Песни» стоит «сон» («*cette nuit une vision me vint*»), де ла Барт, истолковывая, переводит «вещий сон».

Откуда произошли эти искажения в очень добросовестном и во многих местах прямо прекрасном переводе де ла Барта? Они вызваны своеобразным теоретическим ослеплением: де ла Барт несколько не сомневался в истинности тех славянофильских, немецкого происхождения, теорий, которые противопоставляли поэзию искусственную и поэзию народную, которые утверждали, что «народ» весь поет на один лад, что и все народы поют на один лад, что «Илиада» растет, как дерево растет, и т. д. По отношению к «Песни о Роланде» от этих теорий камня на камне уже не осталось на ее родине. Здесь не место доказывать их ложность. Однако, прежде чем читать «Песнь о Роланде» в переводе де ла Барта, из нее необходимо вычеркнуть всех этих «витязей», «царей», «богатырские потехи» и прочее.

II

Всякий, кому приходится иметь много дела с переводами, скоро замечает, что переводческий язык часто представляет собой своеобразный «жаргон», притом весьма обособленный. Сами переводчики пользуются им, только переводя. Иногда попадает в руки частное письмо кого-нибудь из них, и с изумлением видишь, что в своей личной жизни, — в торопливом письме, в небрежном разговоре — он расставляет слова естественно, выразительно, его фраза легка и убедительна. Но достаточно плохому переводчику взяться за иностранную книгу, чтобы потерять всякую активность; он попадает в плен к отдельным словам и, покорно и уныло их переписывая, создает, как будто против своей воли, болезненный, омертвевший нарост на живой ткани языка. Пропадает синтагма, пропадает интонация, нет и следа благозвучия, остаются только слова в их общих, «словарных» значениях. Как ни мало похожи друг на друга те люди, которые часто без достаточных знаний привлекаются к переводческому делу, они все пользуются одинаковыми ходульными образами, у всех — те же бесперспективные звуковые повторы, та же, как будто назло кому-то создаваемая какофония, то же смешение грамматики двух языков, морфологически совершенно различных.

В 1930 г. большое московское издательство напечатало дважды перед тем переведенный рассказ Бальзака в новом переводе⁵. Событие немалое.

³ Здесь Бедье недостаточно точен.

⁴ Можно, конечно, сохранить и собственное имя — «*Car-marines*», но оно будет звучать глухо, а так как бесспорна его семантическая основа — «море», то вполне законна и замена «до самого моря».

⁵ О нем де Баллак, Рассказы. Библ. «Огонек», М., 1930.

Над Бальзаком стоит поломать голову опытнейшим переводчикам: его синтаксис причудлив, полон неожиданностей, выразительности, стоящей вне правил, его слова — то сильные, звучные, то шаблонно-литературные, то по-хорошему грубые, то сентиментальные. Увы! до этих далеких ему проблем новый переводчик, зная французский язык в пределах малого Макаровского словаря, даже и не добрался.

Излечима ли болезнь переводческого «жаргона»? Бесспорно, излечима.

Для выявления типических ошибок переводчиков я проводил в течение нескольких лет подряд один и тот же эксперимент: каждый год я давал новым студентам, впервые приступающим к переводу, один и тот же отрывок из романа Анатоля Франса «Таис». Опыт удавался всегда: в тех же самых фразах повторялись совершенно те же нелепости. И каждый год, при всем разнообразии субъектов, подвергавшихся опыту, оказывалось, что от этих нелепостей, этих застывших клише переводческого «жаргона» они освобождаются легко. Почему же эти клише уживаются так прочно в переводах, прошедших через печатный станок? Повидимому, из-за недостаточной требовательности редакторов и издательств. За поисками переводческих ошибок, в их крайнем и чистом выражении, нужно обращаться не к студенческим работам (самый неискушенный студент все же серьезен и свободен от самомнения), а именно к печатным переводам.

Пример ошибок самых наивных дает упомянутая книжка рассказов Бальзака (имя переводчика отсутствует; будем называть: «перевод «Огонька»).

Первый случай.

Текст: «Un jour, ma femme de ménage, la femme d'un ouvrier, vint me prier d'honorer de ma présence la noce d'une de ses soeurs».

Безграмотный перевод: «Однажды моя прислуга, жена одного рабочего, пришла просить меня почтить моим присутствием свадьбу одной из ее сестер».

Если бы даже не существовало общезвестных структурных различий французского и русского языков, все равно фраза грешила бы неуклюжими и ничем не оправданными повторами (*однажды, одного, одной*), недопустимыми в прозе рифмами (*просить, почтить*). Но переводчик не знает даже того, что французскому языку свойственна совершенно неизвестная в русском языке морфема, именуемая «член» (*article*), которая на русский язык не переводится. Словосочетанию *la femme d'un ouvrier* соответствует «жена рабочего».

Этой фразы достаточно, чтобы заинтересоваться: как дальше будет переводить о д и н переводчик о д н о г о издательства «Огонек». Предчувствие не обманывает читателя: весь перевод состоит из типических ошибок⁶.

Второй случай.

Текст: «Un jour ma mère posa sur mon lit une lettre».

Безграмотный перевод: «Однажды моя мать положила на мою кровать одно письмо».

Перевод правильный: «Однажды мама положила мне на кровать письмо».

⁶ Отметим, что рассказ «Фачино Кане», из которого взят пример, был прежде переведен по крайней мере дважды: один раз сносно (Собр. соч. Бальзака, т. XVIII, изд. Г. Ф. Пантелеева, СПб., 1899, перев. О. Чуйко), другой — хорошо (Рассказы Бальзака, т. I, перев. Ел. Вл. Штейн, изд. Ледекле, 1894). Цитируемая фраза переведена в последнем издании вполне правильно: «Однажды прислуживавшая мне женщина, жена рабочего, упростила меня почтить присутствием бракосочетание одной из ее сестер» (стр. 7).

В словосочетании *ma mère* слово *ma* прежде всего выполняет функцию члена; притяжательные и указательные местоимения (*ce, cet, cette, ces*) в этой функции обычно не переводятся. Переводить их следует только тогда, когда на них стоит особое ударение, когда пропуск их вызывает двусмыслицу. Фразе *«le nouveau-né s'agite dans son berceau»*, конечно, следует переводить: «новорожденный копошится в колыбели». Указание на принадлежность колыбели именно ему — бесполезно. *Son* необходимо лишь морфологически и никакой смысловой функции не выполняет. Казалось бы, замечание элементарное, однако переводы кишат сотнями и тысячами бесполезных: *этот, эта, этими, в этом, к этому, моя рука, своя спина, свое платье*, и т. д.

Третий случай.

Текст: «*Au milieu de la cheminée s'élevait une pendule surmontée d'une Vénus accroupie sur sa tortue, et qui tenait entre ses bras une cigare à demi consumée.*»

Неверный перевод: «Посреди камина стояли часы, на которых Венера сидела на корточках на черепахе и держала в зубах наполовину выкуренную сигару»⁷.

Не к чему подчеркивать, что руки здесь превратились в зубы. Ошибки такого порядка легко возникают: в пылу работы у переводчика рождается образ (хорошо уже, что возникает образ, хотя бы и ошибочный: это лучше, чем пассивная передача слов!), прежде всего — привычный образ, порожденный ленивой ассоциацией: раз сигара, то, конечно, в зубах. На подобную типическую аберрацию обратить внимание нужно, но истинная погрешность переводчика не в ней, а в нелепейшем образе Венеры, одновременно сидящей и на корточках, и на часах, и на черепахе.

Фраза эта довольно коварна, и монотонных *на* избежать не очень легко. Ее, конечно, приходится перестраивать хотя бы в таком роде: «Посреди камина стояли часы, их украшала присевшая на черепаху Венера с окурком сигары в руках».

Во всяком случае синтаксическая замена здесь неизбежна.

Четвертый случай.

На той стадии работы, когда у переводчика и мысли еще не возникает о возможности изменения всей конструкции фразы и замены слов, синтаксическая нескладность, вызываемая искусственным нагромождением слов, становится законом для переводчиков. Не умея сохранить компактную связность фразы, стремясь передать все слова, переводчики придумали оборот, построенный на предлоге *с*, чрезвычайно для них удобный, хотя и противоречащий всем требованиям русского языка. Отличный пример такой конструкции приводит К. Чуковский⁸: «Он шел с глазами, опущенными в землю, и с руками, сложенными на груди».

Другой пример, кажущийся гиперболическим: фразу, которая переводится вполне естественно: «сидела девушка и горько плакала», плохой переводчик непременно постройит так: «сидела девушка с глазами, наполненными слезами». Эта фраза кажется анекдотом, хотя и отлично выдуманым, над которым хохочут всегда и опытные и молодые переводчики, сами не замечая, до какой степени это синтаксическое клише свойственно им самим. Но видя простого выхода, переводчик нагромождает друг на друга неудобопроизносимые и искусственные обороты. Оборот с предлогом *с* всегда дает примеры таких нагромождений. В одном из переводов,

⁷ Собр. соч. Бальзака. т. XVI, изд. Г. Ф. Пантелеева, СПб., 1899. Шагренева кожа. Пер. Д. В. Аверкиева, стр. 127—128. Тот же перевод перепечатан в изданиях Суворина.

⁸ К. Чуковский. Принципы художественного перевода. В кн. К. Чуковский и А. Федоров, «Искусство перевода», изд. Асад., Л., 1930, стр. 49.

представленном для квалификации в московскую ассоциацию переводчиков, была такая фраза:

Текст: «Il se souvenait des matins d'école de droit tout gris réchauffés de lait bleu ou d'alcool... de son adolescence surgie d'un lit de fer boiteux».

Перевод: «Он вспомнил серые утренние часы в школе правоведения со снятым молоком или со спиртными напитками... свое детство с кроватью на сломанных ногах».

Почему кровать не может оказаться хромоногой? Где это видано, чтобы в школе преподавали правоведение со снятым молоком? Почему не попробовать построить эту фразу естественно, например: «от студенческих лет у него остались в памяти только серые утра, подогретые снятым молоком да алкоголем... от юности — только хромая железная кровать».

Для опыта можно дать нескольким переводчикам страничку о детстве Таис, о том, как в матросском кабаке она пела песни, как матросы сажали ее к себе на колени и кругом пахло смолистыми бурдюками. Можно быть уверенным в том, что и на этот раз соблазн предлога с приведет их к такой же нелепости, к какой приводил он и многих студентов.

Текст: «...puis les joues poissées de bière et piquées par les barbes rudes, elle s'échappait...»

Обычный неправильный перевод: «...потом она убежала со щеками, испачканными пивом и исколотыми жесткими бородами...»

Кто откажется от предположения, что Таис убежала с щеками и с исколотыми бородами? Русский язык знает оборот: *он вошел с букетом, он шел с косою на плече*, но комически звучит: *он вошел с расстроенным лицом*. Предлог *с*, конечно, прежде всего говорит о предмете, находящемся вне субъекта. Естественно *убежать с подружками*, но комично *бежать с щеками, сидеть с глазами*. Нескладность перевода этим не исчерпывается: нагромождение одинаковых падежей или даже одинаковых падежных окончаний, выполняющих различные синтаксические функции («щеками, исколотыми бородами»), всегда затрудняет понимание. И до какой же степени оно несовместимо с изумительно ясным построением фразы у Анатоля Франса!

Кто-нибудь скажет, что о таких элементарных ошибках не стоит и упоминать, так как они — достояние учеников. Увы, это не так. В издательстве М. и С. Сабашниковых, справедливо гордившемся качеством переводов, вышла книга Ж. М. Каррэ «Великий язычник (Повесть жизни Гете)»⁹. На первой же странице читатель спотыкается о следующую фразу:

Текст: «D'un pas alerte, il traversa les rues pittoresques aux enseignes de fer forgé brandies par les pignons enluminés, et de sa canne à pomme d'argent frappa à la porte».

Перевод: «Еще бодро шагая, он пересек живописные улицы с вывесками из кованого железа, закрепленными разрисованными щипцами, и тростью с серебряным набалдашником постучал в дверь...»

Только взглянув в оригинал, поймешь, что значат эти «разрисованные щипцы». Переводчик не только неправильно переводит труднопереводимое слово *le pignon* («щипец, конек на крыше»), доставившее немало забот переводчикам Верхарна, но еще осложняет лексическое затруднение затруднением синтаксическим: пусть читатель сам разбирается в этой путанице.

Но как же по существу разрешить трудности перевода этой точной, осложненной специальной лексикой фразы? Переводчик литературный

⁹ Ж. М. Каррэ, Великий язычник (Повесть жизни Гете), пер. З. Шамуриной, М., 1930

должен обладать и всеми качествами переводчика технического: чем дальше, тем настойчивее становится это требование. И тогда перед ним оказывается альтернатива: или пунктуально передать техническую деталь или откровенно от нее отказаться, во всяком случае, не усугубляя трудность текста запутывающими нагромождениями одинаковых падежей.

Пятый случай.

Увязая в словах, не в силах оторваться от их несколько для него не обязательной расстановки, плохой переводчик делает максимально грузной легкую и мгновенно постижимую фразу оригинала. В жизни переводчик, встретив на улице знакомого, не скажет: *Я видел его идущим по Никитской, я слышал его покашливающим*. Но это не помешает ему прибегнуть к такому превысprenнему обороту, как только он станет сообщать русскому читателю мысли иностранного автора. Пример опять можно взять из перевода Анатоля Франса:

Текст: «*Elle revoyait son père assis à l'angle du foyer, les jambes croisées, grand, redoutable et tranquille... Elle revoyait aussi sa maigre et triste mère, errant comme un chat affamé dans la maison, qu'elle emplissait des éclats de sa voix aigre...*»

Типичный перевод: «Она вновь видела своего отца сидящим со скрещенными ногами (или: сидящим скрестив ноги) у угла очага, большим, грозным и спокойным... Она вспоминала также свою худую и печальную мать, блуждающую (или блуждающей), как голодная кошка по дому, наполняя его звуками своего резкого голоса».

Конечно, не обязательно у одного переводчика соберутся все эти клише переводческого «жаргона». Но почти не было случаев за много лет, чтобы кто-нибудь из студентов не использовал хотя бы двух-трех из них. *Вспоминать отца сидящим, вспоминать мать блуждающей, печальная мать* (хотя *triste* может быть переведено не только поэтическим словом *печальная*, вовсе не подходящим к скупой и расчетливой ведьме из предместья), *большой отец* (хотя *grand* значит не только «большой»), причастные формы, сами по себе не очень употребительные, да еще осложненные деепричастиями — все это крайне типично. Между тем, забота переводчика должна сводиться к тому, чтобы передать ясную в каждой своей части и в их сочетании фразу оригинала, соблюсти анафорический повтор (*elle revoyait — elle revoyait*), сохранить классическую умеренность образов. Вполне правильный перевод мог бы быть такой: «Она вспоминала, как отец, положив нога на ногу, сидит у очага, высокий, страшный, спокойный... Она вспоминала, как бродит мать, изнуренная и унылая, точно голодная кошка, и по всему дому раздается ее резкий крик».

} III

Словарные трудности, целиком едва ли преодолимые, обусловлены тем, что ни в один из моментов своего существования язык не стоит на месте. Меняются звучания, отдельные формы и, что особенно важно для переводчика, — меняются значения слов. Бывают такие случаи, когда слово раз десять переменит значение за свою долгую жизнь, причем последующие значения могут быть очень далеки от исходного. Некоторые из старых значений отмирают, другие продолжают жить наряду с возникающими вновь. Интересный пример дает слово *laquais* (вполне соответствующее русскому *лакэй*); это слово заимствовано французским языком из испанского, где оно имело значение иное и даже противоположное: «военачальник». За несколько веков слово проделало сложный путь, все более «снижая» свое значение: 1) военный, 2) стрелок из арбалета, 3) прислужник при игре в мяч, 4) слуга. Из всех этих значений живым осталось только последнее. Сейчас для переводчиков затруднений это слово [не

представляет, но его эволюция — пример того, какой ширины может достигнуть размах смысловых колебаний.

Другой пример изменения смысла дает слово *bureau*¹⁰ (сохранившее несколько значений и в русском языке). Путь его значений таков: 1) грубая шерстяная материя, 2) мебель, обитая этой материей, 3) письменный стол, 4) комната, где поставлены письменные столы, 5) учреждение и, наконец, 6) группа лиц, руководящих учреждением. На этот раз новое значение не убивало почти ни одного из прежних (за исключением первого, сохранившегося в другой форме — *la bure*). Нужно хорошее знание языка, чтобы не перевести «бюро-конторка», когда текст говорит об обыкновенном письменном столе, чтобы в одном слове *bureau* различать значения: одна из канцелярских комнат, кабинет начальника, само учреждение, группа лиц, руководящих учреждением, и т. д.¹¹

Многозначность слова таит в себе безграничное число ловушек. Иностранное слово психологически воспринимается нами иначе, чем родное. Успех перевода зависит от того, верно ли понят текст при первом же соприкосновении с ним. Никогда не будет хорошим переводчиком тот, кто стряпает фразу, арифметически складывая ее составные элементы и каждую минуту обращая за справкой к словарю (безразлично, лежит ли этот словарь перед ним на столе или — не менее заставший — образовался у него в мозгу). Этот словарь обычно дает несколько значений. Какое из них выбрать? Основное? Но у слова есть несколько основных значений. Трудность переводческого дела в том, что писатель видит вещи и затем их обозначает словом, переводчик же видит слова, за которыми обязан восстановить вещи. Значение, которое первым приходит ему на ум, может оказаться случайным. Для переводчика, когда-то вполне овладевшего иностранным языком, но теперь мало на нем читающего, чужое слово длительно ассоциируется с немногими родными словами, а иногда — только с одним. Это одно слово, охватывающее лишь ничтожную часть области, принадлежащей слову чужому, прежде всего приходит на ум и прочнее всего держится. Между тем, за это время иностранное слово могло далеко уйти от этого значения. Бывают обратные случаи: слово прочно закрепило за собой новое значение, за которым едва брезжит уже отдаленное былое значение. Очень характерную ошибку сделал хороший переводчик Мериме. Слово *commerce* у него прочно ассоциировалось с понятием торговли, чему помогали и внедрившиеся в русский язык слова *коммерция*, *коммерсант*. Популярный толковый словарь Ларуса также дает лишь это основное значение и, без всякой перспективы нагромождая *le commerce enrichit les Phéniciens, code de commerce, chambre de commerce, livres de commerce, tribunal de commerce*, среди них помещает совсем другое значение: *on gagne toujours au commerce des honnêtes gens*. Словари вообще обычно лишены семасиологической перспективы. Им важно лишь указать этимологическое происхождение слова, а затем в один ряд они помещают всевозможные значения. Слово *commerce*, несомненно, произошло от латинского *merch* («товар») и закрепилось в языке в близком значении («торговля»). Но нельзя забывать, что это слово имеет другое, хотя побочное, то исчезающее, то возникающее вновь, но, в конце концов, достаточно прочное значение: «знакомство», «общение» (часто с оттенком «светские отношения»). Именно в этом значении употребил его Мериме.

¹⁰ J. Vendryes, *Le langage*, Paris, 1921, стр. 233.

¹¹ Ср. у Бальзака («*Melmotte réconciliée*»): «il fallait traverser un couloir qui longeait les bureaux, dont les portes étiquetées ressemblaient à celles d'un établissement de bains». Приходится переводить: «нужно было пройти коридором, вдоль которого тянулись переименованные комнаты, как будто номера бань».

Существующие словари далеко не всегда помогают переводчику разобраться в круге значений слов, определить историческую перспективу их развития. В самом деле, какую пользу может принести словарь, который без всякого расчленения указывает, что английское слово *stock* может иметь значения: ствол, пень, бревно, столб, основа бульона, род, племя, запасы, основной капитал, имущество, государственные ценные бумаги, акции, чулок, галстук, ложа, репертуар, печная труба, левкой, оковы?¹² Пустой набор слов, который бесполезен для человека, хорошо знающего язык, и вреден для знающего его плохо. Составителя словаря частично оправдывает исключительная многозначность слов в английском языке, обязывающая усиливать фразеологическую часть каждого лексикографического справочника. Но систематическое расположение значений, выделение семасиологического стержня остается задачей, еще не разрешенной и словарями других языков, в частности, французского.

Для переводчика, который, механически понимая свою задачу, переводит вместо языковых комплексов лишь разрозненные их части и верит в неизбежную статичность языка, ничто так не опасно, как слова, одновременно живущие в нескольких языках — интернациональная лексика и собственно заимствования. Обычно бывает так: переходя в чужой язык, иностранное слово затвердевает, как термин, лишь в одном из своих значений, в то время как у себя на родине оно накопило уже несколько новых значений и продолжает накапливать еще и еще. Больше того: заимствованное слово может закрепиться в таком значении, какого оно никогда и не имело в том языке, из которого оно заимствовано. Редко кто, например, не переведет французского *le binocle* — «бинокль», хотя такого значения во французском языке оно никогда не имело. *Le bidon* во французском языке значит не «бидон», а «фляжка» или (первоначальное значение) «деревянный жбан». Не редкость, если переводчик примет *effets particuliers* за «особливые эффекты», хотя в тексте это значит: «частные векселя». *Effet* — слово исключительно многозначное, одно из тех, которое в словарях должно отмечаться особыми значками, как на автомобильных дорогах столбы предупреждают: опасное место! Ведь понял же один из переводчиков, выступавших на бальзаковском конкурсе, в высоком смысле *reconnaissance* и заговорил о «глубокой признательности», хотя здесь это слово значило «квитанция в приеме квартирной платы». В словаре *reconnaissance* нуждалось бы, впрочем, только в сигнале: замедлить ход и подумайте! А такие слова, как *effet*, нуждаются в значке более сильном, равноценном приказу: «стоп!». *Effet* — «эффект» первым придет в голову в горячке переводной работы, когда со всех сторон встает столько опасностей семасиологических, звфонических, стилистических. «Какое другое, а уже это-то слово я знаю», — думает переводчик и к значению «эффект» прилагивает всю фразу. И точно так же, встретив в чужом тексте *parquet, parterre, loge, régisseur, atelier, taille, figure, char-à-bancs, gessort, adjudant, maréchal*, так естественно прежде всего вспомнить о паркетном поле, о театральных партере, ложе и режиссере, об ателье, талии и фигуре, о знакомых и в русском быту шарбанах и рессоре, адъютанте и маршале, хотя в тексте эти слова могут иметь значения: «судебное заседание», «цветник», «сторожка», «управляющий», «заводской цех», «рост», «лицо», «многоместный экипаж», «судебная инстанция», «фельдфебель», «полковой кузнец» (а может быть, «вахмистр»), а некоторые из них вообще не имеют тех значений, которые первыми приходят нам в голову по звуковой аналогии.

Если, полагаясь на то, что словарь дает готовое значение, переводчик

¹² С. Г. Займовский, Настольный англо-русский словарь, М.—Л., 1930.

верит в статичность языка, вернее, даже — в статический параллелизм двух разных языков, то еще больше ловушек расставят перед ним особые, присущие только данному языку фразеологические словосочетания. Порознь слова понята верно, два элемента одного ряда порознь равны двум элементам другого ряда, но сумма в каждом ряду получится совсем особая. Механистическое мышление делает переводчика слабо защищенным от языковых ловушек. В одну из них попали переводчики издательства, вообще довольно тщательно относившегося к переводу, выпуская по-русски роман Мак Орлана «Le rire jaune»¹³. Верно, что *le rire* — «смех», что *jaune* — «желтый», к тому же, если Леонид Андреев написал повесть «Красный смех», то почему французскому автору не написать роман «Желтый смех»? Но ничто в книге Мак Орлана не оправдывает этого заглавия, да и не должно оправдывать, потому что *rire jaune* — это *rire d'une manière contrainte* и приблизительную аналогию находит в русском «смех сквозь слезы».

Что такое идиоматизм? Где начинается идиоматичность? Чем отличается она от образности? Какие идиоматические выражения следует помещать в двуязычный словарь? Эти вопросы ни теоретическое языкознание, ни переводческая практика далеко еще не решили. Словари отражают эти выражения всегда и недостаточно, и в то же время излишне широко, хотя никакой словарь не в силах утнаться за непрестанно возрастающим их множеством. Само собой разумеется, что абсолютных идиоматизмов не бывает, что французско-немецкий и французско-русский словари дадут идиоматизмы различные, в зависимости от наличия совпадений или заимствований в любой паре языков. Так, например, применительно к русскому языку *prendre le deuil*, *prendre du thé*, *prendre un mari*, *prendre un congé* не будут идиоматизмами. И хотя переводить эти словосочетания приходится по-разному, они все сохраняют за глаголом *prendre* его основное значение. Нет переводчика настолько беспомощного, чтобы он сделал здесь ошибку. Однако отличный словарь К. Ганшиной, помещая эти ни для кого не трудные словосочетания, опускает, например, такой бесспорный идиоматизм, как *la rivière a pris cette nuit*: от основного значения глагола *prendre* — «брать», никак не дойти до значения этого выражения («нынче ночью река встала, т. е. покрылась льдом»). В отборе идиоматизмов, так же как в отражении семасиологической связанности разных значений слова, составители словарей еще не нащупали твердых принципов.

Бывают курьезные пропущения с выражениями мнимо идиоматическими. Так, например, слово *assiette* во французском языке распадается на два омонима¹⁴: *assiette* «положение, настроение» и *assiette* «тарелка». Первое слово имеет две группы значений: 1) посадка (*manière d'être assis*), положение; о больном: *il ne peut trouver une bonne assiette*; о всаднике, плохо сидящем на коне: *perdre son assiette*; *l'assiette d'une ville* (расположение города) и подобные; 2) настроение, расположение. К этому второму значению и относится очень обычное, несколько не идиоматическое выражение: *il n'est pas dans son assiette ordinaire (naturelle)*, совершенно точно и без всякого труда переводимое: «он не в духе» и несколько не меняющее смысла от того, что живая речь отбрасывает прилагательное.

¹³ П. Мак Орлан, Желтый смех, перев. А. Л. Вейрауб, изд. «Круг», М., 1926.

¹⁴ До сих пор не установлено точного критерия для разграничения разных значений слова и омонимов. Из трех словарей только два будут считать, например, что *gruppelle* — «терновая ягода» и *gruppelle* «зрачок» — разные слова. Все словари различают два слова: *rupille* «опекаемая сиротка» и *rupille* «зрачок». Однако Rémy de Gourmont (*Esthétique de langue française*) остроумно доказывает, что в том и другом случае мы имеем разные значения одного слова.

Несмотря на несомненное в данном случае разграничение омонимов, при переводе эти значения были перепутаны и фраза *il n'est pas dans son assiette* была переведена: «он не в своей тарелке». Перевод не имел никакого смысла, потому что русская *тарелка* значит только «тарелка», никогда не значит «настроение» и к каламбуру не приводит. Тем не менее безграмотный перевод пошел гулять по русскому языку, он распространился и легализовался.

IV

В вопросе о рифмах в прозе, о звуковых повторах, о всякого рода созвучиях в прозаическом тексте переводческое дело особенно отстает от тех требований, которые естественно развились и повысились у читателей. Проза все более развивает свои собственные средства выразительности, и немалая роль принадлежит переводчику в ее торжествующем движении. Его задачи ответственны и сложны. В качестве основных можно назвать следующие: 1) заботливый отбор слов, передача не только общего значения слова, но и его оттенка, его социальной или специальной окраски; 2) отказ от уклончивости, половинчатости, приблизительности, точность и безбоязненная прямота перевода; 3) построение выразительной и ясной фразы, а там, где это соответствует оригиналу, — сохранение ее умышленной разорванности, ее экспрессивных срывов, ее динамической непоследовательности.

Переводчик должен решительно отказаться от внедрения в прозу элементов стихотворной техники, — контрабандного товара, вторгающегося только благодаря малой бдительности стражи. В стихах созвучия, рифмы, звукообразы приобретают огромную силу; случайно попав в переводную прозу, они производят только комический эффект.

Один из превосходных переводчиков начинает перевод рассказа Флобера «Простое сердце» такими словами:

Текст: «*Pendant un demi-siècle les bourgeois de Pont-l'Évêque enviaient à m-me Aubin sa servante Félicité.*»

Перевод: «В течение полувека все хозяйки Пон-л-Эвека завидовали г-же Обен из-за ее служанки Фелиситэ».

На первый взгляд перевод хорош, но достаточно заметить его ненужную рифмованность, чтобы сразу, с первой же строчки, исчезла серьезность. Чуть-чуть, и получится скороговорка раешника:

И в теченье полувека
Все хозяйки Пон-л-Эвека...

В своем переводе «Философских этюдов» Бальзака я также нашел стишок, несколько не менее нелепый от того, что он напечатан без разбивки на строки:

Текст: «*D'ailleurs la maladie de son mari eut des phases.*»

Перевод:

К тому же
В болезни мужа
Было несколько фаз.

Нельзя называть *обед победой*, если текст и сопоставляет *un dîner — une victoire*; не следует приглашать *на завтра к завтраку*, хотя в тексте значится: *à demain, venez déjeuner*. Но больше всего следует остерегаться отглагольных существительных, кончающихся на *-ени-е* или *а-ни-е*, нагромождение которых — типичнейшая черта переводческого «жаргона». Встретив, например, фразу: «*Malgré l'échec électoral il conservait son prestige*», плохой переводчик переведет его так: «несмотря на поражение

на выборах, он сохранял свой «престиж»; переводчик лучше, понимающий, что переписывать prestige — «престиж» еще не значит переводить, едва ли избежит другой ошибки: «он пользовался уважением, несмотря на поражение при выборах». Здесь избежать ее нетрудно: «и провалившись на выборах, он не потерял уважения».

Но надо сознаться, что поединок русского языка с французским в области суффиксов далеко не всегда кончается победой для первого. Есть большая их группа, где превосходство безусловно на стороне русского языка: это разного рода уменьшительные, ласкательные, уничижительные суффиксы. Имея в своем распоряжении это языковое богатство, переводчик может бесконечно разнообразить смысловые оттенки и звучание фразы. Но есть другая область, где словообразовательные средства русского языка не столь разнообразны: это — отглагольные существительные. Опасности и трудности перевода в этом пункте очень велики. Писатель конкретен, точен: переводчику грозит опасность стать абстрактным и приблизительным. На двух-трех страницах прозы французского классика нетрудно бывает встретить, например, такой ряд слов: sans doute, l'agitation, l'étonnement, le mouvement, la déviation, la créature, ses ordres, la prédestination, son oeuvre, la réalisation, le trouble, le plaisir, l'impression, la révélation, pour éveiller, le regret, l'ornement, la vision, la disposition, une guine. Им несколько не опасно соседствовать друг с другом: шестикратно звучащее -ation на протяжении текста в две-три страницы не воспринимается как монотонное повторение. Да и для двадцати слов, кончающихся десятью разными способами, шестикратный повтор не страшен. Но переводчик легко может придать этому ряду монотонность, безнадежно унылую: *без сомнения, волнение, изумление, движение, отклонение, творение, распоряжение, предназначение (или предопределение), произведение, осуществление, смущение (или смятение), наслаждение, впечатление, откровение, для пробуждения, сожаление, украшение, видение, расположение, разорение (по контексту руины, развалины не годились)*. Пример не выдуманный, он мне действительно попался в повести Балзака «Искания абсолюта», и сколько понадобилось труда, чтобы хоть как-нибудь разбить эту монотонность, от которой совершенно свободен оригинал. Приходится на десятки ладов перекраивать фразу, пытаюсь существительные заменять глаголом или перебирая все синонимы. Помощь даже лучших словарей — ничтожна: они сообщают лишь, что agitation — «волнение, возбуждение, брожение, движение», что mouvement — «движение, передвижение, перемещение, брожение, волнение, возбуждение, сила воображения».

Другой ряд слов, не столь многочисленных, но все же угрожающих, благодаря большей силе ударения, выстраивался на тех же страницах: le désir, le charme, une lumière, les ondulations, la créature, les ordres, un aveu, la promesse, т. е. *желание, очарование, сияние (по контексту свет не годится), колебания, создание, приказание, признание, обещание*. Отдельное можно изменить: sans doute может значить «конечно» (и можно дать переводчикам совет: никогда не переводите sans doute «без сомнения», уже один такой пример докажет, что вы не преодолели переводческого «жаргона»; sans doute произносится скороговоркой, решительно, как наше *конечно*, тогда как наше *без сомнения* своей медлительностью скорее подтверждает наличие сомнения, чем его уничтожает); les plaisirs могут быть *радостями, утехами, уладами*, l'ornement может стать *красой*; но чем иным, кроме *признания*, станет aveu? Или чем, как не *впечатлением*, станет l'impression?

Итак — настойчивое напоминание переводчикам: не тратьте зря, без особой надобности, -ений и -аний, они вам понадобятся наверное и очень

скоро, притом в таких случаях, когда их нечем будет заменить; переводите как можно конкретнее, опасайтесь общих, ничего не говорящих слов.

Стремясь перевести обязательно каждое слово оригинала, переводчик часто на замечает у себя ненужных звуковых повторов, какофонии. Вот пример из упоминавшейся уже книги о Гете:

Текст: «Les roses de son amour se fanent, et, tel un ver rongeur le remords s'insinue en lui».

Перевод: «Вянут розы его любви, и грызущим червем заползает в душу угрызения совести».

Конечно, можно предположить, что переводчица вдруг вспомнила о звукообразах и un vers rongeur — le remords стали «грызущим червем угрызения». Но вернее всего сочетались они потому, что на одной странице словаря rongeur значит «грызущий», а на другой le remords непременно значит «угрызения». Во всяком случае, получилась ненужная какофоническая звукопись.

Встречаются случаи более сложные, спорные по существу. В них обнаруживаются две тенденции, а может быть, и разные школы переводного дела. Пример дает флоберовская «Госпожа Бовари».

Текст: «...et l'ennui, araignée silencieuse, filait sa toile dans l'ombre à tous les coins de son coeur».

Перевод: «... и скука, молчаливый паук, в тиши опутывала паутиной все тайники ее сердца».

Перевод свободен от элементарных ошибок, верно и то, что l'ennui всего адекватнее передается *скукой*. Но обдуманное благозвучие флоберовской фразы не тем ли обусловлено, что для *паутины* французский язык не создал особого слова, а просто назвал ее la toile d'araignée?

Неосознанная какофония перевода не вызвана ли звуковыми повторами: *скука — паук, опутывала — паутина*. Не без усилия можно добиться перевода, лишенного этих порочных *кук — паук, опут — паут*. Можно перевести: «И тоска, молчаливый паук, плела свои нити в сумеречных уголках ее сердца». Вероятно, так будет лучше. Но всегда останется неразрешенным сомнение: как поступать с преднамеренным благозвучием? Как поступать с писателем такого двойного типа, как Флобер, который, постоянно снижая поэтические образы, создавал музыкально звучащую прозу, оставив переводчикам самые трудные во всей мировой литературе тексты? С несвойственной Флоберу назойливостью первый перевод стал карикатурой на звуковую образность. Нейтрализовав текст, второй перевод дал неплохо звучащую и достаточно точную фразу.

Повидимому, возможен и третий перевод, стихотворного типа; звучание станет для него законом. Одну фразу довести до такой обработки возможно. Но как передать музыку всего романа, где таких «единственных» фраз совсем не единицы! На перевод первой встречи с Эммой стоило бы объявить конкурс...

КРИТИКА БУРЖУАЗНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

О МЕТОДЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ У АМЕРИКАНСКИХ СТРУКТУРАЛИСТОВ

В нашей языковедческой литературе почти нет работ, которые ставили бы целью конкретный лингвистический разбор методов и приемов исследования, применяемых разными направлениями и группировками буржуазной лингвистики, вследствие чего остается невыясненным вопрос о том, допустимо ли в советском языкознании применение тех или других частных приемов исследования, разработанных буржуазными лингвистами, или же, напротив, соответствующие материалы могут быть использованы лишь как иллюстрации при разъяснении а н т и н а у ч н ы х способов трактовки лингвистических явлений, как средство предостережения от ошибок.

Американские структуралисты представляют собой в настоящее время одну из наиболее активных буржуазных лингвистических школ и располагают материальными возможностями, превосходящими возможности их европейских конкурентов. Они оказывают на последних значительное влияние, особенно на тех из них, которые не сумели по тем или иным причинам сплотиться вокруг собственной теоретической программы. Все это дает веские основания для того, чтобы именно этому направлению буржуазной лингвистики уделить серьезное внимание.

В рамках журнальной статьи невозможно конкретно рассмотреть разные стороны деятельности данной лингвистической школы. Как видно из заглавия, имеется в виду строго ограничиться вопросами метода исследования. Общие вопросы будут затрагиваться лишь в той мере, в какой их освещение будет необходимо для выполнения основной задачи¹.

Теоретической основой американского структурализма (или «дескриптивной лингвистики») является «бихевиоризм», «операционализм» или, как ее называет основоположник этой лингвистической школы Леонард Блумфильд, «физикализм» (physicism) или «материалистическая (лучше: «механистическая») теория». Существо этой теории заключается в том, что общение при помощи языка понимается лишь как сумма стимулов и реакций, как ряд «причин», вызывающих «эффекты» или «следствия» (cause and effect sequences), точно такие же, какие можно наблюдать, например, в физике или химии. То, что в каждой данной ситуации мы не можем точно предсказать, какие именно слова будут выбраны тем или иным лицом для того, чтобы вызвать нужную реакцию у другого лица или лиц, обусловлено не качественным своеобразием речевого общения и возникающих при этом «стимулов» и «реакций», «причин» и «следствий», а лишь тем обстоятельством, что человеческий организм представляет собой настолько сложную структуру, что даже сравнительно незначительное изменение в его состоянии может вызвать большие изменения в характере «реакции».

Обнаружение внутренних закономерностей в речевой деятельности человека, по мнению Блумфильда, было бы возможно только в том случае, если бы мы могли детально ознакомиться с данным организмом на очень ранней стадии его развития,

¹ Поэтому в работе вовсе не затрагивается критика американской школы со стороны представителей различных оттенков «менталистического» направления. Интересующиеся этой стороной вопроса найдут соответствующие материалы у Бонфанте (G. Bonfante, «Encyclopaedia of Philosophy», 838—870, New York Philosophical Library, 1946), Шпитцера (Leo Spitzer, «Modern Language Quarterly», IV, 1943, No. 29), Грея (Louis H. Gray, «Acta Linguistica», V, 2, 1945—1949, 65—72), в очень мягкой форме у Мессинга (Gordon M. Messing, «Language», 1951, 27, 1) и пр.

например, при рождении данного человека или даже до рождения, а затем могли бы вести точный учет всех изменений, происходящих в этом организме, включая все без исключения «стимулы», которым подвергался данный организм. Поскольку это не только практически, но и теоретически невозможно, приходится ограничиваться регистрацией фактически наблюдаемых «реакций», возникающих в различных «ситуациях». При этом оказывается необходимым принципиально отказываться от таких понятий, как «мысль», «образ», «чувство» (feeling), «волеизъявление» (act of will) и т. п., поскольку все эти понятия лишь «популярные термины, употребляемые для обозначения различных телесных движений» (Blo m f i e l d, «Language», стр. 32—33 и 142—143).

Таким образом, мышление оказывается лишь «поведением», двигательной активностью, а речь — лишь одной из форм проявления двигательного или мускульного усилия, вследствие чего мышление вовсе не обязательно должно быть вербальным, но может быть и кинестетическим и висцеральным (т. е. эмоциональным). В этом принципиальном отрыве языка от мышления — теоретические основы антигисторизма рассматриваемой лингвистической школы в трактовке языковых явлений, о чем будет подробно сказано ниже. Вульгарная механистическая, позитивистская философская концепция, лежащая в основе всей системы, приводит к схоластическому «номинализму» уже в собственно лингвистическом исследовании и сближает американских «дескриптивных лингвистов» с так называемой «венской школой» семантиков, отдельные представители которой теперь сблизились с ними также и территориально (имеется в виду деятельность одного из ведущих представителей и популяризаторов «семантики» Р. Карнапа в США). Таким образом, оказываются обеспеченными «научные основы для того, чтобы «освободиться» от какой-либо связи с объективным реальным миром, от каких-либо проверок своих положений и соотнесения их с действительностью, причем даже сама постановка вопроса о таких проверках или соотнесениях расценивается как «бессмысленная метафизика»².

Посмотрим теперь, каким образом охарактеризованные выше теоретические предпосылки воплощаются американскими «дескриптивными лингвистами» в практике их языковедческой работы. В общих чертах, не входя в детали различных работ и индивидуальных оттенков, принципы лингвистического исследования, принимаемые этой школой, в целом можно суммировать следующим образом.

1. Основной задачей, как видно уже из самого названия направления — «дескриптивная лингвистика», — является разработка «научных методов описания языка». Однако, согласно принципам американского позитивизма и прагматизма, такое описание вовсе не должно стремиться к обнаружению подлинной природы изучаемого явления или явлений, к вскрытию подлинных внутренних закономерностей, существующих в языке. Задача лингвиста сводится к отысканию лишь наиболее «удобных», наиболее «эффективных» способов, посредством которых можно было бы легко и быстро регистрировать материал и составлять парадигмы и ряды³. При этом, оказывается, следует тщательно исключить возможность обращения к истории языка: «Для того чтобы описать язык, не требуется никаких исторических знаний; более того, наблюдатель, который позволил бы таким знаниям повлиять на производимое им синхроническое описание, обязательно исказит полученные им данные» (Б л у м ф и л ь д, цит. соч., стр. 19—20).

² Подробное изложение и обстоятельную критику «семантического» позитивизма см. в книге М. Корифорта «Наука против идеализма» с предисловием акад. Г. Ф. Александрова (Иноиздат, М., 1948). В этой книге показана «эволюция» реакционного идеалистического позитивизма от Ресселя (основоположника современной «научной» философии «логического анализа», «радикального физикализма» и т. п.) до так называемого «логического позитивизма» Р. Карнапа. Дальнейшее развитие критической мысли Корифорта находим в его труде «В защиту философии. Против позитивизма и прагматизма» (Иноиздат, М., 1951), также с предисловием акад. Г. Ф. Александрова. См. также сборник статей под общим заглавием «Против философствующих оруженосцев американско-английского империализма» (Изд. АН СССР, 1951) и статью В. В. Соколова «Позитивизм и прагматизм — реакционная философия англо-американского империализма» («Вопросы философии», № 3, 1951).

³ Соответствующие сентенции встречаются во всех теоретических работах этого направления, например: «Спрашивать, является ли это «правильной» или «верной» транскрипцией, — бессмысленно. Данная транскрипция либо является, либо не является точным перечнем фонем, которые, как мы думаем, наличествуют в данном высказывании, и порядке их следования. А анализ, на котором построена транскрипция, либо соответствует, либо не соответствует заданному нами ряду постулатов». «Мы должны факты прилаживать к системе, а не систему привораживать к фактам». «Здравый смысл реагирует на этот анализ как на неправильный, но в терминах принятых у нас способов трактовки морфологических проблем он, повидимому, неизбежен». «Выбрать следует ту формулировку, которая в конце концов окажется наименее сложной» и т. д.

2. Описание языка должно производиться в терминах «морфем» и «порядка их расположения» («порядка их следования»), или «морфем и тагмем», или «морфемки и тактики» и т. п. (morphemes and their order, morphemes and tagmemes, morphemics and tactics), так как «значение» имеют не только «морфемы», но и порядок их следования друг за другом (так называемое «конструктивное значение» — *constructional meaning*). Этот принцип описания, т. е. «морфемы» плюс «порядок их следования», признается одинаково применимым и достаточным для «описания» любого языкового факта, любого комплексного языкового явления, будь то слово (простое, сложное или производное), словосочетание, фразеологическая единица или предложение (как будет видно из приводимого ниже материала, уже сами эти основные языковедческие понятия становятся бессмысленными для «дескриптивного лингвиста»). Качественный анализ сводится к различению «экзо- и эндоцентрических образований» (*exocentric and endocentric constructions*) и введению понятия «непосредственно составляющих» (*immediate constituents*). И те и другие оказываются одинаково применимы при анализе самых разнородных лингвистических явлений. «Эндоцентрическими образованиями» называются такие, в которых «тактическая» структура конструкции по существу та же самая, что и структура главного (*head*) или даже обоих составляющих. У «экзоцентрических» — наоборот. Так, например, *eyelet* «глазок» является эндоцентрическим образованием, поскольку образование в целом относится к тому же классу, что и главное составляющее (т. е. *eye* «глаз»). Напротив, образование *manish* «мужеобразный» будет экзоцентрическим, потому что класс всего образования в целом будет уже другой, чем у главного составляющего, т. е. у *man*. Также, например, *спустит рукава* в таком «высказывании», как *он работал, спустит рукава, и потому замарал их* было бы эндоцентрическим, а *спустя рукава* в смысле «плохо, небрежно» было бы уже экзоцентрическим соединением вследствие его идиоматичности.

Что касается выделения непосредственно составляющих, то оно носит чисто эмпирический и механический характер. Так, например, «сложная форма» *roog John ran away* «бедный Джон убежал прочь» (Б л у м ф и л ь д, цит. соч., стр. 161) распадается на «непосредственно составляющие» *roog John* и *ran away*, которые, являясь в свою очередь «сложными формами», могут дальше подразделяться на «непосредственно составляющие», т. е. *roog John* на *roog* и *John* (две «морфемы»), а *ran away* на *ran*, представляющее собой «морфему», и *away*, которое, в свою очередь, является «сложной формой» и состоит из двух «морфем» — *a* и *way*.

Приблизительно соответствующим только что рассмотренному английскому предложению было бы такое русское предложение, как, например, *брат Иван лег набок*, которое «разбиралось» бы таким образом: «непосредственно составляющие»: 1) *брат Иван* и 2) *лег набок*; каждая из этих «непосредственно составляющих» членилась бы дальше: 1) две «непосредственно составляющие» «морфемы» — *брат* и *Иван*; 2) две «непосредственно составляющие» — *лег* и *набок*, — но во втором случае мы имели бы уже не просто две «морфемы», а одну «морфему» — *лег* — и одну «сложную форму» — *набок*, которая в свою очередь состоит из «морфем» — *на* и *бок*. Таким образом, членение на «непосредственно составляющие» может идти «несколькими слоями», но на каждом данном уровне рассматриваются только две «непосредственно составляющих».

Поскольку, как уже было сказано выше, лингвистами рассматриваемого направления не проводится принципиального различия между словом и словосочетанием (соответственно, предложением), анализ по «непосредственно составляющим» одинаково применим как к предложениям, так и к словам. Так, например, хотя слово *unfriendlyness* состоит из четырех морфем, в нем имеются только две «непосредственно составляющих», а именно *unfriendly* и *ness*. Основанием для такого вывода является то, что в английском языке суффикс *-ness* регулярно присоединяется к прилагательным, в то время как префикс *un-* нормально не употребляется для изменения значения существительных. В качестве примера анализа на «непосредственно составляющие» для производного слова можно использовать русское *загородный* (следует отметить, что иллюстрация влагаемых «принципов» на русском материале несколько затрудняется в общем большей сложностью и разветвленностью русского словообразования по сравнению с английским). «Непосредственно составляющими» в этом случае явились бы *загород* и *-ный*, т. е. их опять-таки было бы только две, несмотря на то, что в слове *загородный* выделяется не менее трех значащих частей (даже если отвлечься от более детального анализа и рассматривать *-ный* как один элемент).

3. Как уже было сказано в п. 2, для полного описания языка с точки зрения «дескриптивной лингвистики» достаточно двух понятий — «морфема» и «порядок следования морфем». Таким образом, основной единицей языка (т. е. такой, которой исчерпывается его «материальная ткань») оказывается «морфема», выступающая в одном из своих «альтернатив» (*morpheme alternants, morpheme units, morphs*). Наиболее широко распространенным среди американских дескриптивных лингвистов определением «морфемы» является определение Блумфильда (Б л у м ф и л ь д, цит. соч., стр. 161): «языковая форма, не связанная частичным фонетико-семантическим сходством ни с какой другой формой» (*a linguistic form which bears no partial phonetic-semantic resemblance to any other form*). Под «языковой формой» (*linguistic form*), с другой

стороны, понимается «любое сочетание фонем., имеющее значение» (any combination of phonemes., which has a meaning)⁴.

Выделение и описание «морфем» требует разработки правил и принципов, на основании которых должно производиться соответствующее объединение «альтернантов», «морф» и т. п. Наиболее общими правилами «дескриптивной лингвистики» можно считать следующие: для того чтобы «альтернанты» объединялись в одну «морфему», необходимо: 1) чтобы они имели одно и то же значение; 2) не могли бы встречаться в тождественном «лингвистическом окружении» (environment; см. ниже п. 4); 3) чтобы совпадали по «диапазону» (combined environment, range) с диапазоном противопоставляемого им «альтернанта». Так, например, англ. -en и -s (т. е. -z, -s, -iz) множественного числа могут рассматриваться как альтернанты одной морфемы, потому что: 1) они имеют одно и то же значение (т. е. значение множественного числа); 2) никогда не встречаются в тождественном лингвистическом окружении — находятся в отношении «дополнительного распределения» (complementary distribution): по-английски нельзя образовывать такое множественное число, как oxes или cownen, а только cows и oxen; 3) по диапазону совпадают с диапазоном противопоставляемого им альтернанта, т. е. нулевой морфемы, выражающей единственное число. Альтернантами одной морфемы оказались бы, следовательно, например, русские -ов (т. е. -ов, безударн. -ъв), -ей и нулевое окончание род. п. мн. ч. мужск. рода, так как все они имеют одно и то же значение (например, *столов, чертей, солдат*); никогда не встречаются в тождественном лингвистическом окружении (поскольку по-русски нельзя сказать *столов* или *чертов*); по диапазону совпадали бы с диапазоном других падежно-числовых форм.

«Альтернацию» (alternation) типа англ. -en, -s, русск. -ов, -ей, «нуль» следует отличать от «альтернации» типа англ. -z, -s -iz, русск. -ов -ъв, так как последняя является «автоматической».

Поскольку, как уже указывалось выше, «дескриптивная лингвистика» не признает качественно различными категориями такие единицы, как слово и морфема, приведенных общих «правил» оказывается недостаточно, и различным исследователям приходится все время развивать и совершенствовать «методику» описания. Как, например, разобрат по «морфемам» такие «формы», регулярное соотношение между которыми основано на чередовании звуков (например, англ. sing — sang, русск. «неси — носи»)? Одной и той же или разными морфемами являются такие ряды, как англ. read и reed; соответственно русск. *три* (числительное) и *три* (повел. накл. от *трети*); англ. run, run, run (соответственно, русск. *лай, лай, лай*) в таких «лингвистических окружениях», как, например, a run in her stocking, they run away, they run that factory (соответственно русск. *ты, собачка, не лай; слышишь лай собак* и просторечное *ты его за это не лай*). Одну и ту же или разные «морфемы» представляют собой, например, англ. board и board (соответственно, русск. *стол* и *стол*) в таких «окружениях», как the board there was terrible (соответственно, *стол там был ужасный*), т. е. в таких окружениях, в которых нет «объективных» оснований для того, чтобы определить, идет ли речь о предмете мебели или о пище. По мнению Найда (E. A. Nida, The Identification of Morphemes, «Language», 24, IV, 1948), в случае sing — sang «морфему» составляет «замещение» (replacement) i через a; три разные run представляют собой о д н у морфему с развитой системой «представителей» разных классов (with multiple distribution-class membership); a разные board — р а з н ы е морфемы, потому что они не встречаются в разных условиях «лингвистического окружения».

Однако такое решение не является общепринятым. Здесь, как в большинстве сколько-нибудь сложных случаев, т. е. как раз в тех случаях, когда особенно нужна научная методика, «дескриптивная лингвистика» оказывается бессильной предложить общеприемлемое решение. Так, например, англ. men (мн. ч. от man) оказывается, можно рассматривать: 1) как man + s, поскольку в речи оно занимает такое место, которое должно быть занято «рядом» man + s по аналогии, например, с dog-s, boy-s и т. п.; 2) как состоящее из альтернанта «морфемы» man и альтернанта морфемы -s, т. е. нуля; 3) введя понятие «морфемы замещения», как это делает Найда («Language», 24, IV, 1949, стр. 415), можно рассматривать все образование как состоящее из «морфемы» man, «морфемы» men и «морфемы замещения» (a-e). Соответственно с этим, например, русское *лечь* можно было бы тогда рассматривать: 1) как *лех* + *-ть*; 2) как состоящее из альтернанта морфемы *лех* и нулевого альтернанта морфемы *-ть*; 3) как состоящее из «морфемы» *лех*, «морфемы» *лечь* и «морфемы замещения» (ок-еч). Характерно, что с точки зрения «научного» «операционализма» все три ответа

⁴ Само использование понятия «значение» уже является нарушением «научного» симметрического подхода. «Значения» никак не поддаются выведению путем гладких симметрических структур. Интересно отметить, что, хотя ведущие «теоретики» американского структурализма (Harris, Trager) принципиально отрицают возможность «научного» (читай: позитивистского) исследования значения, за последнее время наблюдается некоторое оживление в этой области, см., например, статью Найда «A system for the description of semantic elements», «Word», 7.1.1951.

можно признать одинаково «научными» и предоставить выбор одного из них (или право пользоваться ими всеми вместе или двумя из них по выбору), исходя из «удобства». Поэтому в одном отношении разные лингвисты рассматриваемого направления обычно вполне сходятся: в легкости, с которой они допускают «научную правомерность» любого решения, любого описания, даже нескольких сразу, если это «эффективно», «удобно», ведет к стройности и изяществу системы. «Мы должны их [факты] прилаживать к системе, а не систему приравливать к ним»; (we must fit them into the system rather than tailoring the system to fit them; указанная работа, стр. 433).

Первое из «объяснений», приводившихся выше для мен, связано с вопросом о так называемых «portmanteau morphs» — особого рода комплексных альтернативах морфем. Наиболее интересный с этой точки зрения случай, к которому неоднократно возвращались разные авторы, — франц. *au* (например, *au régime* «отцу», *au garçon* «мальчику» и т. п.). Тот факт, что при существительном женского рода (или мужского рода, начинающемся с гласной) выражение соответствующего отношения будет разложимо (в виде *à la* и *à l'* в женском роде, *à l'* в мужском), дает основание рассматривать *au* как тактически соответствующее *à le*. Вывод: 1) по Блумфильду: франц. *au* — одна фонема, представляющая два слова; 2) по Хоккету: франц. *au* — морфа, принадлежащая одновременно двум морфемам; 3) по Найда: франц. *au* — случай полного совпадения двух алломорф; иными словами, по мнению этого автора, франц. *au* состоит из двух (о), из которых одно является алломорфой от *à*, а другое алломорфой от *le*: (o) + (o) дают (o), т. е. *au*. Однако применение всех этих объяснений к мен вызывает то возражение, что между *shap* и *shen* имеется явное звуковое сходство, тогда как «настоящее портманто» должно предполагать отсутствие такового.

4. Как можно было уже видеть из сказанного в п. 3, вторая после «морфемы» и последняя, по мнению «дескриптивных лингвистов», лингвистическая категория — «порядок следования морфем» (т. е. *constructional meaning* и т. п.) — реально выступает прежде всего в виде так называемого «лингвистического окружения» (*environment*). Под «лингвистическим окружением» морфемы могут пониматься самые различные, с нашей точки зрения, соотношения. Это могут быть: другие прилегающие к ней морфемы (независимо от фонематической структуры их альтернатив); некоторый «грамматический класс морфем» (*sic!*); специфические фонологические (*phonemic*) формы (*shapes*) окружающих морфем. Так, оказывается, что если взять, например, такой «морфемный ряд» (или «ряд морфем» — *morpheme sequence*), как *he will not* (соответственно, русск. *он не будет*), то можно с одинаковым основанием (по потребности) «говорить»: 1) что *he will not* (соответственно, русск. *он не будет*) встречается в «окружении» глагола (*sic!*), например, в *he will not come, he will not arrive* и т. п. (соответственно русск. *он не будет ходить, он не будет ездить* и т. п.); 2) что в ряду, например, *he will not arrive* (соответственно, русск. *он не будет ездить*) «окружением» для нашего «ряда морфем» является «морфема» *arrive* (или, в русском примере, «сложная форма» *ездить*); 3) что если тот же ряд рассматривать как ряд, состоящий из фонем (*phoneme-sequence*), то «окружение» его будет фонема (*a*) (соответственно, русск. *а*).

5. Различия в фонемном составе альтернатив морфем являются предметом «морфофонологии» (*morphophonemics*). Задача морфофонологии заключается в том, чтобы описать и классифицировать фонемные различия между разными «морфемами» одной «морфемы» и сравнивать их с соответствующими различиями между «морфемами» других «морфем». Таким образом, «описание» всего языка в целом представляется в «дескриптивной лингвистике» как рассмотрение одной за другой всех «морфем» данного языка. Поэтому «морфофонологию» языка можно было бы определить также как всю совокупность описанных таким образом, расклассифицированных и сопоставленных друг с другом различий.

В гениальных трудах И. В. Сталина по языкознанию, четко определяющих место и взаимоотношение всех основных языковых категорий, мы находим твердую научную основу для разбора и критики работ буржуазных лингвистов. Уже из приведенной выше краткой иллюстрации основных «правил», «принципов» и «постулатов» «дескриптивной лингвистики» ясно видна правильность той критики, которая была дана этому направлению акад. В. В. Виноградовым (см. «Вестник высшей школы», № 6, 1951, стр. 7).

Общим пороком лингвистических концепций американского структурализма является неразличение основных лингвистических категорий, в частности, неразличение морфемы, слова и словосочетания как качественно различных явлений. При этом особенное внимание следует обратить на то, что в «морфемах» и «тагеммах» совершенно растворяется слово — основная и важнейшая единица языка, сосредоточивающая в себе все особенности и своеобразие его структуры. Ведь именно слова являются составными частями лексиксы языка, поскольку все слова, имеющиеся в языке, составляют вместе словарный состав языка. Вместе с тем слова являются теми единицами

языка, с которыми обязательно имеет дело и грамматика, поскольку грамматика (морфология и синтаксис) является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении. Сводя язык к «морфемам» и «тагмемам», структуралисты уничтожают возможность изучения стилистических и экспрессивных особенностей слова, научного подхода к вопросам фразеологии. Полностью искажается также представление о тех взаимоотношениях, в которые слова вступают друг с другом по линии словообразования. Естественно, не может даже быть поставлен вопрос об основном словарном фонде и словарном составе языка, о тех сложных связях и взаимоотношениях, которые существуют между ними, о тех качествах и различиях между ними, которые накапливаются и формируются в течение ряда эпох.

Отрицание качественного своеобразия различных элементов языка, нивелировка их, механистическое представление о их соотношении — одна из основных причин, делающих совершенно неприемлемым для советского языкознания то понимание языковой системы, которое типично для современной «дескриптивной лингвистики».

Гениальные языковедческие работы И. В. Сталина показали, что правильно понять природу языка как особого и специфического общественного явления можно, только имея четкое представление об основе языка, составляющей его структуру, сущность его специфики, при условии четкого различения тех элементов в частях языка, которые живут в продолжение ряда эпох и изменяются чрезвычайно медленно, и тех, которые находятся в состоянии почти непрерывного изменения, удовлетворяя непрерывно изменяющиеся потребности общения. Только на основе такого разделения достигается правильное понимание того, каким образом возможно непрерывное изменение языка при сохранении его качества, его специфики и самобытности. Только научное марксистское языкознание может обеспечить правильное понимание закономерностей развития языка в тесной связи с историей говорящего на нем народа.

*

Таковы в кратких чертах те выводы, к которым приводит ознакомление с общими теоретическими положениями «дескриптивной лингвистики». Более благоприятные выводы вряд ли были бы возможны для системы, философской основой которой являются худшие формы современного буржуазного позитивизма и прагматизма. Однако пороки рассматриваемой системы этим далеко не исчерпываются. Философски порочная основа обычно приводит и не может не привести по самой своей природе к тому, что воздвигаемая на ней система частного знания оказывается шаткой и эклектической, органически неспособной к последовательному проведению принимаемых ею идей. Неудивительно поэтому, что «дескриптивные лингвисты» теряют всякую стройность методики, как только они приходят в соприкосновение с конкретным лингвистическим материалом (что, как будет показано ниже, их мало смущает, так как конечным критерием является «удобство» и «эффективность», ради которых можно отказаться от любых принципов или постулатов или соединить любые самые разнородные и принципиально несовместимые принципы и постулаты).

*

Самое большое место в работах американских структуралистов занимают вопросы фонетики. Однако за последнее время быстро развивается методика «дескриптивного» анализа в области морфологии в широком смысле слова и грамматики вообще. (Первоначально это новое направление возникло как распространение на новые объекты методики, разработанной в связи с фонетическими исследованиями.) Поскольку для нас вопросы словообразования и грамматики представляют наибольший интерес, основным содержанием настоящей работы является рассмотрение «дескриптивной» методики именно в этих областях языкознания.

Хотя, казалось бы, всевозможные *tactics, constructional meaning, environment* и т. п. не оставляют места для г р а м м а т и к и, этот термин употребляется не только в книге Блумфильда, но и в работах его последователей. Посмотрим же, какое вкладывается в него содержание.

«Грамматика» определяется Блумфильдом как «значимое расположение форм в языке» (*the meaningful arrangement of forms in a language*; Б л у м ф и л ь д, цит. соч., стр. 165). Под «расположением» следует понимать, повидимому, такие весьма различные вещи, как собственно «порядок» (*order*), применение «вторичных фонем» (*secondary phonemes*), под которыми понимаются разнообразные факты ритмико-интонационного порядка (см. Б л у м ф и л ь д, цит. соч., стр. 91—92), и чередование звуков (*phonetic modification*). К грамматике же относится «выбор форм» (*selection*), представляющий собой нечто вроде классификации слов по частям речи.

Для пояснения того, что следует понимать под «значимым расположением» форм (т. е. под собственно «грамматикой»), Блумфильдом сопоставляются и противопоставляются следующие две английские фразы: *John hit Bill* «Джон ударил Билля» и *Bill*

hit John «Билл ударил Джона», и указывается на ту последовательность, в которой в английском языке «располагаются» «морфемы» при образовании формы английских причастия и герундия: play плюс ing дает playing «играющий» или «играющие», «процесс игры». При этом сообщается, что «формы» Bill John hit и ing play «не являются английскими формами», потому что «наш язык не располагает этих составляющих в таком порядке».

Легко показать, что в приведенных противопоставлениях ярко проявляется полное смешение грамматики с лексикологией и стилистикой. Как показали исследования советских англистов (см. диссертацию В. В. Пассека «История выражения различия между подлежащим и прямым дополнением в английском языке», МГУ, 1951), правила английской грамматики совсем не препятствуют употреблению порядка «прямое дополнение + подлежащее + сказуемое». Такая «форма» является безусловно «английской формой». Поэтому по правилам английской грамматики можно сказать Bill John hit, и понято это может быть только так, что дополнением является слово Bill, а подлежащим — слово John. То же, что для данной пары слов в плане лексическом такой порядок будет избегаться, что он вообще не свойственен разговорному стилю и т. п., относится уже к области лексикологии, лингвостилистики и т. д., а никак не грамматики. Что же касается утверждения, что якобы «английский язык не располагает «формы» play и ing в порядке ing play», то здесь снова полное недоразумение, основанное всецело на том же смешении разнообразных лингвистических категорий, неспособности понять природу слова, неумении выделить грамматику как особую лингвистическую дисциплину. Ведь «производное слово и по своей структурной природе и по своей речевой функции неоднородно с словосочетанием и предложением» (акад. В. В. Виноградов, «Вестник высшей школы», 6, 1951, стр. 7). Поэтому «порядок расположения» корневых и аффиксальных морфем в сложном и производном слове никак не может трактоваться вместе с вопросом о грамматической функции порядка слов как средства выражения синтаксических отношений между членами предложения. Слово ing-play структурно вполне возможно в английском языке (точно так же, как в нем не только возможно, но и реально существует, например, слово ing-form). Поэтому здесь вопрос вовсе не в том, что якобы английский язык «не может располагать» тех или других морфем в том или другом «порядке», а в том, какие имеются в английском языке словообразовательные и словоизменительные типы, какова их продуктивность, употребительность и т. п.

Таким образом, в рассмотренных примерах, даваемых Блумфильдом, его анализ практически сводится к решению вопроса о том, каким путем следует обеспечить соответствие расположения морфем данному конкретному смыслу. Ясно, что такой подход делает совершенно необоснованной самую постановку вопроса о грамматике, сущность которой заключается в том, чтобы сформулировать общие правила, общие законы изменения слов и их сочетания в предложениях в отвлечении от конкретности того или другого предложения, в отвлечении от бесконечного многообразия конкретных языковых «ситуаций» и уже, конечно, в отвлечении от их конкретного лексического содержания.

В том же порочном кругу смешения лексических и грамматических явлений находятся и другие части блумфильдовской грамматики. Так, под названием modulation (или secondary phonemes, см. выше) без всякого различия рассматриваются как вопросы интонационного оформления фразы, так и вопросы слогового ударения. Что касается чередования, то никакого различия не делается, например, между чередованием (uw) и (ow) в do not и don't, с одной стороны, и чередованием (juwk — oɔ) в duke и duchess, с другой, т. е. между полной и краткой формами отрицания в аналитической грамматической форме (различающимися, кстати сказать, только стилистически) и двумя разными словами, связанными по корню.

Что касается упоминавшегося уже выше «выбора» (selection), то эта «грамматическая категория» сводится практически к серии тавтологических объяснений. Так, например, оказывается, что «форма» John относится к «формальному классу мужских личных имен» (class of male personal nouns), потому что она имеет это значение. Однако это значение она имеет (и это видно из соответствующих видов «расположения» — arrangement) потому, что она принадлежит к данному «формальному классу». Или, например, слово duke «герцог» относится к тому же «формальному классу», что и count «граф», prince «принц», lion «лев», tiger «тигр», author «автор» и waiter «официант» (в отличие, например, от man «мужчина», boy «мальчик», dog «собака» и т. п.), потому, что слово duchess «герцогиня» образуется подобно словам countess «графиня», lioness «львица», princess «принцесса», tigress «тигрица», authoress «женщина-автор» и waitress «официантка», т. е. с суффиксом -ess (в отличие, например, от woman «женщина», girl «девочка» и т. п.). Однако слово duchess «герцогиня», оказывается, образуется таким именно образом, а не как-нибудь иначе потому, что слово duke «герцог» принадлежит к данному «формальному классу» (т. е. классу, в который входят count, prince, lion, tiger, author и waiter).

В качестве примера того, как преломляются грамматические понятия в умах по-

следователей Блумфильда, приведем следующее замечание Зеллиг С. Харриса (Zellig S. Harris, *Componential Analysis of a Hebrew Paradigm*, «Language», 24, 1, 1948). «Противопоставляемые друг другу морфемы, — говорит Харрис, — часто располагаются по парадигмам, а различные перекрещивающиеся соотношения между морфемами данной парадигмы называются категориями... Наличие этих категорий — неприятное дело для структуральной лингвистики, которая полезнее всего тогда, когда она может определять все в терминах некоторого инвентаря элементов (фонем, морфем), из которых все занимают совершенно одинаковое положение (which are all on a par with each other)... Важное различие между выделением традиционных морфем и выделением этих категорий состоит в том, что категории не поддаются легкому распознаванию в высказывании как состоящие из определенных фонем». Однако подобного рода сомнения редко возникают у «дескриптивных лингвистов». Поэтому, например, Хоккет (Charles Hockett, *Problems of Morphemic Analysis*, «Language», 23, 1947), ничтоже сумяшеся, объявляет англ. *my* состоящим из $I + -s$, *her* из $she + -s$ (соответственно, русск. *меня* и *мне* «анализировались» бы на основе этой методики как $я + -a, -и$; и $я + -у, -е$ и т. п.). «Теоретической основой» для подобных упражнений является то, что англ. I (соответственно, русск. *я*), *me* (соответственно, русск. *меня*), *my*, *mine* (соответственно, русск. *мой, -и, -е*) «тактически» параллельны таким «морфемам», как *John*, *Bill* и т. п. (соответственно, русск. *Иван, Марья* и т. д.), в различных их употреблениях, так как, например, *John came* «Иван пришел», *Bill saw John* «Билл увидел Ивана», *John's book* «книга Ивана», *the book is John's* «это книга Ивана» и т. п. «параллельны» *I came* «я пришел», *Bill saw me* «Билл увидел меня», *my book* «моя книга», *the book is mine* «книга моя» и т. п. Следовательно, если, например, *John's* состоит из двух морфем (т. е. $John + -s$, соответственно, *Иван + -а*), то из двух же «морфем» состоит *и*, например, *my* (*мой, моя*), т. е. из $I + -s$ ($я + -a, -и$), вопреки невозможности обнаружить в их составе соответствующие фонематически делимые элементы.

Из приведенного рассуждения делается вывод об отсутствии оснований для того, чтобы предполагать наличие падежей в английском языке, ибо всякое различие между, например, падежами субъекта и объекта исчезает с того момента, как выясняется, например, принадлежность I и *me* к одной «морфеме». Форма же с $-s$ так и должна объясняться: как форма с добавлением $-s$; $-s$ просто еще одна морфема, обладающая поддающимся описанию диапазоном позиций.

То, что изложенная кощеница совершенно не соответствует реальным фактам английского языка, а является лишь плодом негодной, надуманной позитивистской методики, ясно уже из самого рассуждения автора. Ведь совершенно естественно напрашивается вопрос: откуда автор мог заключить о сходстве или даже тождестве, например, *my* и *mine* с чем-то совершенно непохожим фонематически? Каким образом оказывается возможным соотнесение Джона и Билля то с I , то с *me*? Ясно, что только потому, что категория падежа реально существует в английском языке. А поскольку она существует, она и воспринимается пользующимися этим языком путем невольного и естественного соотношения тех слов, в которых она оказывается выраженной. То же, что предлагает Хоккет, имеет своей философской основой идеалистическое представление о категориях и научных абстракциях, как о чем-то извне вносимом в реальную действительность, как о чем-то являющемся априорным и производимым порождением человеческого интеллекта и поэтому, по воле последнего, могущим быть применимым к данным явлениям действительности или отброшенным. На самом же деле категории, научные абстракции и т. п. есть лишь отвлеченные от бесконечного многообразия реальной действительности некоторых общих черт, общих закономерностей, подпадающих формулированию и представлению в форме соответствующих научных понятий.

Теоретической основой «дескриптивной лингвистики» в вопросах словообразования являются: 1) упоминавшееся уже выше понятие «непосредственно-составляющих» (*immediate constituents*), которое, в соответствии с общей системой неразличения слова и словосочетания, грамматики и лексикологии, оказывается одинаково пригодным для трактовки качественно совершенно различных языковых явлений; 2) понятие «эндоцентричности» и «эксцентричности» образования и 3) понятие «свободной» и «связанной» формы (*free и bound form*), которое также не является понятием, специально присвоенным данной области языкознания, однако имеет для последней особенно важное значение. Под «свободной формой» понимается «такая частица (высказывания), которая может быть сказана отдельно и иметь при этом значение в нормальном высказывании»; под «связанной» — «частица, никогда не выступающая сама по себе со значением» (*a fraction that never appears by itself with meaning*); или иначе: «формы, которые выступают в качестве предложений — свободные формы... связанные формы никогда не употребляются как предложения» (*forms which occur as sentences are free forms... bound forms are never used as sentences*). Таким образом, с точки зрения деления на «свободные» и «связанные» формы окажется, что в *unfriendliness* только *friend* является «свободной формой», потому что все аффиксы (пользуясь общепринятым тер-

мином, а не понятиями («deskриптивной лингвистики») являются формами «связанными».

Из сказанного ясно, что и в той области языкознания, которую мы называем словообразованием, «deskриптивная лингвистика» стремится провести свои «общие принципы», т. е. свести дело к «морфемам и порядку их расположения». Вместе с тем она оказывается не в состоянии выдержать эти принципы, последовательно провести их. Так, хотя теоретически отрицается необходимость выделения каких бы то ни было категорий, кроме «морфемы» и «порядка расположения морфем», т. е. хотя о таком понятии, как *с л о в о*, в теоретической части не только ничего не говорится, но для него не остается места, фактически «deskриптивные лингвисты» продолжают применять этот термин. В частности, общепринятым у «deskриптивных лингвистов» является следующий критерий для выделения «слова» из потока морфем: если в составе данной «сложной формы» имеется хотя бы одна «связанная форма», то такая «сложная форма» является «словом». Согласно этому определению, «словами» оказываются не только английское *the boy's*, т. е. определенный артикль плюс существительное в притяжательном падеже, выражаемом суффиксом *-s*, но и *the King of England's* «короля Англии», конструкция из артикли, двух существительных и предлога *of*. Вместе с тем сложное прилагательное *devil-may-careish* «бесшабашный» оказывается словом, потому что в его состав входит «связанная форма» (по-нашему — суффикс) *-ish*; синонимичное же с ним сложное прилагательное *devil-may-care*, согласно данному критерию, оказывается не словом, потому что оно состоит из «свободных форм» (за самом деле — из корневых морфем, т. е. без присутствия морфем аффиксальных). Однако, как мы увидим ниже, по другому «правилу» и *devil-may-care* тоже можно назвать «словом».

Последний пример приводит нас к вопросу о соотношении слова и основы слова, который трактуется всеми представителями рассматриваемого направления в плане все того же неразличения, смещения основных лингвистических понятий. Так, в известном «*Outline of Linguistic Analysis*», написанном нынешним главой рассматриваемого направления Бернардом Блоком (в соавторстве с известным «теоретиком» «deskриптивной лингвистики» — Треджером), сложное слово определяется как «слово, полностью состоящее из более мелких слов» (*a word made up wholly of smaller words*, стр. 54). Поскольку *с л о в о* (*word*) вообще определяется этими же авторами как «минимальная свободная форма» (*minimum free form*), т. е. такая «форма», «которая может употребляться самостоятельно со значением в речи» (см. выше) и вместе с тем не способна разлагаться целиком на более мелкие «свободные формы», то ничего нет удивительного в том, что в работах данного направления вновь и вновь выступают как «слова», например, *friend* в *friendly*, *man* в *mannish* и т. п., т. е. соответственно «словами» оказались бы, например, *груз* в *грузный*, *вес* в *веский* и т. п. Единственным аргументом для этого воззрения является опять же «удобство». Приведенное понимание оказывается «удобным», а поскольку оно «удобно», то оно вполне уживается с тем определением слова, которое мы приводили выше, а именно «наличие в составе данной «сложной формы» хотя бы одной «связанной формы». Следует отметить, между прочим, что неразличение слова и основы, слова и корневой морфемы — порок, свойственный многим буржуазным лингвистам и, во всяком случае, в области английского языкознания, получивший значительное распространение и у нас в период господства «нового учения» о языке. «Заслуга» «deskриптивной лингвистики» заключается в том, что этому пониманию соотношения слова и части слова придается наукообразный вид.

Итак, «словами» называются и «сложные формы, имеющие в своем составе хотя бы одну «связанную форму», и «сложные формы, полностью состоящие из более мелких слов», и «минимальные свободные формы». Уже из этих противоречивых определений (получается, что «словом» можно называть как «сложную форму», имеющую в своем составе хотя бы одну «связанную форму», так и не имеющую таковой, т. е. состоящую полностью из более мелких слов, т. е. «минимальных свободных форм») явствует, что здесь «слово» употребляется произвольно, неправильно, научно не терминированно. А ведь пользоваться научным лингвистическим термином, особенно если претендовать на создание научной теории, имеет смысл только в том случае, если за ним стоит определенное языковедческое понятие, отличное от понятий, выражаемых другими языковедческими терминами. Ничего подобного мы у представителей «deskриптивной лингвистики» не находим. Употребление термина «слово» у них выступает лишь как еще один пример той непоследовательности и эклектичности, о которых уже говорилось выше и которые неизбежно возникают при попытке построить систему частного знания на негодной философской основе.

Подлинный смысл термин «слово» приобрел только теперь, т. е. после выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию, когда стало ясно и понятно место слова в общей системе языка. В трудах И. В. Сталина дана твердая общетеоретическая основа для понимания слова как основной единицы языка, выступающей в единстве своих грамматических форм; пельной и монолитной смысловой структуры, единой во всем многообразии своих лексико-фразеологических, стилистических, фонетических и прочих вариантов, обладающей неповторимыми, ей только свойственными своеобразными чертами.

Огромное значение для понимания места, занимаемого словарем, словарным составом языка, имеет принципиально новое учение о словарном составе языка и его основном словарном фонде, созданное И. В. Сталиным. Теперь стало вполне ясно, что словарный состав языка может непрерывно изменяться, непосредственно реагируя на все изменения в жизни и деятельности людей, не разрушая языка, не внося анархии и неразберихи в его систему, потому что он опирается во всех своих изменениях на основной словарный фонд, отличающийся огромной устойчивостью, живущий в течение ряда эпох, входящий в структуру языка, изменяющийся очень медленно, путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, путем постепенного отмирания элементов старого качества. В основном словарном фонде хранятся и удерживаются важнейшие корневые элементы; он же дает и все основные словообразовательные типы, на базе которых удовлетворяются новые потребности общения. Устойчивость основного словарного фонда — залог того, что новые слова, входящие в словарный состав языка, оформляются в соответствии с внутренними законами данного языка, что они становятся реальными словами именно данного языка. Основной словарный фонд как бы регулирует все процессы, связанные с непрерывным изменением словарного состава, приводит непрерывно осуществляющееся изменение в соответствие с определенной языковой структурой. Таким образом, слова основного словарного фонда дают базу для образования новых слов. У «дескриптивных» же «лингвистов» получается, что производные и сложные слова включают в себя соответствующие основные слова как таковые.

В нелепости такого понимания легко убедиться, взяв любое производное или сложное слово и сравнив его с теми словами основного словарного фонда, на базе которых оно возникло. В самом деле, например, слова *вода, земля, рыба, гора, лес* как с л о в а обнаруживают богатство лексико-фразеологических форм, богатство экспрессивных вариантов, входят в состав разнообразных фразеологических единиц и т. п. (в чем легко убедиться, посмотрев соответствующие слова в толковом словаре русского языка). Если же посмотреть в словаре те производные и сложные слова, в которые входят соответствующие о с н о в ы (т. е. такие слова, как, например, *водяной, землетрясение, рыболовство* и т. п.; как известно, таких производных и сложных слов в русском языке очень много), то также легко убедиться в том, что соответствующие о с н о в ы входят в соответствующие производные слова либо в самом общем и нейтральном, либо в ограниченном и специализированном виде, а собственно «словесные» (т. е. свойственные слову) особенности грамматического, фразеологического, экспрессивного и т. п. характера имеют уже новые слова, у которых данное соединение всех этих собственно «словесных» качеств оказывается специфическим и свойственным им только в данном своеобразном виде. Ясно, что то обстоятельство, что в русском языке основы соединяются с прочими словообразовательными элементами в общем более разнообразными способами, чем в английском, ни в какой степени не меняет существа дела.

*

Хотя основной задачей «дескриптивной лингвистики» является выработка с и н х р о н и ч е с к о г о метода описания языка, понятие «диахронии» не является чуждым языковедам этого направления. Для того чтобы представить себе, каким образом в их системе сочетаются эти два понятия, как «дескриптивные лингвисты» мыслят соотношение и взаимозависимость этих двух видов подхода к языку, остановимся на весьма интересных с этой точки зрения соображениях, приводимых одним из видных «теоретиков» данного направления Чарльзом Ф. Хоккетом в связи с разбором работ Леонарда Блумфильда, посвященных алгонкинским языкам. По мнению Хоккета, «для приступающего к работе в области языкознания ознакомление с алгонкинскими исследованиями Блумфильда является самым совершенным путем для приобретения к лучшему, что имеется в методике языковедческого исследования».

По мнению Хоккета, методологической заслугой Блумфильда является то, что он сумел в «одной сложной картине» представить следующие аспекты алгонкинских языков: 1) дать краткий синхронический очерк грамматики еще существующих алгонкинских языков (т. е. фокс, кри, меномини и оджибве); 2) дать краткий синхронический очерк алгонкинского праязыка; 3) дать «противопоставительный» (contrastive) анализ четырех современных языков и праязыка; 4) дать очерк диахронического анализа от праязыка к каждому из современных языков и 5) дать демонстрацию применения сравнительного метода к данным современных языков для восстановления праязыка. Таким образом, получается, что американская «дескриптивная лингвистика» не только признает правомерность «диахронического» (исторического) подхода к языку, но и применение сравнительно-исторического метода, причем вовсе не только к языкам индоевропейской семьи (что с пеной у рта утверждали «ученики» и последователи Н. Я. Марра). Более того: делается попытка тщательно разграничить, с одной стороны, синхронический, диахронический и противопоставительный а н а л и з или и с с л е д о в а н и е (synchronic, diachronic and contrastive analysis or study), контактный, филологический и сравнительный м е т о д ы (contact, philological and com-

parative methods) — с другой. Разница между тремя методами состоит в том, что «контактный» метод заключается в непосредственном наблюдении над говорящими; «филологический» метод — в интерпретации письменных памятников (записей — records); «сравнительный» — в обратной экстраполяции на основе наиболее ранних из имеющихся данных по двум или более диалектам или языкам, которые «кажутся» родственными.

Не зная алгонкинских языков, мы лишены возможности разобраться в тех результатах, которые были достигнуты Блумфильдом и получили такую высокую оценку у его ученика. Однако те материалы, которые разработаны методами «дескриптивной лингвистики» по известным нам языкам, вместе со знанием общих правил и принципов, также как и высказывания Хоккета уже по данной конкретной работе заставляют нас думать, что, несмотря на якобы преодоленную односторонность подхода к языковым явлениям (т. е. якобы применение метода всестороннего и комплексного анализа изучаемых явлений во всей их полноте и многообразии), метод дескриптивной лингвистики оказывается негодным даже и тогда, когда он находится в руках ее наиболее талантливых представителей. Уже приведенного выше перечня разделов алгонкинской книги Блумфильда достаточно для того, чтобы убедиться в механическом характере ссдинения синхронического и диахронического (именно таким он и представляется, между прочим, Хоккету, который говорит о «ценности смешанного синхронического и диахронического обсуждения»), причем в подобном рода смешанных обсуждениях приоритет всегда остается за синхроническим анализом.

Таким образом, «разные подходы» оказываются разъединяемыми и смешиваемыми, каждый выступает отдельно от других между ними устанавливается определенная последовательность. Поскольку же принципы «синхронического» исследования, на которых основываются «дескриптивные лингвисты», оказываются явно научно несостоятельными, то вполне естественно представляется вывод, что и все остальные способы трактовки явлений языка, поскольку все они предполагают предварительное «синхроническое» описание, не могут дать таких результатов, которые удовлетворяли бы требованиям науки.

В связи со сказанным необходимо подчеркнуть то, что когда «дескриптивные лингвисты» говорят о синхроническом описании языка, то они всегда имеют в виду описание статическое. Всегда получается так, что основная цель исследователя состоит в том, чтобы прежде всего умертвить, заморозить, сделать неподвижным сам исследуемый предмет — язык, превратить его в мумию путем беспощадного применения тех аналитических процедур, которых требует их методика. Если этим методом (а никакого другого на доступном нам материале в работах данного направления мы не видели) были получены «краткие синхронические очерки» живых алгонкинских языков и их праязыка, то вряд ли какую-либо реальную лингвистическую ценность, особенно в методологическом отношении, могут представлять и соответствующие «диахронические очерки»: максимум достижимого для данной методики — это виртуозность в сведении кощов с концами, искусство в применении заранее выдвинутых постулатов.

Вопрос о сравнительно-историческом методе в языкознании требует особого рассмотрения, поскольку этот метод переживает сейчас в буржуазной лингвистике своего рода кризис, в связи с чем целый ряд очень сложных вопросов требует нового и детального рассмотрения. В усовершенствовании и развитии сравнительно-исторического метода в языкознании ведущее место должно будет занять советское языкознание, развивающееся на основе гениальных языковедческих трудов И. В. Сталина. Поскольку в настоящее время намечается лишь общее направление тех исследований, которые будут посвящены этой важной области языкознания, в рамках настоящего обзора мы можем лишь в самом общем виде затронуть вопрос о том, каким образом может быть обеспечено единство истолкования лингвистических явлений одновременно в оттошении и частей описываемого целого друг к другу и в их движении и развитии. Как учит И. В. Сталин, язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии непрерывного изменения, непосредственно отражая все новые и новые потребности данного человеческого коллектива, возникающие у него в связи с ростом промышленности и сельского хозяйства, транспорта и торговли, техники и науки, которые требуют от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. Отражая эти нужды, язык пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй. Для того чтобы язык мог успешно выполнять эти свои функции, необходимо, чтобы на каждом данном этапе развития языка все время выделялись элементы продуктивности, т. е. такие, которые могут вновь и вновь применяться для образования новых слов и выражений, для построения более сложной или специальной научной мысли. Вместе с тем другие элементы, ранее бывшие продуктивными, могут постепенно оказаться неудобными для удовлетворения специфических потребностей той или иной эпохи в развитии общества.

Такие элементы не исчезают внезапно, — поскольку язык вообще не знает взрывов и внезапных изменений. Они остаются понятными и способными служить для общения

людей и обмена мыслями, но они оказываются уже непригодными для того, чтобы выступать в качестве образца для новых образований, не могут уже являться непосредственной основой для дальнейшего развития языка. Поэтому научное описание языка, т. е. описание языка, основанное на применении марксистского диалектического метода, не может обойтись без того, чтобы не регистрировать таких уже собственно «диахронических» фактов языка. Научное описание языка не может обойтись без того, чтобы не указать на различия, наблюдающиеся в продуктивности тех или иных языковых средств, без того, чтобы не указать, куда «напряжено» данное «синхроническое» состояние, в каком направлении идет, куда направляется развитие данного языкового явления. Вместе с тем научное описание требует от исследователя умения показать, что то или иное явление (или языковое средство), хотя оно и широко употребляется, всем понятно и занимает важное место в языковом общении, уже утратило свою продуктивность, не является более живым и способным к воспроизводству, выходит уже из разряда продуктивных явлений, готово уступить место другим языковым средствам.

Мы далеки от того, чтобы недооценивать изучение и описание языковых структур как «одновременных» систем. Лингвист не может не стремиться раскрыть то соотношение разных частей в языке, которое дает языку возможность обслуживать общество в качестве средства общения людей, в качестве средства обмена мыслями в обществе, в качестве средства, дающего людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности. Поэтому «синхроническое» исследование языка следует всячески развивать и совершенствовать. Однако большая ошибка думать, что задача такого исследования заключается в том, чтобы во что бы то ни стало «резать» все и вся, резать по живому месту и не во имя проникновения в водняную природу изучаемого явления, а лишь для того, чтобы получилось складно, чтобы сошлись концы с концами, чтобы можно было все ловко и гладко «описать». Ведь в каждом языке, наряду с четко выделяющимися «правильными» способами соединения элементов и построения речи, непременно имеются такти, которые уже как бы переходят в область собственного словаря, не поддаются на данном этапе развития языка анализу и разложению. Вместе с тем на каждом этапе развития языка всегда имеются факты и явления, которые только еще ассимилируются данным языком, только подводятся еще под его основные правила и образцы. Поэтому «дескриптивная лингвистика» с ее механическим представлением о взаимоотношении языковых элементов ставит себе задачи, научно совершенно невыполнимые. Единственно, чего можно достичь таким путем — это искаженного представления как об отдельных частных явлениях, так и об их отношении к другим явлениям, о их месте в языке в целом.

Из всего сказанного представляется необходимым сделать следующий уже более общий вывод: понимание «синхронического» анализа как статического способа рассмотрения языковых явлений вообще неприемлемо для советского языкознания. Советский языковед, описывая язык, должен пользоваться лишь таким методом описания, который обеспечивал бы ему одновременное рассмотрение предмета как в его отношении к другим частям той структуры, частью которой он является, так и в его движении. «Синхрония» для нас не может быть отделена от «диахронии», она неразрывно связана с ней, составляет ее часть. Только такой подход может дать возможность выяснить особенности функционирования разных элементов в пределах одного языка, показать, каким образом эти разные элементы служат все вместе для общения людей между собой; на что следует обратить внимание, чтобы лучше овладеть изучаемым языком; что необходимо для того, чтобы лучше отточить, сделать наиболее совершенным то важнейшее средство общения, обмена мыслями и оформления их, которым является язык; какие нужно выявить тончайшие оттенки в том или другом средстве или его разновидности для того, чтобы научить людей еще более тонко, искусно и умело им пользоваться. Пример именно такого подхода к описанию языка мы находим в работах ведущих советских языковедов.

До того чтобы на основе тех образцов описания языка, которые мы находим в работах ведущих советских языковедов, можно было создать описательный метод, как особый научный метод языкознания, советским языковедам предстоит проделать еще большую работу. Ведь научный метод предполагает возможность использования его для научных выводов и обобщений. Описательный метод в языкознании должен показывать нам, как на базе изучения структуры языка возможно объяснение таких явлений, которые сами по себе, отдельно взятые, объяснению не поддаются. Поэтому научно разработанный описательный метод должен включать в себя целый ряд конкретных правил и приемов для того, чтобы на базе изучения отношений элементов в языке можно было делать выводы и обобщения также и о характере его развития, чтобы можно было проникать в подлинное существо направления его движения.

Как мы отмечали уже выше, «дескриптивные лингвисты» не в состоянии избежать противоречий в своих построениях, которые сплошь да рядом оказываются лишь смесью весьма хитрых названий с весьма примитивно пони-

маемыми и часто неправильно употребляемыми понятиями и терминами старой лингвистики. В настоящей части работы, имеющей целью выяснить соотношения «синхронии» и «диахронии» в построениях рассматриваемого направления, представляется небезинтересным привести некоторые примеры того, как лингвисты этой школы оказываются не в состоянии выдержать на практике провозглашенные ими принципы статического синхронического анализа, «вполне свободного от каких-либо исторических предубеждений и дающего возможность исследователю видеть факты современного языка в их подлинном неискаженном виде». В результате — полная путаница и уже полное теоретическое бессилие.

Весьма наглядно несостоятельность «структуралистических» взглядов на отношение синхронии и диахронии проявляется в трактовке вопросов морфологии словообразования. Несмотря на то, что на словах все время подчеркивается, что «дескриптивный лингвист» не может понимать словообразование как процесс, а только как отношение, на чем настаивал еще Блумфильд в своей основной книге, вновь и вновь поднимается вопрос о том, а не является ли более «удобным» выделять какую-то форму как «основную» (basic), как лежащую в основе данного сложного образования (the underlying form). Именно так решают вопрос Блок и Треджер в цитированной работе. Как в теоретической части работы (стр. 62), так и в образце морфологического анализа прилагательных на *-ous* они безоговорочно вводят понятие «исходного слова» (the underlying word), от которого производятся (are derived) другие члены данного словообразовательного ряда. Так, например, в случае *man*: *manly*: *manhood* сообщается, что последние два слова (т. е. *manly* и *manhood*) произведены от основного слова *man* посредством суффиксов *-ly* и *-hood*.

В том же «динамическом» плане строится рассуждение, когда, например, образование *barbarous* «варварский» от *barbarian* «варвар» объясняется как отбрасывание конечного (*-ien*), замена гласного сильноударного слога безударным (*e*) и присоединение нового суффикса. Таким образом, явно нарушаются основные теоретические постулаты, и не только теоретические, но и совершенно конкретные установки основателя школы Блумфильда.

Совершенно непреодолимые затруднения для «дескриптивной лингвистики» представляет «объяснение» чередования звуков как в области словообразования, так и в области словоизменения. Вкратце дело сводится к тому, как описать чередование не в виде «процесса», поскольку с точки зрения «статического» воззрения «дескриптивной лингвистики» такое описание вообще является научно неоправданным и недопустимым. Поэтому, например, в таких случаях, как *sing* — *sang*, *man* — *men* и т. п., следует говорить не о чередовании как средстве выражения соответствующих значений, а рассматривать приведенные пары как альтернанты соответствующих морфем, а выражение соответствующих значений (в приведенных случаях — прошедшего времени и множественного числа) приписывать и у д е в ы м альтернантам морфем, (*-d*) и (*-z*) (обычно образующих прошедшее время и множественное число, соответственно). Хотя Блок в своих грамматических работах и настаивает именно на только что приведенном понимании (расходясь в этом отношении с некоторыми более «либеральными» исследователями, вроде Найда, по мнению которого именно «замещение гласного», а не нулевая морфема, должно в таких случаях считаться «структурно-значащей особенностью»), в лексикологических рассуждениях, развиваемых в «Outline of linguistic analysis», воззрение на явления чередования оказывается уже явно «динамическим».

Тут уже дело сводится только к следующему: какое из двух слов, например, в «парадигме» *sing*: *song* является основным и какое производным. Ответ: поскольку слово *song* является грамматически правильным образованием, т. е. образует формы множественного числа и притяжательного падежа по общему правилу, а *sing* является «неправильным», то «мы находим «удобным» при «дескриптивной характеристике» языка «сказать, что здесь имя произведено от глагола». В случае же «частичной парадигмы» *man*: *to man* из тех же соображений будем «говорить», что, наоборот, г л а г о л произведен от имени. В таких же случаях, как, например, *hand*: *to hand*, т. е. когда уже оба образования оказываются «правильными», выбор «основной формы» должен определяться только у д о б р о м: предпочтение следует ту формулировку, которая окажется проще» (стр. 62).

Если антиисторизм, разрыв между «синхроническим» и «диахроническим» изучением языковых явлений вообще недопустим во всех областях языкознания, то особенно это относится к области лексикологии вообще, словообразования, в частности. Ведь лексика, словарный состав, является в целом наиболее подвижной и изменчивой частью языка. Именно за счет изменений в первую очередь в словарном составе происходит непосредственное удовлетворение изменяющихся потребностей общественной жизни, производства, техники, науки. Новые слова возникают тогда, когда в них появляется потребность. Упомянутый выше глагол *to man*, например, о котором Блок и Треджер рассуждают в совершенно абстрактном, оторванном от всякой реальности виде, вообще не мог бы возникнуть, т. е. не был бы образован от соответствующей именной основы, если бы для его возникновения не было реальных

исторических предпосылок, без изучения и понимания которых невозможно и подлинное проникновение в природу языкового факта. Хотя глагол *to man* и имеет правильно образующиеся формы, появился он в английском языке очень давно (уже в древнеанглийский период существовал глагол *manian*). Это свидетельствует о том, что уже тогда имелись реальные основания для того, чтобы именно этому понятию оформиться в виде отдельного слова (ведь не возникло же, например, глагола *wifmanian*). Как известно из истории развития английской лексики, дальнейшее изменение в значении этого слова — употребление его в применении к женщинам, например, *the ship was manned by girls* «корабль обслуживался женской командой» — связано с тем обстоятельством, что для работ, прежде выполнявшихся только мужчинами (*men*), стали привлекаться и женщины. Поэтому динамическое изучение лексики, если имеется в виду действительно научное ее изучение, совершенно невозможно в отрыве от истории народа, говорящего на данном языке. Нельзя определить, — если, конечно, имеется в виду обнаружение истины, а не «удобство», — «что от чего произошло» и какая форма является основной, а какая производной, если в принцип возводится полный отрыв языка не только от истории говорящих на нем людей, но и от его внутренней истории, истории развития его самого, эволюции его внутренних закономерностей.

Таким образом, «дескриптивная лингвистика» с самого начала пресекает возможность даже постановки вопроса об изучении языка в связи с историей народа — его творца и носителя. Поэтому язык оказывается механической условной системой, лишенной национальной самобытности. Он может смешиваться и скрещиваться с чем угодно, его изменения ничем не сдерживаются и не направляются. При таком понимании нет ничего удивительного в том, что языкознание оказывается практически сведенным к механическому нарезыванию и складыванию кусков, подобных детским разрезным кубикам.

*

Разбор материала и соображения, высказанные по ходу изложения, дают однозначный ответ на вопрос, поставленный в самом начале работы. Методы исследования, разработанные американскими структуралистами, не могут найти себе применения в советском языкознании. Изучение соответствующих работ нужно и важно для раскрытия их подлинной сущности, для разъяснения их антинаучного характера, как средство предостережения от ошибок.

Буржуазный идеализм не хочет сходить со сцены. Чтобы удержать свои все более слабеющие позиции, он облачает свои построения в хитрые и запутанные «новой» терминологией формы, преподносит их как «новейшие достижения науки», преодолевая старье «метафизические» представления. Общий путь борьбы со всеми подобными хитросплетениями для работников всех специальных научных областей указан В. И. Лениным в его знаменитой книге «Материализм и эмпириокритицизм». В нашей науке всем ухищрениям и вывертам современных буржуазных позитивистов неизбежно противостоит законченная система марксистского языкознания, созданная И. В. Сталиным.

О. С. Ахманова

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Carl Darling Buck, A dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages, Чикаго, 1949, стр. 1515 (Карл Дарлинг Бак, Словарь избранных синонимов основных индоевропейских языков).

Во исполнение плана, изложенного в основных чертах еще в 1929 г. («Language», 1929, № 5, стр. 216—217), Бак в сотрудничестве и при консультации со многими американскими лингвистами (Джордж Лейн, Вартбург, Кларк, Кенистон и др.) выпустил в 1949 г. настоящий словарь. Составитель словаря, как явствует из подзаголовка и из краткого предисловия, имел намерение внести своим трудом вклад в историю понятий, которая «воплощена в истории слов, употребляемых для их выражения» (Предисл., стр. V). Свою задачу Бак определенно ограничивает. «Составление «Словаря понятий» в полном смысле этого слова — пишет он в предисловии (стр. X—XI), — есть, конечно, несбыточная мечта. Даже для индоевропейских языков что-либо подобное полному семантическому словарю — вне возможной реализации для настоящего времени. Однако более скромная форма синтетического труда представляется мне заслуживающей внимания и возможной для выполнения даже и теперь». В настоящем своем виде словарь включает около 1500 ключевых слов или, как их называет Бак, понятий. Отбор слов проводился по определенному принципу, который формулируется следующим образом: «Включенные в списки слова рассматриваются как наиболее обычные выражения данного понятия в принятом письменном и разговорном языке» (стр. XII). Эквиваленты отобранных понятий даются на 31 языке: древнегреческом, современном греческом, латинском, итальянском, французском, испанском, румынском, древнеирландском, современном ирландском, валлийском, бретонском, готском, древне-норвежском, датском, шведском, древнеанглийском, среднеанглийском, современном английском, голландском, древневерхненемецком, средневерхненемецком, современном немецком, литовском, латышском, старославянском (древнеболгарском), сербохорватском, чешском, польском, русском, санскрите и авестийском. Уже это перечисление показывает неравномерность материала и исключение ряда важных языков. Бак отказывается от включения ряда языков в свой словарь по разным причинам. Когда он исключает из обзора современные иранские и индийские языки с тем, чтобы уменьшить и без того огромный объем работы и сделать возможным выпуск ее в свет, не откладывая на долгие годы, то против подобного довода ничего нельзя возразить. Лингвисты, работающие в области индоиранского языкознания, будут разочарованы, но обнаружив в словаре интересующего их материала, но неизбежно приходится считаться и со всякого рода техническими трудностями. Вместе с тем едва ли можно признать убедительными другие доводы составителя. Албанский и армянский языки исключаются потому, что они определяются как «малые» индоевропейские языки, между тем как именно эти языки являются ключевыми для разрешения многих запутанных вопросов взаимоотношения индоевропейских языков, не говоря уже о странности подобной оценки целых языковых групп. В такой же мере необудительной оказывается и ссылка Бака на то, что португальский язык опускается ввиду значительного совпадения его лексики с лексикой испанского языка. Здесь отчетливо выступает механический подход к сравнительному изучению лексики родственных языков, столь характерный для буржуазного языкознания, не умеющего различать слова разных лексических сфер (основной словарный фонд и словарный состав). Если подойти к этому вопросу количественно, как это и делает в данном случае Бак, то, действительно, в испанском и португальском словарях можно обнаружить большое количество совпадений. Но во многих случаях это чисто внешние совпадения; при этом не учитывается роль и функция совпадающих по форме слов в двух разных национальных языках, почему сопоставлению нередко подлежат этимологически не однородные слова. Эти различия наглядно выступают при принятой в словаре классификации по понятийным сферам: для одного и того же довольно обычного понятия оба упомянутых языка нередко используют разные слова. Для примера можно сослаться на такие сопоставления, как порт. floresta «лес» и исп. selva, порт. garaz и garariga «девочка» и «мальчик» и исп. muchago и muchaga, порт. copo «стакан» и исп. vaso,

порт. *perto* «близко» и исп. *cerca*, порт. *acordar* «будить» и исп. *despertar* и т. п. Надо, правда, отметить, что составитель выходит в ряде случаев за пределы отобранных им языков и дает сопоставления и с другими индоевропейскими языками, но такого рода экскурсы носят случайный, несистематический характер.

Все вошедшие в словарь ключевые слова распределены по предметному признаку по 22 разделам в следующем порядке: 1) физический мир; 2) человек: пол, возраст, семейные отношения; 3) животные; 4) части тела и их функционирование; 5) пища и питье; 6) одежда; 7) жилище; 8) сельское хозяйство; 9) разные физические действия; 10) движение; 11) принадлежность; 12) пространственные отношения; 13) количество; 14) время; 15) восприятия чувств; 16) эмоции; 17) разум; 18) речь; 19) социальные отношения; 20) война; 21) закон; 22) религия.

Каждая статья, связанная с ключевым словом или понятием, начинается со списка лексических эквивалентов (синонимов) на 30 языках; обычно по каждому языку дается одно основное, редко, два слова. Затем следуют краткие указания семантического развития некоторых приведенных слов, данные об их этимологиях и об этимологических взаимоотношениях перечисленных слов.

Таким образом, словарь представляет своеобразное соединение словарей трех типов: этимологического, идеографического и семантического. Это объединение, видимо, должно оправдываться той задачей, которую составитель ставил перед собой в первую очередь — дать материал для прослеживания развития наиболее общих понятий. Этой задаче служит и сам принцип составления словаря, делающий исходным пунктом рассмотрения не слово и его значение, а понятие, т. е. явление нелингвистическое. Однако, прежде чем перейти к определению того, насколько успешно Баку удалось выполнить поставленную перед собой задачу, представляется необходимым прismatic к тому, каковы составные части его словаря. Очевидно, что осуществлению его плана во многом должна способствовать научная выдержанность тех принципов составления словарей, которые синтезируются в этом совершенно новом типе словаря.

Семантическая классификация ключевых слов, призванная обеспечить идеографическую линию словаря, отличается большой произвольностью и значительной невыдержанностью. В основу своей классификации Баку кладет схему, предложенную Иостом Триром (в его базирующейся на принципах «семантического поля» работе «Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes»), в которую составителем внесены некоторые добавления и изменения. Поскольку словарь по замыслу составителя должен помочь прослеживанию развития понятий, то, казалось бы, именно идеографическая его часть должна характеризоваться наибольшей последовательностью, систематичностью и ясностью. Однако сам автор не считает это обязательным и относится к этой стороне своего словаря весьма беззаботно. «Здесь много откровенного произвола, как в классификации, так и в выборе включенных в словарь синонимов, — признается он в предисловии (стр. XIII—XIV), — многие ключевые слова могут быть легко перенесены из одного раздела в другой... Погрешности в группировке не могут быть серьезным препятствием для употребления словаря, так как обязательным дополнением к нему является алфавитный индекс, ориентированный на английские слова». Соответственно этим установкам и строится словарь. Так, в разделе «физический мир» оказывается вдруг «спичка» (1,87 — match); в разделе «человек — семья» — «свадьба» (2,34 — wedding); в разделе... «части тела и их функционирование» — «убивать» (4,76 — kill), «сильный» (4,81 — strong), «яд» (4,89 — poison); в разделе «пища и питье» — «доить» (5,87 — milk), очевидно, только потому, что рядом стоит «молоко»; в разделе «сельское хозяйство» много понятий, которые естественно было бы увидеть и в разделе «пища и питье». Таковы: «рис» (8,48 — rice), «кукуруза» (8,47 — maize, corn), «вино» (8,67 — wine); тут же оказывается и глагол «курить» (8,69 — smoke). Раздел 9-й включает всего поемногу: здесь и «золото» (9,64 — gold), и глагол «быть» (9,91 — be), и «корзина» (9,76 — basket), и «скульптор» (9,82 — sculptor), и глагол «мочь» (9,95 — can, may), и «искусство» (9,42 — art), и «узел» (9,192 — knot) и т. д. В разделе «движение» — смешение возвратности, переходности, вида (ср. англ. turn, фр. tourner, средневерхненем. kēren, русск. повернуть); сам Баку пишет, что все различия значений подобного рода игнорируются им (стр. 665). «Для славянских глаголов, — пишет Баку на стр. 11, — бесполезно давать формы различных видов. Обычно дается кратчайшая форма». В этом же разделе оказываются такие понятия, как «моряк» (10,82 — sailor). В раздел «пространственные отношения» включаются «крюк» (12,75 — hook), «дыра» (12,85 — hole). В разделе «социальные отношения», включающем 43 наиболее употребительных понятия не только в области собственно социальных отношений, но и относящихся к территориальным и политическим подразделениям, наряду со «страной», «городом», «королем», «свободой», «народом», фигурирует «проститутка» (19,71 — whore, prostitute), «заговор» (19,63 — plot, conspirasi).

Все подобные случаи можно отнести к внешней неупорядоченности, к недостаткам отбора слов и несовершенству классификации. Более пристальное ознакомление с ними вскрывает, однако, недочеты более крупного порядка, носящие уже органический характер. Рядом с этой внешней путаницей классификации идет совершенно

неправомерное сопоставление под одним ключевым понятием слов разного порядка. Таковы, например, с одной стороны, английские слова long, short, first, last, которые в одинаковой мере возможно поместить в разделах «пространственные отношения», «количество» или «время», с другой стороны — объединяемые с этой первой группой слов латышск. ilgš (применяется только ко времени) или англ. brief (преимущественно во времени).

Иногда составитель поступает иначе и допускает разрыв слов на два раздела, тем самым игнорируя своеобразие смысловой структуры, свойственное словам разных языков. Таково, например, слово land «земля», которое оказывается и в разделе «физический мир» (1,21) и в разделе «социальные отношения» (19,11). См. в этой связи примечание на стр. 953, фиксирующее беспомощность составителя в этом отношении.

Многочисленность подобных примеров приводит к заключению о том, что составитель фактически оказался от систематического проведения принципа выявления процессов развития тождественных понятий в разных языках по их историческим этапам. В силу неясности и нечеткости исходных представлений о взаимоотношениях слова и понятия, о границах слова и его семантической структуре Бак запутался во многочисленных противоречиях, с которыми он столкнулся в процессе практической работы по составлению словаря, и в большом количестве оговорок вынужден был признать свое бессилие в выполнении поставленной задачи.

Чтобы спасти положение, Баку пришлось обратиться к обычному алфавитному словарю, который хотя и занимает скромное место в конце книги, в действительности является единственным организующим началом данного словаря. Таким образом, замысел Бака оказался не осуществленным, в чем вина не Бака, — видимо, ученого большой эрудиции, вложившего вместе со своими сотрудниками огромный труд в составление словаря, — а состояния зарубежной науки о языке, не имеющей ясных методологических принципов. В результате у составителей, помимо их воли, получились словарь произвольно отобранных английских слов, которые сопоставляются со словами других индоевропейских языков, частично, по признаку одинаковости семантической сферы, а частично, по признаку этимологической близости.

Что касается определения того, насколько выдержан в словаре Бака семантический принцип, то здесь представляется возможным констатировать следующее: существующие семантические словари обычно представляют собой тип историко-семантических словарей, в которых прослеживается семантическое развитие слов того или иного языка, расположенных в алфавитном порядке. Таким, например, является «Deutsches Wörterbuch», составленный Г. Паулем, или коллективный «New Oxford English Dictionary». Собственно семантических словарей не существует, очевидно, главным образом потому, что не определились принципы классификации изменений значений. Райс (С. С. Rice) незадолго до своей смерти намеревался составить семантический словарь, в котором слова должны были быть расположены соответственно исходным и конечным значениям слов. Словарь Бака не является семантическим словарем ни в одном из перечисленных двух смыслов. Бак представляет себе семантическое развитие слов по установившимся в зарубежной лингвистике типам «сужения», «расширения» значений и т. д. Во введении он описывает эти традиционные типы семантических сдвигов, но в самом словаре они не фиксируются. Эти семантические процессы и не могут быть фиксированы, так как у Бака принципиально иное построение словаря: он исходит не из основ Bedeutungslehre, т. е. учения об изменении значений, а из принципов феноменологического Bezeichnunglehre, т. е. учения об изменении наименований; он располагает материал не с тем, чтобы показать, как в пределах одного и того же слова происходят семантические изменения на протяжении его исторического существования, а пытается указать на то, как вокруг одного и того же понятия могут располагаться разные слова. Но последовательно Бак это делает в крайне редких случаях (например, с понятием earth, land «земля» и его производными ground, soil «почва», dust «пыль», mud «грязь», sand «песок»). Обычно же составитель или совершенно обходит этот момент, называя только основное слово для данного понятия и предоставляя читателю самому разбираться в последующей смене и развитии системы его наименований, или же, — главным образом для тех языков, где наименования понятия даются по разным их периодам (английский и немецкий), — ограничивается беглыми замечаниями. Таким образом, в сравнительном плане приводимых им «индоевропейских синонимов» Бак не прослеживает подобного рода смены названий. Во многих случаях это оказалось бы просто невозможным, ввиду указанной выше несопоставимости слов разных языков.

Не следует при этом смешивать семантического принципа изучения слова (даже в том смысле, как его понимает Бак) с этимологическим. Этот последний представлен в словаре наиболее полным образом и фактически подменяет собой семантический. Обратимся к типичному примеру разбора (discussion) ключевых слов, который в обязательном порядке следует за их перечислением по всем рассматриваемым языкам. Например, «вода» (water) имеет следующие пояснения (стр. 35): «Слова для «воды» за редким исключением принадлежат к определенным широко распространенным родственным группам, одна из которых восходит к собственно прямому и общеиндоевропейскому обозначению «воды», а три другие также отображают индоевропейские слова для «воды», но,

очевидно, в более специализированном применении, вроде «текучей воды» или «дождевой воды». Многие слова, принадлежащие к этим группам, приводятся в других статьях: море, волна, река, дождь». Указав, следовательно, на так называемую внутреннюю форму индоевропейских корней для наименований «воды», Бак переходит к перечислению индоевропейских слов, группирующихся вокруг них: «1. ИЕ *wedōg, *wodōg, *uden, — указывает он, — типичная основа среднего рода на г/п с чередованием корневого слога, от корня *wed-, в санскр. ud- «влажный», «течь». Некоторые формы — с носовым в корневом слоге (перешедшие из глагольных форм с носовым инфиксом, или в результате ассимилирующего воздействия «п» основы). Вальде-Покор. I. 252 и далее, Эрну-М., 1124.

Греч. ὕδωρ; умбр. utur (лат. unda «волна»); др.-ирл. usce, совр. ирл. uisce (гаэл. uisge-beatha «вода жизни», совр. англ. whiskey, whisky, «виски»); герм. группа, got. watō, др.-англ. wæter и т. д.; лит. vanduo, латыш. ūdens, др.-прусс. wundan, unds; ст.-слав. voda и т. д., общеслав.; санскр. udan-; хетт. watar, род. wetenas; алб. ujë».

Такие же сведения даются относительно других индоевропейских корней, связанных с этим понятием: *akwā или *akwā-, *ār-, *wēg-; кроме того, приводятся слова, находящиеся вне названных корней (ирл. dobur в dobur-chū «выдра», букв. «водяная собака», алб. det «море» и т. д.).

Как отчетливо показывает приведенный краткий пример, слова в пределах каждой статьи группируются в первую очередь по признаку этимологической близости. Семантическая их связь учитывается и выделяется лишь в той мере, в какой это необходимо, чтобы отметить этимологическую связь слов. Это не более, как один из компонентов (наряду, например, с фонетическими корреспонденциями) определения правомерности этимологического сближения слов родственных языков. Именно в силу того обстоятельства, что ведущим моментом оказался этимологический принцип, стали возможными те непоследовательности в семантической классификации слов по понятиям, которые отмечались выше.

В основном по этимологическому же признаку устанавливается связь и между ключевыми словами в рамках определенных разделов. Так, указывая на возможность использования индоевропейских корней не только для обозначения «воды», но также и для «реки», «потока», «ручья». Бак приводит новую серию примеров для уже упоминавшихся корней (например, ИЕ *ār (ab-), лат. amnis «река»; др.-ирл. ab(aba, oub и т. д.); совр. ирл. abha «река»; валл. afon «река», atonig «ручей»; брет. aven «река»; лит. уре, латыш. уре, др.-прусс. аре «река», лит. upelis, латыш. urele «ручей» и пр.). К старым корням добавляется некоторое количество новых (*sreu- «течь», *rei- «дать, идти»), которые оказываются этимологическими центрами, объединяющими другие группы слов.

Сделав волей или неволей этимологический принцип ведущим в своем словаре, Бак и старался осуществить его с наибольшей тщательностью. Во многом, разумеется, этимологическая сторона зависит и определилась теми источниками, которые использовал составитель, и давать оценку этой стороне его работы, означало бы подвергать оценке эти источники.

Бак, в основном, базировался на словаре Вальде-Покорного (Waldе-Pokor's u, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen), но вместе с тем им привлечено большое количество этимологических словарей отдельных языков или групп языков, справочников и журнальных статей. Исчерпывающим, однако, список использованной литературы нельзя назвать. В отношении русского языка, например, Бак довольствовался Далем, Бернекером и Миклошичем и не использовал ни этимологического словаря А. Преображенского, ни Толкового словаря под ред. Д. Н. Ушакова. Едва ли вполне удовлетворительной можно назвать и балтийскую часть его этимологии, где составитель, следуя, повидимому, А. Зенну (A. Senn), допускает иногда явные натяжки. В целом, однако, в этимологической своей части словарь Бака, широко использующий авторитетные словари А. Эрну-Мейе, З. Файста, Фальк-Торпа, Хелльквиста и др., стоит на несомненно высоком уровне и поэтому является ценным справочным изданием. Но ценность его имеет односторонний характер. Замысел, который был положен в основание словаря, составителю не удалось осуществить, как не удалось достичь и синтеза трех принципов — идеографического, семантического и этимологического.

Словарь не дает сколько-нибудь последовательно изложенного материала, способствующего изучению истории понятий, что являлось главной задачей словаря и что оказалось не по силам составителю ввиду его методологической беспомощности. Фактически в настоящем своем виде словарь приближается к типу обычного сравнительно-этимологического словаря основных индоевропейских языков, включающего некоторую часть их довольно произвольно отобранной лексики, которая расположена по предметному (хотя и очень свободно понимаемому) признаку. Именно как такого рода своеобразное соединение в одной книге этимологических словарей ряда индоевропейских языков словарь Бака и может оказать пользу работе лингвиста.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В АРМЕНИИ

Установление Советской власти в Армении привело к возрождению армянского народа. Армянский народ наравне с другими братскими народами Советского Союза получил все возможности для дальнейшего развития своей многовековой культуры и науки. Языкознание также достигло высокого уровня развития.

Первостепенную важность приобрело глубокое изучение современного армянского языка, составление учебников для средней и высшей школы, а также вопросы обогащения армянского языка новыми политическими и научными терминами. Чтобы успешно разрешить эти проблемы, армянские языковеды должны были разработать важнейшие теоретические вопросы как арменоведения, так и общего языкознания. Перед ними встала сложная задача — критически пересмотреть богатое научное наследие прошлого, использовав все положительное, что досталось в наследство от языкознания дореволюционной эпохи, и на основе новых исследований создать подлинно научное, марксистское арменоведение.

Разрешение этих задач потребовало прежде всего интенсивной подготовки кадров. Работающие в Ереванском университете известные языковеды-арменисты — проф. Р. А. Ачарян, Г. А. Капанцян и М. М. Абебян провели большую работу в деле подготовки молодых специалистов. Научно-исследовательская работа и подготовка кадров получили более широкий размах с момента создания в Армянской ССР Академии наук, в системе которой был создан Институт языка. В настоящее время в научно-исследовательских учреждениях и вузах работают 7 профессоров — докторов наук (два действительных члена и один член-корр. АН Армянской ССР) и 19 доцентов — кандидатов наук. Рост языковедческих кадров и создание новых научно-исследовательских учреждений позволили развернуть большую работу как в области разработки общетеоретических лингвистических вопросов, так и в области научного изучения истории армянского языка, его современного состояния, армянских диалектов и т. д.

Общее языкознание. Первостепенное значение имела разработка теоретических вопросов языкознания. Именно в этой области со всей остротой шла борьба трех различных направлений. Основным было направление, возглавляемое действительным членом АН Армянской ССР Г. А. Капанцяном, который, не умаляя богатого научного наследия прошлого, стремился критически освоить все ценное, заключенное в нем, и на основе теоретических положений классиков марксизма-ленинизма правильно разрешить проблемы общего языкознания. Свои взгляды он изложил в статье «Яфетическая теория» («Изв. Ереванского гос. ун-та», 1926, № 2, стр. 374—397). В этой работе, изложив основные положения «яфетидологии» и, в частности, взгляды Н. Я. Марра на армянский язык, он пришел к выводу, что сам Марр, критикуя некоторые ошибки буржуазных языковедов, не дает решения основных проблем языкознания, обоснованного фактическим материалом. Это положение более четко и последовательно выражено Г. А. Капанцяном в работе «К вопросу о диалектике развития языка» (журнал «Нор-уги», 1931, № 5, стр. 107—141). Здесь Г. А. Капанцян критикует основные положения так называемого «нового учения», в частности теорию стадийности, четырехэлементный палеонтологический анализ, теорию ручной речи и т. д. С другой стороны, в противоположность марровскому нигилистическому отношению к языкознанию XIX в., проф. Капанцян правильно отмечает, что для советского языкознания огромное значение имеет критическое освоение научного наследия, и с этой точки зрения фактический материал, накопленный языковедами прошлого, для нас важнее, чем умозрительные схемы «нового учения». Наконец, отметив, что Марр, несмотря на свои высокомерные и претенциозные декларации, не смог создать марксистского языкознания, он приходит к правильному заключению, что необходимо, основываясь на теоретических положе-

ниях классиков марксизма-ленинизма и критически переработав наследие прошлого, создать подлинно марксистскую науку о языке. Именно с этой позиции он разрабатывает теоретические вопросы языкознания. Плодом его долголетней работы в этой области явилась книга «Общее языкознание» (ч. 1, 1939, изд. Ереванского ун-та). Книга содержит следующие разделы: введение, фонетику, грамматику, лексикологию. Накопив большой материал, проф. Капанцян в этой работе глубоко освещает вопросы общей фонетики, грамматики, в частности морфологии, и лексикологии. И в этой книге проф. Капанцян отрицательно относится к основным положениям «нового учения», резко критикует стадиальную классификацию языков, четырехэлементный анализ и т. д. Критически оценив достижения языкознания XIX в., проф. Капанцян правильно разрешает ряд вопросов общего языкознания (закономерности звуковых изменений, роль различных средств грамматического выражения, исторические изменения значения слов и т. д.). Правда, в этой книге нашли место также некоторые ошибочные положения, укоренившиеся в то время в советском языкознании (например, положение о надтроечном характере языка), однако эти положения приводятся в декларативном виде только во «Введении» и не могут быть критерием для оценки книги в целом.

Против такой правильной позиции в вопросе создания марксистского языкознания выступали представители «нового учения» и в первую очередь сам Н. Я. Марр, который в своих статьях, направленных против критиков своего «учения», неоднократно нападал на проф. Капанцяна, объявив его представителем буржуазного языкознания. Этой линии придерживались и последователи «нового учения» в Армении вплоть до выхода в свет гениального труда И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании». Это направление возглавлял в Армении проф. А. С. Гарибян, который, будучи последовательным «учеником» Н. Я. Марра, с самого начала своей научной деятельности стоял на позициях «нового учения» и с этих позиций нападал на проф. Капанцяна и других армянских языковедов, которые не последовали за Марром. Молодые языковеды в начале своей научной деятельности группировались обычно вокруг проф. Капанцяна, но в дальнейшем, по мере усиления аракчеевского режима в языкознании, созданного представителями «нового учения», они, не обладая достаточной принципиальностью, постепенно переходили на сторону марровцев. Такой путь прошли проф. Г. Г. Севак и проф. Э. Б. Агаян — автор этих строк. Начав свою деятельность с критики отдельных положений «теории» Марра, они перешли на позиции «нового учения» и стали активными марровцами. Более того, исходя из антинаучных основ «нового учения», они пытались «творчески развить» отдельные положения Н. Я. Марра, как, например, теорию стадильности, теорию скрещивания языков и т. д.

Наконец, третье направление являлось пережитком буржуазного идеалистического языкознания и отражалось в работе некоторых представителей старшего поколения языковедов, например, в трудах покойного профессора М. М. Абебяна. Стремление этих ученых перестроить свои взгляды и отказаться от идеалистических принципов буржуазного языкознания дало возможность преодолеть эти пережитки. Немалую роль при этом сыграла принципиальная критика различных направлений буржуазного языкознания, данная в работах проф. Капанцяна и др.

Однако борьба между двумя первыми направлениями не привела к разрешению основных теоретических проблем языкознания в духе марксизма, так как представители «нового учения», стремясь добиться полного господства взглядов Марра как в арменоведческих, так и в общезыковедческих вопросах, предприняли «теоретический поход» против своих противников, объявив их представителями «буржуазной лженауки», «идеалистами», «антимарксистами» и т. п. Этим объясняется тот факт, что в последние годы до языковедческой дискуссии противники «нового учения» были полностью лишены возможности издавать свои научные труды. Этому, не свойственному советской науке, режиму был положен конец только благодаря свободной языковедческой дискуссии 1950 г., благодаря выходу в свет гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию. Разоблачив немарксистскую сущность «нового учения» и сокрушительным ударом ликвидировав аракчеевский режим, товарищ Сталин разрешил важнейшие проблемы языкознания и создал цельное марксистское учение о языке. Только благодаря этому языкознание как во всем Советском Союзе, так и в Армении освободилось от оков «нового учения» и получило возможность небывалого развития по новому пути, по пути сталинского учения о языке. Получив гениальное теоретическое оружие, армянские языковеды с новой неиссякаемой энергией развернули творческую научную работу и успешно развивают актуальные теоретические вопросы советского языкознания.

История армянского языка. Одной из важных отраслей научно-исследовательской работы языковедов Советской Армении было изучение истории армянского языка. Вопросами истории армянского языка занимались также крупные арменоведы, как проф. Р. А. Ачарян и Г. А. Капанцян, которые создали ценные научные труды в этой отрасли арменистики. Здесь следует упомянуть прежде всего огромный по материалу труд проф. Р. А. Ачаряна «История армянского языка» (т. 1, 1940, т. II, 1951); в нем нашло отражение все то, что сделано учеными-арменоведами в течение целого столетия по истории армянского языка. В первом томе автор, применяя сравнительно-исторический метод, вскрывает родственные связи армянского языка с другими индо-

европейскими языками, приводит все корневые слова, частицы и грамматические форманты армянского языка, имеющие индоевропейское происхождение, и на основе глубокого и детального анализа определяет место армянского языка среди родственных индоевропейских языков. На основе этого анализа автор приходит к выводу, что армянский язык находится в более близких родственных связях, с одной стороны, со славянскими, а с другой — с греческим и индоиранскими языками индоевропейской языковой семьи. В последующем изложении автор исследует армянские заимствования из персидско-кавказских, кавказских, греческого, персидского, арабского и других языков и определяет их роль в процессе обогащения словарного состава армянского языка. Во втором томе, кроме истории заимствований, автор излагает исторические изменения грамматического строя армянского языка, имея в виду в основном три периода его истории (древнеармянский, среднеармянский, новоармянский, или «ашхарабар»). Особые главы посвящены вопросам общенародного характера древнеармянского литературного языка («грабар»), образованию армянских диалектов, их классификации и краткой характеристике. Последняя глава второго тома посвящена заимствованиям новых времен, в особенности анализу благотворного влияния великого русского языка на современный армянский язык. Несмотря на наличие ряда спорных положений, этот труд проф. Р. А. Ачарьяна является одним из крупнейших вкладов в арменоведение.

Вопросами древнейшего периода истории армянского языка, в частности его связями с малоазийскими и кавказскими языками, плодотворно занимается проф. Г. А. Канапцян. Так, в работе *Chetotagmenica* (Ереван, 1931—1933) он затрагивает вопрос о взаимоотношениях армянского языка с малоазийскими языками, в частности хеттским, и на основе анализа многочисленных армянских слов устанавливает несомненную связь армянского с хеттским. В труде «История Урарту» (Ереван, 1940) проф. Канапцян, тщательно проанализировав урартский и армянский языки на фоне истории урартского государства и образования армянского народа, приводит множество фактов, указывающих на определенную общность в словарном составе и в словообразовательных частях этих двух языков. Особенно примечательны три работы проф. Канапцяна: «Хеттские боги у армян» (1940), «Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении» (1940) и «Хайаса — колыбель армян» (1948). В первой работе автор снова затрагивает вопрос об армяно-хеттских связях, руководствуясь не только лингвистическим материалом, но и пактеоном обоих народов. Во второй книге проф. Канапцян подвергает исследованию те названия местностей Армении, которые сохранились в халдских памятниках. В первых главах исследована родовая топонимика из халдских надписей, которая может служить древнейшим источником по истории Армении. Затем исследуются армянская топонимика родового периода и топонимические новообразования. Автор рассматривает эти вопросы с историко-лингвистической точки зрения и показывает то огромное значение, которое они имеют для освещения многих вопросов этногенеза армянского народа. Наконец, в работе «Хайаса — колыбель армян» проф. Канапцян изучает древнее государство Хайаса-аззи, подвергает глубокому анализу процесс становления армянского народа и показывает роль хайасцев в истории образования последнего. На основе детального анализа автор заключает, что основным, организующим ядром армянского народа являлась группа племен Хайаса-аззи. В конце книги автор останавливается на вопросе о связях армянского и малоазийских языков и выдвигает предположение о том, что в армянском языке преемствует местный — азианский, неиндоевропейский компонент. Хотя и это предположение является гипотетическим и оспаривается многими арменистами, однако книга представляет большую ценность как для древнейшей истории армянского народа, так и для изучения местного субстрата в армянском языке. Именно с этой точки зрения упомянутые три работы составляют одно целое, вскрывающее сильный субстрат местных языков в индоевропейском армянском. В этом большая заслуга проф. Г. А. Канапцяна в области истории армянского языка. Если арменоведы-индоевропейцы в прошлом изучали главным образом индоевропейскую основу армянского языка, чем объясняется односторонность их исследований, то проф. Канапцян подвергает особому изучению местные неиндоевропейские элементы в армянском. Остается добавить, что в данное время проф. Канапцян подвергает критическому изучению индоевропейскую основу армянского языка, что даст ему возможность обобщить результаты всех своих исследований и осветить древнейший период истории армянского языка в целом.

Изучению истории армянского языка посвящена книга проф. А. С. Гарибяна «Введение в изучение истории армянского языка» (Ереван, 1937). В этой работе автор подвергает критическому анализу все теории о происхождении армянского языка и излагает краткую историю армянского языка со времен его образования до наших дней. Однако эта книга, написанная на основе немарксистских положений «нового учения», содержит в себе все порочные положения этого «учения» и нуждается в коренной переработке, чем и занят ее автор.

Изучению связей армянского и грузинского языков посвящены многие статьи д-ра филол. наук А. Муравляна и в особенности его объемистая работа «Частицы армянского языка и их связь с грузинскими и другими кавказскими языками» (Сб. трудов Института языка АН Армянской ССР, 1949, т. IV). В этой работе автор приводит богатый

фактический материал, однако изучение этого материала ведется на основе анти-исторической «теории» Марра о «гибридности» армянского языка и о его «скрещенно арио-яфетическом» характере. Вследствие этого накопленный фактический материал получает неправильное объяснение.

Теория и история современного армянского языка. Среди трудов по армянскому языку особое место занимают работы, посвященные изучению современного армянского языка. В то время как исследование прошлых этапов языка представляет для науки преимущественно теоретический интерес, исследование современного армянского языка имеет также чисто практическое значение. Глубокое научное изучение современного армянского языка способствует развитию армянского языка эпохи социализма, совершенствованию языка науки и культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, указывает пути дальнейшего развития и обогащения языка. Но в этой области сделано далеко не все. До сих пор изданы лишь две научные работы, посвященные современному армянскому языку. Первая — труд покойного профессора М. М. Абеяна «Теория армянского языка» (Ереван, 1931). Ценный труд маститого армениста отличается тщательным и кропотливым исследованием богатого фактического материала, накопленного в результате многолетних занятий. Книга содержит описание фонетики, семантики, словообразования и морфологии современного армянского языка. К сожалению, автор не успел переработать «Синтаксис ашхарабара», изданный им в 1912 г. Труд М. М. Абеяна является единственным ценным исследованием фактического материала новоармянского литературного языка («ашхарабара»). Однако необходимо отметить, что это исследование относится лишь к раннему, уже пройденному этапу современного армянского языка, к дореволюционному периоду, и многие явления современного периода не нашли в нем места.

Второй труд — работа проф. Г. Г. Севака «Теория современного армянского языка» (кн. I, 1939, кн. II, 1947). Первая книга содержит следующие разделы: введение, образование современного армянского языка, фонетику и морфологию. Вторая книга содержит лексикологию. Автор касается некоторых вопросов общего и армянского языкознания и пытается разрешить их на основе лженаучного «нового учения». Вследствие этого богатый фактический материал, многие явления современного армянского языка не нашли своего научного освещения в этой работе.

Более значительная работа проведена в области составления школьных нормативных грамматик современного армянского языка. В настоящее время школы пользуются учебниками грамматики, составленными А. Гарибяном и Г. Севаком.

Большая работа в области уточнения орфографии современного армянского языка, создания политической и научно-технической терминологии проделана терминологической комиссией при Министерстве просвещения Армянской ССР. Частичная реформа армянского алфавита (1940), разрешение некоторых спорных вопросов орфографии (в частности, правописания согласных), выработка норм пунктуации, создание и утверждение многочисленных научно-политических терминов — все это имело огромное практическое значение. Работа терминологической комиссии положила конец тому произволу, который царил в литературном армянском языке (разнобой в правописании заимствованных из русского языка терминов, двойные формы отдельных слов и т. п.). Однако необходимо отметить, что и в деятельности терминологической комиссии сказывалось вредное влияние «нового учения», в частности, в разработке правописания заимствованных из русского научно-политических терминов иностранного происхождения. В настоящее время комиссия реорганизована и утверждена новый состав.

Лексикология и лексикография. Большая работа проведена в области лексикологии и лексикографии. В истории армянского языкознания крупнейшим событием явилось издание «Корневого словаря армянского языка» проф. Ачаряна (Ереван, 1926—1935). Это — обширный семитомный труд, основной материал которого собран в шести томах (9 тысяч страниц на стеклографе, седьмой том составляют приложения).

Словарь полностью охватывает все корневые слова армянского языка. Каждая словарная статья состоит из пяти разделов.

1. Лексикология: здесь дается корень слова, формы склонения, значение, древнейшие свидетельства об употреблении данного корня, производные от него и, наконец, различные транскрипции в рукописях.

2. Этимология: это важнейший раздел словаря. Автор приводит здесь этимологию данного слова, если она существует и если он согласен с ней, указывает автора этимологии. Но так как для очень большого количества слов предложено много различных толкований, автор не довольствуется собственным мнением о правильности того или иного толкования, а ссылается на авторитет знаменитых арменоведов Гюбшмана и Мейе.

3. История этимологии: в этом разделе автор дает сводку всех высказываний и толкований данного слова армянскими или иностранными авторами, начиная с V в. и кончая временем печатания словаря. Автор в хронологическом порядке приводит все те толкования, которые, как неправильные, не вошли во второй раздел. Автор сообщает также, кто первый предложил правильную этимологию данного слова. Таким

образом, в словаре дается полная история армянских этимологий, начиная с V в. (с изобретения армянских письмен) до настоящего времени.

4. Диалекты: здесь даются различные формы данного слова, употребляемые в многочисленных диалектах армянского языка. Этот раздел представляет большую ценность для изучения армянских диалектов и истории армянского языка. Автор составил словарики 30 наречий и говоров армянского языка и внес в этот раздел. Ценность раздела увеличивается тем, что многие говоры исчезли, особенно после первой мировой войны, и материал о них сохранился только в данном разделе словаря.

5. Заимствования из армянского: здесь указывается, куда и как проникло данное армянское слово. Этот раздел имеет важное значение, так как освещает влияние армянского на другие языки — тема, мало затронутая лингвистами.

Этот краткий обзор содержания словаря достаточен, чтобы дать представление о том колоссальном труде, который затратил на его составление автор в течение 40 лет. «Журневой словарь» полностью охватил одну из областей армянской лингвистики — этимологию. В нем объединено все, что было сказано кем-либо, когда-либо о каком-либо армянском слове. Такого обширного этимологического словаря для других языков еще не существует.

Ценнейшим трудом того же автора является «Словарь армянских личных имен», первые четыре тома которого вышли в 1942—1948 гг. (Ереван). Весь словарь состоит из 5 томов. В этом труде автор собрал, классифицировал и исследовал все личные имена, употреблявшиеся в армянском языке с древнейших времен по XV в., а с 1500 г. по настоящее время — имена известных исторических и литературных деятелей. Каждое имя рассматривается с двух сторон: в первом разделе дается происхождение и объяснение имени, его ласкательные, народные и искаженные формы, во втором — приводятся в исторической последовательности все известные из истории личности, носившие данное имя, дается их краткая биография (если она известна) и указываются все те источники армянской письменности, рукописные списки и новейшие материалы, в которых упоминается данная личность.

Выдающимся событием явилось также издание посвященного великому вождю народов, корифею науки И. В. Сталину четырехтомного «Толкового словаря армянского языка» действ. члена АН Армянской ССР покойного профессора Степана Малхасяна. Этот обширный труд является не только шедевром автора, но и большим достижением армянской советской лингвистики за последние годы. Этот словарь охватывает словарный запас армянского языка от первых памятников письменности V в. до современного литературного языка и диалектов. Чтобы дать понятие об объеме собранного материала, остановимся вкратце на содержании словаря.

Четыре тома словаря включают все слова армянского разговорного и письменного языка, начиная с начала нашей письменности и до настоящего времени, то-есть словарный запас классического языка «грабар», «нижнего грабар», простонародного, современного литературного языка и диалектов с идиоматическими выражениями, а также заимствованные в любое время слова из европейских или других языков и указанные на их происхождение (см. т. I. Предисловие, стр. V). Этот обширный план уже дает представление о содержании словаря. Подобного труда не было в армянской литературе. Лучший из старых словарей армянского языка «Новый словарь гайканского языка» (I—II, Венеция, 1836—1837) содержит в себе только слова языка «грабар» (древнеармянского), другие словари охватывают лишь отдельные периоды истории армянского языка («ашхарабар», диалекты и т. д.). Словарь Малхасяна является в этом отношении уникальным и содержит словарный запас всех периодов истории армянского языка (важная с изобретения письменности). Автор с честью справился с этой сложной работой. Словарь является полным как в смысле собранного материала, объяснения слов с сохранением их исторических изменений и смысла значений, так и в смысле включения огромного количества идиом и стилистических оборотов армянского языка. Именно за эти качества словарь был удостоен Сталинской премии.

Важное значение имеет также издание многочисленных специальных словарей. Создание научной литературы на национальном языке вызвало необходимость выработки многих научных и политических терминов, не существовавших в армянском языке в досоветский период. Уже издано множество словарей по отдельным отраслям науки, как, например, «Словарь трудовых терминов», «Словарь строительных терминов», «Юридический словарь», «Ботанический словарь», «Словарь медицинских терминов» и т. д.

В лексикографической области важное место занимает составление русско-армянских и армяно-русских словарей. За истекший после установления Советской власти период издано несколько таких словарей; среди них богатством охватываемых слов и точностью переводов выделяется двухтомный «Русско-армянский словарь» (1935), составленный коллективом авторов, и «Русско-армянский» и «Армяно-русский» однотомные словари, изданные Институтом языка АН Армянской ССР. Однако все эти словари уже устарели и не удовлетворяют растущим потребностям широких масс. Учитывая это обстоятельство, Президиум АН Армянской ССР еще в 1945 г. постановил

подготовить большой, четырехтомный русско-армянский словарь, содержащий около ста тысяч слов современного русского языка, переведенных на армянский язык со всеми значениями и оттенками, и охватывающий в общем объеме словарный состав русского литературного языка. В настоящее время полностью составлены первые три тома и часть четвертого тома, полностью отредактирован и готов к печати первый том, который сдан в производство в августе текущего года.

Диалектология. В советский период велась большая работа и в области изучения армянских диалектов. Работа по их изучению особенно важна, так как с каждым днем армянские диалекты уступают место литературному общенациональному языку; некоторые из них уже вымерли, другие близки к исчезновению. Между тем изучение диалектов способствует освещению многих вопросов истории и теории армянского языка.

В области диалектологии велики заслуги проф. Р. А. Ачаряна, многочисленные исследования которого сохранили для армянского языкознания исчезнувшие говоры. Свои диалектологические исследования Ачарян начал задолго до Октября. Еще в 1909 г. им была издана на французском языке работа «Classification des dialectes arméniens» (Париж), которая затем в переработанном и дополненном виде вышла на армянском языке под названием «Армянская диалектология» (Н. Нахичевань, 1913). В этом труде автор впервые предложил научную классификацию армянских диалектов, тем самым поставив их изучение на должную основу. В том же 1913 г. Ачарян издал «Словарь армянских диалектов» (Тифлис). В годы Советской власти Ачарян с еще большей энергией продолжает свои исследования диалектов. В течение последних 33 лет вышли в свет отдельные книги: «Исследование маратского диалекта» (Ереван, 1930), «Исследование агулисского диалекта» (Ереван, 1935), «Исследование новонахичеванского диалекта» (Ереван, 1935), «Исследование новоджугтинского диалекта» (Ереван, 1940), «Исследование константиннопольского диалекта» (Ереван, 1942), «Исследование хемшинского диалекта» (1949). Все эти работы велись по одной системе, и каждая из них является полным, исчерпывающим исследованием фонетики, морфологии и лексикологии данного диалекта.

Исследованием отдельных диалектов занимался также Э. Агаян. Он опубликовал исследование мегринского диалекта («Труды Ереванского гос. ун-та», XIX, 1942, стр. 252—471). В области армянской диалектологии значительную работу вел также проф. А. Гарибян. Его докторская диссертация «Новая ветвь армянских диалектов» («Труды Ереванского гос. ун-та», XI, 1939, стр. 23—187) имеет важное значение для правильной классификации диалектов Армении. В этом труде автор впервые исследует шесть диалектов (ардвинский, шагахский, мегринский, карчеванский, урмийский, адрутский) и на основе их сравнительного изучения выявляет новую ветвь, так называемую ветвь С. В статье «К вопросу о классификации армянских диалектов» («Труды Ереванского гос. ун-та», XIX, 1942, стр. 5—18) проф. Гарибян снова рассматривает вопрос о классификации армянских диалектов и устанавливает наличие четырех ветвей, вместо принятых до этого трех. Хотя и эта классификация является спорной и не принимается многими армянскими лингвистами республики, однако само изучение шести вышеупомянутых армянских диалектов является ценным вкладом в армянскую диалектологию. Итоги и обобщение всех работ по армянской диалектологии содержит вузовский учебник проф. Гарибяна «Краткий очерк армянской диалектологии» (2-е изд., 1946). Используя все исследования по диалектам армянского языка, автор добавил богатый материал своих собственных исследований и создал полный курс. Но несмотря на богатый и ценный материал эта книга проф. Гарибяна также основана на антинаучных теоретических положениях «нового учения» о диалектах и их возникновении. Пыне автор составляет новый учебник по армянской диалектологии в свете гениальных трудов И. В. Сталина.

*

В истории армянского языкознания с опубликованием гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию начался новый этап. Своими работами товарищ Сталин заложил прочные основы марксистского языкознания и намечил пути развития советского языкознания. Избавившись от созданного сторонниками «нового учения» аракетского режима и немарксистских положений «теории» Марра, языковеды Советской Армении, как и языковеды всего Советского Союза, развернули энергичную научно-творческую работу по развитию арменоведения по новому пути, по искоренению допущенных ими прежде грубых ошибок, и на протяжении двух лет проделали значительную работу в этом направлении. И здесь в первую очередь следует указать на профессоров Г. А. Капаняна и Р. А. Ачаряна. Проф. Г. А. Капанян за эти два года написал много научных статей в журналах республики и отдельных брошюр, из которых особенно ценны: «Основы генеалогической классификации языков и критика взглядов Н. Я. Марра на стадиальность развития языка» (1951, на русск. и армянск. языках) и «Хуритские слова армянского языка» (1951, на русск. языке). В первой работе проф. Капанян, исходя из сталинского учения о языке, критикует антинаучные взгля-

ды Н. Я. Марра и его последователей, в частности армянских, на «стабильность» развития языка и излагает основные принципы генеалогической классификации языков. Во второй книге проф. Капанцяна изучает хурритские заимствования в армянском языке. В настоящее время печатаются две работы проф. Капанцяна: «О внутренних законах развития языка» на материалах армянского, грузинского и древних малоазиатских языков, «О лексических общностях армянского и лазо-мегрельского языков».

Проф. Р. А. Ачарян издал второй том «Истории армянского языка» (1951), о которой говорилось выше. Вышел в свет первый том его десятитомного огромного труда «Полная грамматика армянского языка в сравнении с 562 языками». Этот том содержит две части речи: прилагательное и числительное. Готовится к изданию второй том. Печатаются также две работы проф. Ачаряна по диалектологии: «Исследование ванского диалекта» и «Исследование диалекта Арташ».

В 1951 г. изданы два сборника научных трудов. Первый из них — сборник трудов Института языка АН Армянской ССР, в котором помещены статьи проф. Г. Капанцяна, д-ра филол. наук Н. Мурвалаяна, кандидатов филол. наук А. Мовсисяна, В. Аракеляна, Р. Сантадзе, А. Мкртчяна и Н. Арутюняна. В статьях сборника критикуются антинаучные положения Марра и его последователей как в общезыковедческих, так и в арменоведческих вопросах. Сборник, несмотря на некоторые недостатки, выявленные при его обсуждении, является удачной попыткой научной критики марровских ошибок в общем языкознании и арменоведении и разрешения ряда насущных вопросов арменистики.

Второй сборник — 34-й том «Научных трудов» Ереванского гос. ун-та им. В. М. Молотова, в котором помещены статьи проф. Р. А. Ачаряна, доц. С. К. Казаряна, проф. Э. Б. Агаяна, доцентов Т. Г. Арутюняна, Р. Л. Мелкумяна, А. Н. Салахяна, С. Г. Арешяна, Х. А. Барсегиана и Э. С. Петросяна. В статьях сборника затрагиваются различные вопросы языкознания, литературоведения и истории большевистской печати Закавказья. В статьях прежних представителей «нового учения» Э. Агаяна и С. Казаряна подвергаются критике их прежние ошибки по ряду языковедческих вопросов. Институт школ при Министерстве просвещения Армянской ССР издал ряд брошюр по вопросам перестройки преподавания языков в свете сталинского учения о языке. Находятся в печати монографические работы: «Роль русского языка в развитии армянского языка» доц. С. Казаряна и «Каринский диалект» канд. филол. наук А. М. Мкртчяна.

Значительная работа проведена также в области подготовки и издания учебников по языковедческим дисциплинам. Не говоря уже об упомянутых выше двух школьных учебниках по армянскому языку, нужно отметить следующие вузовские учебники: «Грамматика латинского языка» проф. Э. Агаяна (ч. 1, 1950), «Учебник древнеармянского языка: хрестоматия с кратким грамматическим введением» доц. С. Казаряна (1951), «Учебник древнеармянского языка: грамматика и хрестоматия» доц. А. Абрамяна (1952). Находятся в печати: «Введение в языкознание» проф. Э. Агаяна и «Учебник армянского языка для 8—10 классов средней школы» доц. А. Григоряна. Готовятся к печати вузовские учебники по современному армянскому языку, по истории армянского языка, по армянской диалектологии.

Все это говорит о том, что языковеды Советской Армении развернули серьезную работу по развитию арменоведения по пути, указанному гениальным Сталиным. В эту работу включились и прежние последователи «нового учения», которые открыто признали свои ошибки и успешно работают над их исправлением. Все это дает основание надеяться, что языковеды республики с честью справятся со стоящими перед ними серьезными задачами.

Э. В. Агаян

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В УЗБЕКИСТАНЕ

Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина был создан одновременно с организацией АН Узбекской ССР и явился естественным продолжателем языковедческой и литературоведческой работы, которая велась в аналогичном институте в системе АН СССР, точнее, в Узбекстанском филиале последней в Ташкенте. Таким образом, Институт языка и литературы существует в республике более десяти лет и имеет некоторый опыт и традиции научной работы.

Языковедческий коллектив института состоит из 20 человек, среди которых имеется девять кандидатов филологических наук. К работе привлечена также молодежь, — пока еще в недостаточном количестве, — получившая подготовку в высших учебных заведениях Узбекистана.

Лингвистическая работа Института им. А. С. Пушкина до недавнего времени фактически была сосредоточена в трех секторах: секторе современного узбекского языка, секторе словарей и в секторе русского языка. Кроме того, в институте формально числились еще сектор диалектологии и экспериментальной фонетики, а также тер-

минимологический сектор, взамен которого постановлением Президиума АН Узбекской ССР в 1951 г. было предусмотрено создание терминологической комиссии при Президиуме АН Узбекской ССР. Однако дело постановлением и ограничилось, а терминологическая работа в институте прекратилась. Свернута фактически также работа сектора диалектологии и экспериментальной фонетики.

В целях рационального сосредоточения немногочисленных сил института вокруг основных разделов языковедческой работы в Узбекистане структура лингвистического отдела института в настоящее время изменена. Взамен пяти оставлено три сектора: сектор современного узбекского языка, сектор словарей и сектор истории и диалектологии. Работа сектора русского языка передана Министерству просвещения Узбекской ССР, поскольку она носит методический характер.

Господство в недавнем прошлом «нового учения» о языке Н. Я. Марра не прошло бесследно и для узбекского языкознания. Известная часть узбекских языковедов (Т. Ибрагимов, Ф. А. Абдуллаев, А. Гулямов и др.) оказалась если и не в плену, то, во всяком случае, под несомненным влиянием учения Н. Я. Марра. Марровские идеи и положения формально — в качестве данни арачьевскому режиму — или по существу — в качестве теоретических взглядов тех или иных лингвистов — проникли в ряд диссертаций и научных работ, не говоря уже о программах по языковедным дисциплинам для вузов и школ. Отдельными языковедами были допущены некоторые ошибки националистического характера в вопросах терминологии (А. Усманов).

После исторических выступлений И. В. Сталина по вопросам языкознания в Узбекистане началась перестройка лингвистической работы. Первым мероприятием в этом направлении был созыв Республиканской языковедческой конференции с участием языковедов областных вузов в сентябре 1950 г. в Ташкенте. Организованная по инициативе Института им. А. С. Пушкина сентябрьская конференция заслушала и обсудила два доклада: 1) «Положение в узбекском языкознании в свете исторических трудов товарища И. В. Сталина о языке» (докл. Ф. К. Камалов) и 2) «Вопросы изучения словарного состава и грамматического строя узбекского языка» (докл. А. Г. Гулямов). По докладом развернулись оживленные прения, в которых приняли участие виднейшие деятели в области узбекского языка и литературы (М. Т. Айбек, А. К. Боровков и др.). Конференция вскрыла марровские ошибки, допущенные в работах узбекских языковедов тт. Т. Ибрагимова, А. Усманова, Ф. Абдуллаева, А. Гулямова и др.

В первой декаде февраля 1951 г. по инициативе Совета координации деятельности республиканских академий наук при Президиуме АН СССР в Ташкенте была созвана научная конференция по изучению языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке. Повестка дня конференции оказалась весьма насыщенной. Были заслушаны доклады и сообщения о словарном составе казахского языка (докл. действ. чл. АН Казахской ССР Н. Т. Сауранбаев), о классификации частей речи в казахском языке (докл. А. Исканов), о языковедческой работе в Туркмении и перестройке ее в свете работ И. В. Сталина (докл. член-корр. АН Туркменской ССР Э. Б. Мухамедова), о лексике современного киргизского языка в свете сталинского учения о языке (докл. Б. М. Юнусалиев), о некоторых вопросах узбекской орфографии (докл. А. Г. Гулямов), о словарной работе в Таджикистане и ее задачах в свете сталинского учения о языке (докл. Я. И. Колонтаров), а также сообщения проф. К. К. Юдахина, проф. А. К. Боровкова, В. В. Решетова и других. Конференция прошла в атмосфере принципиальной критики, направленной против марровских ошибок, допущенных в работе языковедов Средней Азии.

Через месяц, в марте 1951 г., Институт им. А. С. Пушкина совместно с Министерством просвещения Узбекской ССР провел совещание, посвященное состоянию программ, учебников и методики преподавания языковедческих дисциплин в школах и вузах республики. В работе совещания активное участие приняли преподаватели узбекского языка и литературы.

В мае 1952 г. в Ташкенте состоялась с участием Института языкознания АН СССР Республиканская конференция, посвященная вопросам развития узбекского языкознания в свете учения И. В. Сталина о языке. В работе конференции приняли участие широкие круги преподавателей узбекских школ, языковеды высших учебных заведений республики, переводчики и работники издательства, языковеды Казахстана, Туркмении, Киргизии, Таджикистана и др. Республиканские организации уделили большое внимание как самой конференции, так и ее подготовке. Задолго до начала работ конференции газеты «Кызыл Узбекистан» и «Правда Востока» начали систематическую публикацию статей, посвященных важнейшим вопросам узбекского языкознания, сосредоточив основное внимание на вопросах орфографии и терминологии. Конференция заслушала следующие доклады: 1) «Труды И. В. Сталина по языкознанию и задачи языковедов Узбекистана» (докл. Б. А. Серебрянников); 2) «Очередные задачи узбекского языкознания в свете трудов И. В. Сталина о языке» (докл. А. К. Боровков); 3) «О внутренних законах развития языка. Итоги и перспективы разработки проблемы» (докл. В. А. Звезгинцев); 4) «К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках» (докл. Э. В. Сепортян); 5) «Спорные вопросы в изучении грамматического строя узбекского языка» (докл. Г. Д. Савжеев); 6) «Состояние и задачи узбекской диалектологии» (докл.

В. В. Решетов); 7) «Проект новой орфографии узбекского языка» (докл. Ф. К. Камалов); 8) «Произведение И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и вопросы социально-политической терминологии узбекского языка» (докл. Р. С. Сахибаев); 9) «Некоторые вопросы развития узбекской научно-технической терминологии» (докл. И. Р. Гасулов); 10) «Объем и содержание вузовского курса современного узбекского языка» (докл. Х. К. Камилова и М. А. Аскаророва).

Основное внимание конференции заняли вопросы орфографии и терминологии узбекского языка. Конференция отклонила предложение о внесении отдельных изменений в существующий алфавит и сочла более целесообразным упорядочить действующий алфавит в соответствии с проектом, выработанным орфографической комиссией Института им. А. С. Пушкина еще в прошлом году и обсужденного тогда же на общегородском совещании в Ташкенте. Внесенные конференцией уточнения касаются прежде всего сложных слов, в написании которых наблюдается значительный разброд. В новом своде правил значительно сокращено число случаев слитного написания сложных слов, предусмотрены случаи раздельного их написания или же через дефис. Новые правила вносят необходимые уточнения также в правописание *э* и *и* в середине слова, *-ий* и *-ий* в конце слов, заглавных и строчных букв, правописания аффиксов, конечных смычных согласных и геминат и т. д.

Участники конференции единодушно высказались против засорения литературного узбекского языка терминами арабского происхождения, непонятными узбекскому народу и искажающими соответствующие общественно-политические или научные понятия. Конференция рекомендовала всемерно использовать словарные богатства современного русского языка и термины международного характера.

В целях пропаганды сталинского учения о языке сотрудники Института им. А. С. Пушкина прочли в разных аудиториях (семинары для учителей, для заочников и т. д.) около 50 докладов, из них значительное число докладов в Ферганской долине. Вышла в свет брошюра Ф. К. Камалова об основах сталинского учения о языке.

Перечисленные мероприятия не могут, конечно, исчерпать работу по популяризации языковедческих трудов И. В. Сталина. Едва ли можно мириться с таким положением, когда узбекский читатель имеет в своем распоряжении единственную пока брошюру на узбекском языке и несколько газетных статей об основах марксистско-ленинского учения о языке.

В теснейшей связи со сказанным находится и вопрос о внедрении марксизма в научно-исследовательскую практику в области узбекского языкознания, о дальнейшем искоренении допущенных в прошлом ошибок марковского порядка, о бдительности по отношению к репидидам «нового учения». Коллектив лингвистов Института языка и литературы далеко еще не закончил критического пересмотра всей своей продукции, — как печатной, так и находящейся в рукописях, — в свете сталинского учения о языке. Серьезную помощь в повышении идейно-теоретического уровня языковедов института мог бы оказать семинар по основам сталинского учения о языке. К сожалению, это полезное мероприятие пока еще должным образом не реализовано, хотя о нем имеется специальное решение президиума АН Узбекской ССР.

Лингвистический отдел Института им. А. С. Пушкина с 1951 г. сосредоточил всю свою работу вокруг трех проблем: 1) грамматики узбекского языка, 2) русско-узбекского четырехтомного словаря и 3) сопоставительной грамматики русского и узбекского языков. До недавнего времени планы института отличались многомерностью. Располагая ограниченным числом квалифицированных исполнителей, институт тем не менее включал в свои ежегодные планы проблемы, количество и объем которых не соответствовали его реальным возможностям. В результате распылялись силы, реализация важнейших начинаний в области узбекского языкознания в ряде случаев все больше и больше отодвигалась на будущее, темы переходили из плана в план, научная продукция института росла медленными темпами, отставая от запросов теоретической и практической работы в области узбекского языка. Жизнь привела руководство института к отказу от такого планирования, к необходимости сосредоточения всех сил своих языковедов на разработке ограниченных по числу, но кардинальных по своему значению научных проблем, выдвигаемых на первый план нуждами высшей и средней школы, а также растущей литературы. Уместно отметить, что на аналогичный метод планирования переходят или уже перешли и в других республиканских академиях (Азербайджан, Казахстан и др.).

Грамматика узбекского языка планируется в Институте им. А. С. Пушкина не впервые. Еще в 1942 г. в Узбекстанском филиале АН СССР была начата подготовительная работа по созданию вузовского пособия по узбекскому языку.

После перестройки своей работы институт наметил составить в 1951 г. фонологию и морфологию, а в 1952 г. синтаксис узбекского языка. Работа над морфологией затянулась и все еще не закончена. Трудно при этом условии рассчитывать на завершение работ по курсу грамматики узбекского языка в текущем году, как предусмотрено планом.

Хроническое отставание института в этой области, отсутствие научной продукции по важнейшим вопросам узбекского языкознания, крайне ограниченное число пособий на узбекском языке в помощь изучающим труды И. В. Сталина по языкознанию —

все это в значительной мере объясняется запущенностью теоретической языковедной работы в республике. За два года, истекшие после выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина по языковедению, Институт им. А. С. Пушкина не сумел организовать ни одной творческой дискуссии по коренным научным проблемам узбекского языковедения. Языковеды института пока не подошли вплотную к изучению таких важнейших научных проблем, как грамматический строй современного узбекского языка (проблемы частей речи, придаточного предложения, соотношение грамматики и лексики, морфологии и синтаксиса, типов синтаксических связей и их соотношений и т. д.), развитие словарного состава современного узбекского языка (вопрос об арабо-иранских элементах и архаизмах, интернациональной и русской лексике в словарном составе узбекского языка), старописьменный узбекский язык и его отношение к современному литературному языку, диалектная система узбекского языка и вопрос об основе современного литературного языка, язык современной художественной литературы (вопрос о литературных штампах, перешедших из староузбекского языка в современный литературный язык, вопрос о диалектизмах и жаргонизмах в творчестве отдельных писателей и т. д.), наконец, коренная проблема всего узбекского языковедения — внутренние законы развития узбекского языка.

Отсутствием серьезного и глубокого внимания к вопросам теории следует, между прочим, объяснить и тот факт, что работа республиканской языковедческой конференции в мае текущего года приняла чисто прикладной характер, и орфографические, а также терминологические вопросы конференции пришлось решать чисто эмпирически, без надлежащей теоретической базы.

За истекшие годы Институтом им. А. С. Пушкина проведена значительная работа в лексикографической области, особенно по русско-узбекскому четырехтомному словарю. Вышедший в 1942 г. русско-узбекский одностомный словарь под редакцией проф. Т. Н. Кары-Ниязова и проф. А. К. Воронкова давно стал библиографической редкостью и по своему объему уже недостаточен для удовлетворения возросших потребностей школы и печати. Поэтому Институтом им. А. С. Пушкина была задумана большой русско-узбекский словарь, и с 1944 г. началось составление картотеки для словаря. В 1947 г. рукопись первого тома была уже готова, однако в 1948 г. она подверглась коренной переработке. В 1949 г. том редактировался вновь и вышел лишь в 1950 г. (буквы А — Ж). Второй том, запланированный на 1951 г., все еще не готов к печати. Не лучше обстоит работа и над следующими томами, которые нуждаются прежде всего в словнике.

В работе словарного сектора имеются серьезные недостатки и трудности. Как и в секторе современного узбекского языка, здесь также не все основные участники коллективной темы имеют достаточно большой опыт работы. Уместно также отметить диспропорцию между числом фактических составителей словаря (два человека) и его контрольно-техническим аппаратом. Термины по важнейшим отраслям знаний обычно не обсуждаются в компетентных инстанциях (Ташкентский филиал ИМЭЛ, САГУ, дневной и вечерний пединституты и т. д.). Да и в самом секторе выполненные части словаря не подвергались систематическому обсуждению. Еще не налажен постоянный контакт между составителями русско-узбекского четырехтомника и одностомника. В результате, между словарями были обнаружены многочисленные расхождения в переводах одних и тех же терминов.

Третья тема института — сопоставительная грамматика русского и узбекского языков — имеет чисто методический характер и в настоящее время она передана Институту педагогических наук Министерства просвещения Узбекской ССР.

Кроме указанных выше двух основных проблем Институт им. А. С. Пушкина принимает участие в составлении русско-узбекского одностомного словаря, который должен быть закончен в текущем году и выпущен Государственным издательством иностранных и национальных словарей в Москве.

Еще до Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в УзФАН были начаты две крупные работы: большой узбекско-русский словарь и словарь произведений великого классика узбекской литературы Алишера Навои. После образования АН Узбекской ССР Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина продолжил работу и над этими темами.

По узбекско-русскому словарю накопился уже огромный материал. По справке сотрудников словарного сектора картотека словаря состоит из полутора тысяч единиц. Однако вся эта большая и важная работа с сентября 1950 г. свернута на неопределенное время.

Словарь произведений Навои первоначально планировался в объеме четырех или более томов, в соответствии с чем в институте была произведена сплошная разностка по карточкам материала некоторых произведений великого классика. К 1946—1947 гг., когда приостановилась работа над четырехтомником, был готов вчерне первый том. В дальнейшем институт предпринял составление краткого словаря произведений Навои, куда были включены наиболее устаревшие слова, не понятные современному читателю. В ближайшее время словарь должен выйти из печати.

Институтом задуман большой толковый словарь узбекского языка. Однако при-

ступить вплотную к этой работе удастся лишь по завершении основных работ, намеченных на 1951—1953 гг.

В институте до последнего времени оставалась заброшенной диалектологическая и терминологическая работа. В настоящее время намечено создание в Узбекистане правительственной терминологической комиссии взамен упраздненного в институте терминологического сектора. Организационная перестройка терминологической работы явно затянулась, а между тем на практике все еще не изжиты кустарничество, порой авторский произвол, неточности и ошибки. В печати нередко можно встретить несколько обозначений для одного и того же термина.

Не приходится доказывать также значения диалектологических описаний и исследований в условиях Узбекистана с его пестрой и богато развитой системой диалектов и говоров, находящей частичную аналогию разве только в Азербайджане. Не говоря уже о том, какое место должна будет занять в ближайшие годы узбекская диалектология в исторических и сравнительно-исторических исследованиях по узбекскому языку, она получает особое значение именно сегодня, когда со всей серьезностью встал вопрос об опорном диалекте или диалектах современного литературного узбекского языка. Трудно при этих условиях найти оправдание для столь неприглядного состояния диалектологической работы в институте.

Одним из наиболее пагубных последствий господства «нового учения» Н. Я. Марра явилось резкое ослабление, а иногда и полное прекращение конкретно-исторических исследований в области тюркских языков. В еще более плачевном положении оказался сравнительно-исторический метод. За годы господства «теории» акад. Н. Я. Марра на местах выросло целое поколение тюркологов, не только не знакомых со сравнительно-историческим методом и его применением, но относившихся к нему с полным равнодушием, а то и с подозрением. Эти настроения коснулись и некоторых узбекских языковедов, чем отчасти и объясняется отставание института в разработке конкретных вопросов истории узбекского языка.

Необходимость историко-лингвистических исследований приобретает особое значение в свете учения И. В. Сталина о языке и тем более в Узбекистане по одной уже его связи с проблемой опорного диалекта литературного языка. В Институте им. А. С. Пушкина недавно появился, наконец, сектор истории узбекского языка. Прежде эта работа велась в Институте востоковедения АН Узбекской ССР в полном отрыве от языковедческой работы Института языка и литературы.

Подготовка лингвистических кадров в Узбекистане оставляет желать много лучшего. До настоящего времени она в основном осуществлялась силами республиканских языковедческих учреждений, в первую очередь в Институте языка и литературы. За годы существования института из общего количества 18 аспирантов защитили диссертации лишь три человека, остальные выбыли из института, не защитив кандидатских диссертаций. В настоящее время аспирантскую подготовку проходят пять человек: два аспиранта по лексикологии, двое по сравнительной грамматике тюркских языков и один по диалектологии. Подготовка молодых специалистов по сравнительной грамматике тюркских языков проводится в институте впервые, и инициатива заслуживает всемерной поддержки и поощрения.

Принимая во внимание количественный состав языковедов Института им. А. С. Пушкина и прежде всего его квалифицированного ядра, едва ли можно рассчитывать на значительное увеличение в самое ближайшее время числа аспирантов, тем более, что институт, как и другие языковедческие учреждения республики, не имеет пока в своем составе докторов наук или профессоров.

Становится, таким образом, очевидной необходимостью сочетать подготовку специалистов на месте с подготовкой их в центральных языковедческих учреждениях Москвы и Ленинграда. С прошлого года руководящие организации Узбекистана встали на этот путь. В настоящее время в лингвистических учреждениях Москвы проходит аспирантскую подготовку 4 человека. Цифру эту нельзя считать, конечно, достаточной, если принять во внимание острую потребность Узбекистана в квалифицированных языковедческих кадрах. Правда, число командированных в московскую аспирантуру в 1951 г. было больше, но значительная их часть не выдержала приемных испытаний по языку специальности и обнаружила слабые знания в области русского языка, без которого подготовка вполне квалифицированных языковедов-тюркологов является делом крайне затруднительным. И здесь приходится бросить упрек по адресу филологических факультетов или отделений высших учебных заведений Узбекистана, откуда поступают кадры аспирантской молодежи. Филологические факультеты и отделения все еще выпускают специалистов, недостаточно, а иногда и слабо владеющих русским языком.

Нам неизвестна, к сожалению, в полной мере постановка преподавания русского языка в средних школах Узбекистана. Во всяком случае учащиеся выходят из национальной школы с недостаточными знаниями русского языка. Это затрудняет работу высшей школы, а затем создает препятствия в подготовке научных кадров языковедов.

Мы подчеркиваем важность затронутого вопроса, исходя из опыта работы с аспирантами из национальных республик. Практика подготовки лингвистов-тюрколога

в научных учреждениях Москвы и Ленинграда показывает, что лица, пришедшие в аспирантуру с недостаточным или слабым знанием русского языка, за три года пребывания в аспирантуре не успевают овладеть русским языком в той мере, в какой он необходим для свободного пользования русской лингвистической литературой.

Научный контакт Института языка и литературы с языковедными кафедрами республики совершенно недостаточен. Еще не налажена постоянная творческая и деловая связь института с такими научно-педагогическими центрами республики, как САГУ, УзГУ, ГПИ. Одной, так сказать, персональной связи в форме участия отдельных сотрудников института в преподавательской работе САГУ или ГПИ, конечно, недостаточно. Уже давно назрела необходимость организации совместных научных мероприятий, в первую очередь творческих дискуссий по актуальным и спорным вопросам узбекского языкознания. Давно назрела также настоятельная необходимость практической координации планов научных исследований и подготовки кадров молодых исследователей. Пока еще не устранен параллелизм в тематике научно-исследовательских работ и нередко диссертаций, что приводит к вредному распылению и без того немногочисленных сил языковедов республики. Всем еще памятен случай из недавнего прошлого, когда отдельные аспиранты Института им. А. С. Пушкина и филологического факультета УзГУ работали над параллельными темами по языкознанию и литературе. Языковеды Института языка и литературы не знают, возможно, что параллельно с их грамматикой узбекского языка такую же работу собираются выполнить на кафедре узбекского языка УзГУ в Самарканде.

Приходится признать недостаточной связь института с лингвистическими учреждениями центра. В большинстве случаев связь Института им. А. С. Пушкина, например, с Институтом языкознания АН СССР носит эпизодический и случайный характер.

Институт языка и литературы АН Узбекской ССР проводит большую и нужную работу, плоды которой с нетерпением ожидают работники культурного фронта республики. Работа института пошла бы успешнее, если бы Президиум республиканской Академии наук усилил свою помощь и внимание к нуждам здорового и растущего научного учреждения, если бы ответственных исполнителей больших научных заданий не отвлекали на внеплановые поручения, требующие длительного времени для своего выполнения.

Серьезную роль в дальнейшем подъеме творческой работы института должен будет сыграть Ученый совет института, от которого коллектив научных сотрудников вправе ожидать подлинного руководства всей научной деятельностью института.

Э. В. Севортян

В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА, ПОСВЯЩЕННОЕ ВТОРОЙ ГОДОВЩИНЕ ОПУБЛИКОВАНИЯ ТРУДОВ И. В. СТАЛИНА ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

18—21 июня 1952 г. состоялось открытое расширенное заседание Ученого совета Института языкознания, посвященное второй годовщине выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания. Заседание вызвало большой интерес среди лингвистов.

Заседание открыл акад. В. В. Виноградов. В своем докладе «Развитие советского языкознания на основе трудов И. В. Сталина» он рассказал о большой работе, проделанной советскими лингвистами за два года, прошедшие со времени выхода в свет гениальных работ И. В. Сталина по языкознанию. Он отметил также отставание в разработке некоторых лингвистических проблем.

На заседании было заслушано восемь докладов, посвященных актуальнейшим проблемам языкознания.

Коллективный доклад «О внутренних законах развития языка (Итоги и перспективы разработки проблемы на основе трудов И. В. Сталина)», составленный сотрудниками Института Б. А. Серебrenниковым, М. М. Гухман, В. А. Звегинцевым и П. С. Кузнецовым, прочитал заместитель директора Института Б. А. Серебrenников. Он сказал, что в исследовательской проблематике марксистского языкознания изучению внутренних законов развития языка отводится ведущее место. Разработку этой проблемы И. В. Сталин назвал главной задачей языкознания. Б. А. Серебrenников подчеркнул, что изучение внутренних законов развития языка вступило во второй этап. Если на первом этапе работы советских лингвистов были направлены на определение границ проблемы, на раскрытие самого понятия внутренних законов развития языка, то на втором этапе советские лингвисты сделали попытку перейти к конкретному разрешению этой проблемы, основанному на историческом изучении отдельных языков. Отвлеченный характер изучения данной проблемы на первом этапе не мог дать более или менее четкого определения самой сущности внутренних законов развития языка, что и следует признать основным недостатком первых работ, посвященных этому вопросу.

Для разработки проблемы внутренних законов развития языка в феврале 1952 г. Институтом языкознания АН СССР была проведена свободная творческая дискуссия в Москве и Ленинграде, в которой приняли участие широкие круги лингвистов.

В основной части доклада Б. А. Серебrenников охарактеризовал положительные и отрицательные стороны дискуссии и ее значение для дальнейшей работы и наметил круг вопросов, не получивших в ходе дискуссии достаточного разрешения или получивших противоречивое толкование.

С большим вниманием и интересом присутствующими был выслушан доклад члена-корр. АН СССР Н. И. Конрада «Вопросы китайского языка в свете трудов И. В. Сталина». Коренная перестройка жизни страны, ее экономики, общественного строя, идеологии, выработка нового отношения к труду, к обществу, к своему государству — все эти процессы обуславливают исключительную требовательность к языку, как главному средству общения и вместе с тем орудью борьбы и развития. Основные требования, предъявляемые к языку в современном Китае, состоят в следующем: создание новых слов и выражений, пересмысление части старых слов, совершенствование грамматического строя языка для максимально точного выражения мысли. Все эти требования предъявляются к языку всегда, но особенно возрастают они в период поворотных пунктов истории, в период возрастающей активности трудящихся масс.

Н. И. Конрад яркими примерами проиллюстрировал свои положения о пополнении словарного состава китайского языка большим количеством новых слов и выражений, характеризующих новые явления в различных сферах жизни современного Китая. Указав, что прямые заимствования в китайском языке очень редки, Н. И. Конрад показал, что образование новых слов и выражений совершается преимущественно путем

пересмысления старых слов и выражений, а также путем «толковательного перевода» — средствами самого китайского языка, на основе существующей в китайском языке традиции. Так, путем пересмысления созданы следующие отвлеченные термины: *шунцзянь* «практика» (букв. — осуществление на деле), *синьэршансюэ* «метафизика» (учение о том, что над формой). Более часто используется способ толковательного перевода. Так созданы, например, следующие слова: *цичжунцизация* «домкрат» (аппарат, поднимающий тяжести), *фэйцзи* «самолет» (летающая машина), *улисюэ* «физика» (наука о законах вещей), *шэнлисюэ* «физиология» (наука о законах жизни), *синьлисюэ* «психология» (наука о законах души) и т. п. Путем образного толковательного перевода созданы слова: *шуйлэй* «мина» (гром в воде), *юйлэй* «торпеда» (рыба-гром), *дяньхуа* «телефон» (молния-разговор), *дяньбао* «телеграф» (молния-известие).

Анализ этих явлений в китайской лексике позволяет сделать вывод о том, что китайский язык полностью обходится своими средствами для создания всей современной терминологии.

Лексика китайского языка содержит мощный источник корневых слов, служащий для образования определенных по смыслу и грамматически оформленных слов. Изучение новых слов, появившихся за последние пятьдесят лет, даст возможность установить наиболее продуктивную часть корневых слов, являющуюся ядром основного словарного фонда китайского языка. Кроме того, развитие словарного состава современного китайского языка ярко отражает процессы создания различных словообразовательных элементов, преимущественно суффиксов, широко образующихся из знаменательных слов и применяющихся для производства определенных лексических групп слов на основе огромных ресурсов китайского языка.

Н. И. Конрад подчеркнул также большую теоретическую и практическую важность вопроса о том, как вводятся новые слова в язык, с какими словами они сочетаются, как происходит скрепление новых и старых элементов языка.

В заключение Н. И. Конрад остановился на вопросе о том, кто же является творцом и распространителем новых элементов в китайском языке. Он указал, что огромную роль в этом деле играет общественно-публицистическая и художественная литература, в первую очередь работы вождя китайского народа Мао Цзэ-дуна, что сейчас весь Китай представляется огромной лабораторией по созданию, освоению и распространению новых элементов языка.

С докладом «Лингвистическая география и история русского языка» выступил проф. Р. И. Аванесов. Он сказал, что указание И. В. Сталина о связи истории языка с историей народа имеет основополагающее значение для разработки истории русского языка, диалектологии и лингвистической географии. Остановившись в начале доклада на некоторых теоретических положениях, связанных с изучением диалектов русского языка и их картографированием, Р. И. Аванесов указал на большое значение лингвистической географии для изучения связи истории языка с историей народа, изучения внутренних законов развития языка.

В заключительной части доклада Р. И. Аванесов рассказал о результатах работы над составлением атласов (см. его статью в «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», № 2, 1952) и выразил уверенность в том, что результаты этой работы получат обобщение в исследованиях, которые появятся в ближайшее время.

Доклад доктора филол. наук К. В. Ломтатидзе «Картвельские языки и их значение для истории иберийско-кавказских языков» был посвящен разработке одной из основных проблем советского языкознания — проблеме изучения родства языков.

Используя большой фактический материал, К. В. Ломтатидзе убедительно доказала генетическое родство картвельских языков с горскими языками Кавказа вопреки лженаучной стадияльной теории т. н. «нового учения» о языке, отрицавшей всякое языковое родство по происхождению, а также вопреки мнению некоторых зарубежных ученых, которые, признавая родство горских кавказских языков, отрицали их генетическую связь с картвельскими языками (Н. С. Трубедко). Значение данных картвельских языков для истории иберийско-кавказских языков очень велико, так как: 1) один из картвельских языков — грузинский — документально засвидетельствован на протяжении 15 веков; 2) закономерные соответствия картвельских языков позволяют глубже проникнуть в историю иберийско-кавказских языков; 3) из всех иберийско-кавказских языков картвельские языки наиболее изучены.

К. В. Ломтатидзе обрисовала общие черты, свойственные всем иберийско-кавказским языкам: в фонетике — сложная система согласных при ограниченном количестве гласных, трехная система смычных согласных, наличие фарингальных и ларингальных согласных; в грамматическом строе — наличие эргативного падежа и отсутствие именительного падежа при переходных глаголах, префиксация, как ведущий древний грамматический принцип, особое строение корневых элементов основного словарного фонда, наличие семаснологических категорий человека и вещи в именах. Наряду с чертами сходства между отдельными иберийско-кавказскими языками имеются и различия. Проанализировав различия между иберийско-кавказскими языками в различных сферах языка (фонетике, морфологии, синтаксисе), К. В. Ломтатидзе показала, что расхождения между этими языками есть явление вторичного порядка.

Доклад канд. филол. наук Т. С. Шарадзе «Понятие «союза языков» и его отношение к понятию языковой «семьи» в свете сталинского учения о языке» содержал критику реакционных учений зарубежных языковедов, пытающихся понятием «союз языков» заменить понятие языковой «семьи».

Родоначальник учения о «союзе языков» (Sprachbund) Н. С. Трубецкой вначале считал «союз языков» группировкой, существующей наряду с языковой «семьей». «Союзом языков» он называл языки, обнаруживающие сходство в синтаксическом и морфологическом строе, вмещающие большое количество общих слов, а иногда и внешнее сходство в составе языковой системы, но не содержащие закономерных звуковых соответствий в древнейших пластах корнеслова.

Впоследствии понятие «союза языков» у Н. С. Трубецкого совсем вытеснило понятие языковой «семьи». Н. С. Трубецкой объявил индоевропейские языки не результатом дифференциации единого языка-основы, а продуктом сближения языков различного происхождения, молчаливо предполагая, что скрещивание языков создает новые языки. Этим он уничтожил процесс дифференциации языков и искажил действительную картину их развития, так как неопровержимыми фактами истории являются как интеграция, так и дифференциация языков.

Таким образом, понятие «языкового союза», выдвигаемое Н. С. Трубецким, лишено реального основания и в принципе неприемлемо для советского языковедения.

Также неприемлемо и своеобразное понимание «союза языков», предложенное Беккером. По его мнению, «союзы языков» — независимые от языковых «семей» группировки, причиной возникновения которых он считает общую культурно-историческую среду. При определении европейского «союза языков» Беккер совсем не учитывает или учитывает недостаточно языковые признаки (кроме лексического состава), при этом он исходит из книжного, а не из общенародного разговорного языка, считает непреложным законом развития языка чередование подъема и упадка. Источники этих ошибок Беккера кроются в его биологизме, невозволительном уподоблении языка живому организму.

Таким образом, и Н. С. Трубецкой, и Беккер представляют «союзы языков» результатом интеграции (сближения) разнородных языков. Понимание «союза языков» у Н. С. Трубецкого близко понятию «системы языка» у Н. Я. Марра. Основным недостатком классификации языков по «союзам» является то, что процесс интеграции, который лежит в основе этой классификации, остается совершенно невыясненным. Ни одному автору не удалось установить конкретные языковые признаки, характеризующие определенные «союзы языков». Причина этого лежит в том, что интеграция путем скрещивания (и тем более заимствования) не дает основы для классификации языков.

«Союз языков» и языковая «семья» основываются на различных процессах, следовательно, эти понятия не должны исключать друг друга. Отрицание или даже умаление процесса дифференциации и родства языков есть отказ от историзма. Поэтому в выдвижении понятия «союза языков» в ущерб языковой «семье» проявляется отход от историзма, характерный для зарубежного идеалистического языковедения.

Наибольший интерес у присутствующих вызвали вопросы сравнительно-исторического метода, представленные докладами проф. А. И. Смирницкого «Сравнительно-исторический метод и границы его применения» и ученого секретаря Института языковедения, канд. филол. наук Б. В. Горюнга «Сравнительно-исторический метод и его место в марксистском языковедении». (См. содержание этих докладов в № 4 нашего журнала. — *Ред.*)

С докладом «Вопросы языка художественных произведений» выступил канд. филол. наук В. Д. Левин. Докладчик поставил своей задачей охарактеризовать отношение языка художественной литературы к общенародному, общелитературному языку, отграничить язык художественной литературы от функциональных стилей языка, показать его принципиальное отличие от них и вместе с тем выявить связь языка художественной литературы со стилистикой общенародного языка.

Специфика языка художественной литературы заключается в присущей ему наряду с коммуникативной функцией также и функции эстетической, художественно-образительной, которые находят свое выражение в подчиненности всех элементов языка произведения идейно-художественному замыслу писателя. Эстетическая функция языка художественной литературы обуславливает трансформацию и типизацию явлений общенародного языка, определяет стилистическую систему художественного произведения, а также и систему его образительных средств. Этим определяются разные тесно переплетенные аспекты стилистического анализа художественного произведения — рассмотрение отношения языка произведения к стилям национального языка, определение стилистической функции контекстов внутри произведения и, наконец, исследование образительных средств художественного произведения.

Сам докладчик остановился на тех стилистических категориях, которые, по его мнению, отражают стилистические отношения внутри художественного произведения: с одной стороны — «нормы повествовательной речи», с другой — «характерологические

средства языка» в их отношении к стилям национального языка. Свои положения докладчик иллюстрировал примерами преимущественно из произведений советских писателей.

Заслушанные доклады вызвали оживленные прения, в которых приняли участие помимо сотрудников Института языкознания многие языковеды Москвы и других городов Советского Союза.

Основным предметом дискуссии явились доклады А. И. Смирницкого и Б. В. Горнунга.

Член-корр. АН СССР В. М. Жирмунский, согласившись в основном с положениями, изложенными в этих докладах, возражал против формулировки задач сравнительно-исторического метода, предложенной А. И. Смирницким: «сравнительно-исторический метод в языкознании, в собственном, специальном смысле этого термина, — есть научный прием восстановления (реконструкции) не зафиксированных письменностью прошлых языковых фактов». Более правильно, по мнению В. М. Жирмунского, задачи сравнительно-исторического метода определил Б. В. Горнунг: «целью сравнительно-исторического метода является установление наличия и выяснение характера конкретно-исторических связей между языками». К мнению В. М. Жирмунского присоединились проф. П. С. Кузнецов, проф. М. Н. Петерсон и др.

Реконструкция языка-основы должна быть не самоцелью, а средством установления внутренних законов развития языка. Так, например, лишь сравнительно-историческая реконструкция объясняет закономерности образования форм множественного числа существительного в современном немецком языке (например, *der Tag — die Tage, der Schlag — die Schläge*).

Далее В. М. Жирмунский говорил о некоторых недостатках сравнительно-исторического метода и о возможностях их устранения путем большей исследовательской работы над конкретным языковым материалом.

Канд. филол. наук О. С. Ахманова, признав ценным обстоятельный разбор буржуазного наследия, сделанный в докладе Б. В. Горнунга, указала, что до сих пор еще буржуазное лингвистическое наследие часто используется некритически.

О. С. Ахманова отмечает как слабую сторону докладов А. И. Смирницкого и Б. В. Горнунга недостаточное внимание к семасиологической стороне. Она считает необходимым шире использовать современные работы буржуазных ученых, особенно посвященные проблеме «слова и вещи», критически их оценивая и беря из них то ценное, что приемлемо для нас.

Привлечение данных фонологии, по убеждению О. С. Ахмановой, оздоровит сравнительно-историческую фонетику, позволит покончить с анализом в одной плоскости разновременных явлений.

Докладам проф. А. И. Смирницкого и Б. В. Горнунга посвятил часть своего выступления проф. П. С. Кузнецов. Он согласился со многими положениями доклада А. И. Смирницкого, в частности с тем, что лучше применять термин язык-основа, чем «иразык», что сравнительно-исторический метод более пригоден для сравнения мелких единиц, морфем и слов, чем крупных. Поэтому, по мнению П. С. Кузнецова, сравнительно-исторический синтаксис менее важен, чем сравнительно-историческая морфология.

Проф. М. Н. Петерсон в своем выступлении критиковал А. И. Смирницкого за то, что он, указав на необходимость выявления недостатков сравнительно-исторического метода, сам таких недостатков не вскрывает. По мнению М. Н. Петерсона, А. И. Смирницкий недостаточно учитывает то обстоятельство, что невозможно сравнивать элементы, семасиологическое родство которых сомнительно. М. Н. Петерсон считает, что в докладе надо было больше внимания уделить вопросам сравнительно-исторической морфологии, словообразования, лексики, синтаксиса. После работ И. В. Сталина стало особенно ясно значение словарного состава языка. Кроме того, сравнительно-историческое изучение лексики важно потому, что в зарубежном языкознании не признают лексику материалом для сравнительного изучения.

Канд. филол. наук Б. А. Серебряников видит один из путей усовершенствования сравнительно-исторического метода в выработке четких примеров реконструкции. Большое значение для уточнения приемов реконструкции имеет привлечение новых материалов, разработка этимологии и диалектологии, привлечение данных истории. Б. А. Серебряников не согласился с Б. В. Горнунгом в том, что «существенным недостатком сравнительно-исторической методики является стремление к модернизации грамматического строя и звукового состава реконструируемых языков-основ, приближение их реконструкций к характеру развившихся из них языков, засвидетельствованных памятниками письменности». Ошибочность этого мнения доказывается тем, что в развитии звуков и форм есть цикличность: нет звуков и форм, присущих только древним или только новым языкам.

По докладам проф. А. И. Смирницкого и Б. В. Горнунга выступили также проф. Г. Д. Санжеев, М. М. Гухман и др.

Оживленную полемику вызвал также доклад В. Д. Левина, по поводу которого выступили: доктор филол. наук И. К. Белодед, канд. филол. наук И. С. Ильинская и проф. А. И. Ефимов.

И. К. Б е л о д е д высказал мнение о том, что сейчас основной задачей стилистических исследований является характеристика стилей общенародного языка, и утверждал, что вопрос о том, является ли язык художественной литературы функциональной разновидностью языка или нет, не относится к актуальным проблемам, требующим специального анализа. По его мнению, докладчик не вскрыл специфики языка художественной литературы.

И. С. И л ь и н с к а я не согласилась с И. К. Белодедом в том, что постановка докладов принципиального и общетеоретического характера по вопросам языка художественной литературы является сейчас не своевременной и не нужной, но она также признала спорными основные теоретические положения докладчика. И. С. Ильинская считает необоснованным утверждение докладчика о том, что язык художественной литературы не есть функциональная разновидность, «стиль» книжного языка. И. С. Ильинская подвергла критике аргументы, приводимые В. Д. Левиным в подтверждение этого положения (отсутствие элементов, составляющих специфику языка художественной литературы, и отсутствие замкнутости в использовании речевых средств, свойственной всем другим стилям, принципиальная многостильность языка художественной литературы). По ее мнению, язык художественной литературы имеет и свои специфические языковые элементы (например, такую роль играли старославянизмы в языке художественной литературы XIX в.), и определенную стилевую замкнутость. Ведь недаром же обвиняют авторов в том, что у них язык протокольный, казенный и т. п. Все подобные отрицательные характеристики указывают на то, что по отношению к языку художественной литературы вносителевые элементы употреблены вне определенной художественной мотивировки и не оправданы каким-либо художественным заданием.

В заключение И. С. Ильинская отметила, что первоочередной задачей в области изучения языка художественной литературы является разграничение сферы исследования лингвистов и литературоведов.

Докладчик в заключительном слове сказал, что он не может согласиться с положениями И. К. Белодеда и И. С. Ильинской; вопрос о том, соотносителен ли язык художественной литературы с функциональными стилями языка, очень важен; от его решения зависит и направление исследования, и его задачи, и определение специфики языка художественной литературы. Специфика языка художественной литературы не в материальных отличиях от общенародного языка, а в и с п о л ь з о в а н и и элементов общенародного языка. В языке художественной литературы не может быть ничего принципиально чуждого. Надо лишь учитывать, имеется ли художественная мотивировка, правильное использование элементов разных стилей.

В прениях по докладу К. В. Ломтатидзе приняли участие проф. В. И. Абаев, проф. И. К. Куцикьян, акад. И. И. Мещанинов и Ю. Д. Дешериев.

Все выступавшие отметили большое теоретическое и практическое значение доклада К. В. Ломтатидзе. Проф. В. И. А б а е в считает, что успехи, достигнутые грузинскими языковедами в деле изучения иберийско-кавказских языков, во многом объясняются умелой организацией работы, целесообразной расстановкой сил. Тбилисские языковеды стали изучать иберийско-кавказские языки по-новому: от экстенсивного изучения языков, не глубокого и не исчерпывающего, характерного для старого кавказоведения, они перешли к интенсивному, основательному, глубокому изучению близко родственных языков. Благодаря умелой расстановке сил тбилисские лингвисты достигли больших результатов, но и сейчас еще нет достаточного материала для построения сравнительной грамматики иберийско-кавказских языков; необходимо проводить еще большую исследовательскую работу по изучению отдельных групп языков, входящих в иберийско-кавказскую семью: картвельской, дагестано-кистинской, адгейско-абхазской. Кроме того, необходимо подготовить сравнительную грамматику картвельских языков, основанную на новейших данных. Эта грамматика должна быть издана на русском и грузинском языках, так как она имеет большое значение как для изучения всех иберийско-кавказских языков, так и для общего языкознания, являясь прекрасной школой сравнительно-исторического метода вообще.

В. И. Абаев остановился также на некоторых частных вопросах сравнительной лексикологии картвельских языков. По его мнению, при составлении сравнительной лексикологии картвельских языков необходимо привлекать материал неродственных языков Кавказа, соседствующих с ними с давних пор — армянского и осетинского. В этих языках сохранилось много таких форм, которые в самих картвельских языках не зафиксированы.

Канд. филол. наук Ю. Д. Д е ш е р и е в сказал, что работы тбилисских языковедов оказывают большую помощь изучению иберийско-кавказских языков на местах — в Дагестане, Кабарде, Нальчике. Он подчеркнул большое принципиальное значение доклада К. В. Ломтатидзе, убедительно, на большом фактическом материале,

доказавшей родство картвельских и горских кавказских языков, так как до сих пор многие еще не признают родства этих языков.

Акад. И. И. Мещанинов, отметив, что исследования тбилисских языковедов помогают ему в работе над языком Урарту, сказал, что он убедился в невозможности выявить характерные черты изучаемого языка без помощи сравнительно-исторического метода. Акад. И. И. Мещанинов заявил также, что прежде, идя по неверному пути «нового учения» о языке, он избегал применять сравнительно-исторический метод, пользуясь лишь типологическими сопоставлениями. Результатом этого был ряд ошибок. Теперь же, прибегая к сравнительно-историческому сопоставлению урартского языка с языками родственными, ему удалось глубже уяснить себе особенности структуры урартского языка.

Оживленно обсуждались в прениях также вопросы, поднятые в докладе Р. И. Аванессова (преимущественно принципы картографирования языкового материала).

В. М. Жирмунский, признав составление атласов русских народных говоров огромным делом национального масштаба, выразил свое несогласие с принципами картографирования, принятыми в Секторе истории русского языка и диалектологии Института языкознания. По его мнению, нужно помещать на карты не систему говора, интерпретированную составителем, а сам реальный языковой материал, занесенный в записные книжки наблюдателя, часто противоречивый, но отражающий динамику развития. Он считает необходимым также пересмотреть отношение к диалектологическому наследию, работам французских, немецких и итальянских ученых. Их работы должны быть серьезно изучены и использованы в той мере, в какой они могут быть нам пригодны.

Выступившие затем П. С. Кузнецов и канд. филол. наук В. Г. Орлова не согласились с предлагаемым В. М. Жирмунским принципами картографирования. В. Г. Орлова убедительно доказала неправильность этих принципов. Она показала, что подобные принципы уже осуществлялись на практике и не дали положительных результатов. Их взяли в основу картографирования Ф. Ш. Филли и Н. П. Гринкова: картографировался совершенно необработанный материал, в результате получалась разноречивость, карты отражали произношение отдельных слов, а не общие закономерности системы. Сотрудники Сектора истории русского языка и диалектологии, перед тем как помещать материал на карты, изучают его, обобщают, выясняют, насколько одни факты являются общими, другие единичными. Расклассифицированный таким образом материал подвергается критике специалистов и постоянно проверяется вновь поступающим материалом. Сводятся от картографирования материалы неполные, неквалифицированные, а те, которые противоречат принятой составителями системе. Кроме того, все, что не попадает в карты, помещается в примечания.

Вызвал возражение В. Г. Орловой и призыв В. М. Жирмунского внимательнее изучать в шире использовать работы зарубежных диалектологов. По мнению В. Г. Орловой, гораздо более ценными и полезными, чем работы, названные В. М. Жирмунским, являются труды русских ученых по диалектологии.

С дополнением к докладу, прочитанному Б. А. Серебrenниковым, выступила проф. К. Е. Матвеева, отметившая некоторые внутренние законы развития финно-угорских языков.

В прениях по докладу Т. С. Шарадзендзе приняли участие Б. А. Серебrenников, Г. Д. Санжеев и М. М. Гухман.

Признав правильную резкую и принципиальную критику теорий западноевропейских лингвистов о существовании европейского «языкового союза» в докладе Т. С. Шарадзендзе, Б. А. Серебrenников сказал, что само понятие «языкового союза», освобожденное от идеалистического налета, находит подтверждение в фактах языка и потому не противоречит понятию языковой «семьи», а следовательно, имеет право на существование. Термин «языковый союз» означает группу языков, обычно различных по происхождению, но расположенных на смежной территории и обладающих определенными сходными чертами как в области фонетики, морфологии, синтаксиса, так и в области словарного состава. Такие языковые союзы составляют балканские языки, языки чувашский и мордовский.

Г. Д. Санжеев считает неправомерным само понятие «языкового союза» и предлагает говорить об общих локальных чертах, свойственных определенным языкам.

М. М. Гухман, признавая совершенно правильную критику зарубежных теорий в докладе Т. С. Шарадзендзе, указала, что лучше было бы привлечь другие материалы зарубежного языкознания, а не тратить много времени на критику слабой книги Беккера. Кроме того, в докладе следовало бы осветить связь порочной идеи «языкового союза» с пропагандой космополитизма, непосредственно связанной с шовинизмом современной англо-американской реакции. М. М. Гухман считает, что факты, приводимые Б. А. Серебrenниковым, не образуют системы и не свидетельствуют о наличии «языковых союзов». Поэтому, по мнению М. М. Гухман, понятие «языкового союза» должно быть исключено из нашего языкознания как антинаучное и используемое в политически-реакционных целях.

В своем заключительном слове Т. С. Шарадзенидзе сказала, что теоретически допустимо признать возможность классификации по «языковым союзам», но практически для такой классификации нет данных, так как общие черты в лексике отдельных языков ни о чем не свидетельствуют, а общие черты в грамматике могут быть не только в соседних языках и объясняются параллельным возникновением различных явлений в разных языках.

После заключительного слова докладчиков выступил акад. В. В. Виноградов, который подвел итоги совещания и очертил круг проблем, над которыми должны работать советские языковеды в будущем году. Акад. В. В. Виноградов выразил надежду, что в заседания Института будут включаться все более широкие круги советских языковедов и призвал всех языковедов отметить следующую годовщину выхода в свет гениальных работ И. В. Сталина еще большими достижениями. Объединенная творческая работа всех советских языковедов ускорит движение советского языкознания по пути осуществления великой задачи, поставленной перед языковедами лучшим другом советских ученых И. В. Сталиным, — обогнать языкознание других стран, доказать превосходство советской науки.

В конце заседания присутствующие обратились с письмом к И. В. Сталину, которое явилось выражением их любви, преданности и желания быть достойными помощи, оказываемой советской науке товарищем Сталиным.

Е. А. Земская

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

С 20 по 24 мая 1952 г. проходила вторая диалектологическая конференция, созванная Институтом языкознания АН СССР. На конференции были подведены итоги диалектологической работы, проделанной за время после первой диалектологической конференции (май 1951 г.), и намечены перспективы дальнейшей работы.

В своем вступительном слове акад. В. В. Виноградов отметил, что в области диалектологии указанный период характеризуется бурным накоплением нового фактического материала. Интенсивно изучаются диалекты как русского, так и других языков народов Советского Союза. Значительным достижением русской диалектологии является составление двух томов атласа русского языка — «Атласа русских говоров центральных областей к востоку от Москвы» и «Атласа северо-западных говоров». Работа по составлению диалектологических атласов разворачивается на Украине и в Белоруссии.

Акад. Виноградов указал на необходимость широкого исторического обобщения накопленного диалектологией материала, который совместно с другими историко-лингвистическими данными позволит проследить пути развития языков от языков племенных к языкам народностей и затем к языкам национальным.

Положение И. В. Сталина о народно-диалектной основе национального языка ставит перед диалектологами ряд теоретических и практических задач. Чрезвычайно глубокой и важной является проблема соотношения территориальных диалектов с общенациональным языком. Соотношение их различно в зависимости от конкретно-исторических условий.

Развивая эту проблему, акад. Виноградов подчеркивает, что диалект не есть только форма отношения к общенародному языку, но и отвлечение от него. Развитие диалектов находится в неразрывной связи с историческим процессом развития народа. При этом имеет место как взаимодействие диалектов с общенародным языком, так и друг с другом.

Основные структурные изменения охватывают язык в целом, включая все его диалекты. Некоторые явления в области грамматики и лексики, характерные сначала для отдельных территориальных диалектов, могут проникать в общенародный язык как в период формирования национального языка при концентрации диалектов, так частично и в процессе его дальнейшего развития.

Все разнообразие соотношений и взаимодействий между общенародным языком, как высшей формой, и диалектами, как формой подчиненной, необходимо учитывать при решении вопросов, связанных с развитием младописьменных языков, что приобрело в нашей стране исключительное общественно-культурное и политическое значение. Акад. Виноградов подчеркнул всю важность диалектологии для истории языка и для сравнительно-исторического изучения родственных языков. Остановившись далее на вопросе о классовых жаргонах, он наметил те линии, по которым должно идти изучение возникновения и функционирования классовых жаргонов, их разрушения и частичного использования их элементов в общенародном языке.

Участники конференции заслушали четыре доклада, посвященных изучению русских говоров ряда областей. Итогом работы над атласами русских говоров, составленных коллективом сотрудников Сектора истории русского языка и диалектологии

Института языкознания, были посвящены доклады ст. научн. сотр. Института д-ра филол. наук Р. И. Аванесова и канд. филол. наук С. С. Высотского.

Р. И. А в а н е с о в в своем докладе на тему: «К итогам работы над «Атласом русских народных говоров центральных областей» сказал, что успешное завершение работы над первыми атласами русских говоров оказалось возможным лишь на основе сталинского учения о языке и диалекте. Он остановился на том, какое значение имеет атлас для разрешения общих теоретических проблем и конкретных вопросов диалектологии и истории русского языка.

На материале атласа могут быть по-новому освещены такие важные лингвистические проблемы, как проблема связи между развитием языка и историей народа, проблема нивелировки диалектов, проблема скрещивания, проблема взаимоотношения между разными структурными элементами языка, проблема внутренних законов языкового развития; атлас дает возможность поставить на новом фактическом материале целый ряд вопросов об историческом развитии русского языка в его говорах в связи с историей русского народа, о развитии его структурных элементов, о характере диалектных различий русского языка и т. д.

Особенно подробно остановился Р. И. Аванесов на трех конкретных выводах, которые получаются при рассмотрении важнейших типов изоглосс на картографированной территории и при сопоставлении их с данными истории и археологии, которые частично отражены на вспомогательных исторических картах атласа.

Общая картина, которую дают карты атласа, свидетельствует о чрезвычайной сложности многовековой истории, пережитой русским языком и его носителем на территории атласа. Сопоставление основных пучков изоглосс с данными исторических карт свидетельствует об известной их близости с границами тех феодальных княжеств и земель, которые глубоко отличны в своем историческом прошлом, население которых восходит к разным этническим группам.

Так, например, изоглоссы, отрезающие юго-запад картографированной территории (γ, m' в 3 л. глаголов наст. вр., форма местоимений род.-вин. пп. *мне, тебе, себе, слова де жа, корец, желеня* и др.), совпадают по общим сочетаниям с границей феодальных княжеств, которые были населены потомками вятичей. В тех местах, где границы племенные и феодальные не сходятся, языковые границы идут обычно ближе к границам феодальной эпохи.

Новый интересный материал дает атлас для освещения проблемы средневеликорусских говоров. Атлас показывает, что границы тех явлений, по которым авторы «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» выделяли полосу средневеликорусских говоров (оканье и аканье, z и γ, m и m'), проведены в общем довольно верно. Однако само повятие средневеликорусских говоров в значительной мере уточняется: на этой территории можно наблюдать динамику взаимоотношений между юго-западной частью и остальной территорией; полоса средневеликорусских говоров по сути дела представляет собой широкий пучок изоглосс, самые нижние из которых отрезают юго-запад картографированной территории, о чем говорилось выше. Ряд изоглосс южных по происхождению явлений распространяется значительно дальше к востоку и северу.

Отдельные изоглоссы заходят на север значительно дальше, чем изоглосса оканья и аканья (северная граница средневеликорусских говоров). Повидимому, в полосе средневеликорусских говоров имели место процессы взаимодействия южных и северных элементов уже в более поздний период, период уничтожения феодальных границ. Специфика этой территории стыка северновеликорусского и южновеликорусского наречий сказывается еще в наличии здесь ряда особенностей, не отмеченных за ее пределами (окончание *-уй* в твор. п. ед. ч. ж. р. сущ. на *a* с ударением на основе: *палкуй, мамуй* и соответственных форм прилагательных: *тонкуй, белуй*; гласный *a* и *e* в безударных окончаниях глаголов II ср. п.: *ходиль, ходешь*; формы им. п. мн. ч. местоимений *оны*; форма предл. п. мн. ч. сущ. типа *в домаѣ* и некоторые другие). Происхождение некоторых из этих особенностей, по всей вероятности, является результатом взаимодействия говоров севера и юга.

Из диалектных особенностей, характерных для данной теории, лишь немногие можно связывать с иноязычной подосновой (цоканье, шипящий звук в произношении мягких зубных согласных, изменение *e* в начале слова перед губными в заднеязычный фрикативный: γ *Москву, а поле* и некоторые другие).

Р. И. Аванесов остановился далее на том, как материалы атласа помогают решать конкретные вопросы истории русского языка.

Карты показывают территорию распространения диалектных особенностей, иногда очень существенно изменяя прежние представления об этом. Так, такие явления, как произношение *б* (*бу*) на месте старого *о* под восходящим ударением и произношение *ѣ* (*иѣ*) на месте *ѣ*, связывавшиеся ранее с севером, оказались широко распространенными на территории южнорусского наречия.

Изучение структуры языковых явлений и их территориального распределения в тесной связи с историей народа позволяет в некоторых случаях установить хронологию языковых явлений.

Атлас дает сведения о ряде таких явлений, которые раньше были мало известны или совсем неизвестны (например, об отсутствии перехода *e* в *o* в ряде говоров, о оглушении конечных звонких гласных и т. д.).

Карты позволяют изучить структурную связь явлений на большом фактическом материале при фиксации территории распространения этих явлений (например, смягчение *к* после мягких согласных и цоканье, формы 3 л. глаголов без *т* у разных групп глаголов на фоне форм с *т* и *т'* других групп глаголов и т. п.). На материале атласа можно решать вопрос о соотношении общего и частного в пределах одного языкового явления (например, изменение *a* в *e* между мягкими согласными как черта языковой системы и это же явление в отдельных словах и др.). Наглядно показав большое научное значение «Атласа русских народных говоров» центральных областей к востоку от Москвы», Р. И. Аванесов подчеркнул в заключение, что окончательное решение многих общих проблем и конкретных вопросов истории русского языка будет возможно лишь после составления атласов русских говоров других важнейших областей.

Первые научные обобщения изучения говоров северо-западных областей заключались в докладе С. С. Высотского на тему: «Итоги диалектологического изучения территории «Атласа русских народных говоров северо-западных областей». Отметив, что данный атлас связан с «Атласом русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» единством методологических установок и приемов картографирования, докладчик указал на те значительные трудности, которые возникли в первый период работы над атласом из-за плохого качества части материалов, собранных по парочному «Вопроснику» ИЯМ. В связи с этим пришлось значительно уменьшить территорию, первоначально намеченную к картографированию. С. С. Высотский отметил далее, что научные результаты составленного тома атласа подтверждают положение Н. В. Сталина о реальности территориальных диалектов, обладающих своим грамматическим строем и основным словарным фондом. На картографируемой территории прослеживается совпадение хорошо выраженного пучка изоглосс с границами старой Исковской земли и до некоторой степени с более древними племенными. Указав на то, что атлас значительно уточняет данные о группировках русских говоров в этих областях, имеющиеся в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе», С. С. Высотский привел и некоторые иллюстрации: если южная граница северновеликорусского наречия подтверждается и для настоящего времени данными атласа, то северная его граница значительно изменилась в связи с образованием на побережье Финского залива и около Ленинграда средневеликорусских говоров, очевидно, новейшей формации. Недостаточно ясно подтверждается граница между двумя зонами средневеликорусских говоров так называемых 1-й и 2-й группы. Вскрываются новые диалектные границы: 1) резко очерченный замкнутый ареал, условно называемый «Гдовским островом» (территория около г. Гдова); 2) вертикальная линия через озеро Ильмень; 3) диагональ с северо-запада на юго-восток. Атлас изменяет представление о территории распространения отдельных языковых явлений: произношение *ь* как *и*, считавшееся прежде одним из признаков Новгородской группы северновеликорусских говоров, оказывается распространенным только в восточной части картографируемой территории, а за ее пределами лишь в отдельных населенных пунктах. Раньше считалось, что формы типа *плотись*, неопр. накл. типа *несть*, повел. накл. типа *голожь*, деепричастия на *-миш*, слова *корец*, *жагло* и др. отсутствуют на территории северновеликорусского наречия. По данным атласа они там отмечены. Наоборот, считавшиеся типично северными формы типа *пахали плугам*, слова *векна*, *орать* (пахать), *ладонь* (= гумно), некоторые синтаксические особенности, оказывается, отмечены и за пределами северновеликорусского наречия.

С. С. Высотский остановился затем на некоторых диалектных особенностях, до сих пор не известных или известных весьма недостаточно. Большой интерес представляют новые типы предупредительного вокализма, отмеченные в районе г. Гдова. Это типы, переходные от северновеликорусского *оканья* (в широком смысле) к *акашью*. В основе их лежит зависимость от гласного ударного слога, но зависимость эта — иного происхождения, чем в различных подтипах диссимильтивного и ассимильтивно-диссимильтивного *яканья* на территории южновеликорусских говоров. В значительной части говоров с переходными типами предупредительного вокализма отмечен почти полный параллелизм в изменениях гласных первого предупредительного слога после твердых и после многих согласных, что особенно ярко подтверждает наличие единых действующих здесь принципов. Интересны также такие редкие диалектные формы, как формы 3 л. глаголов на *-та* (*он едетта*, *они несутта*), формы неопр. накл. с твердым *т* (*ходит*), уникальные формы род. п. ед. ч. прилагательных м. и ср. рода (*новог*, *одног*).

О некоторых итогах проделанного им обследования орловских говоров сообщил в своем докладе на тему «Опыт изучения орловских говоров» С. И. Котков (Орловский педагогический институт).

Подчеркнув особую важность изучения данных говоров в свете указания Н. В. Сталина на курско-орловскую речь как основу русского национального языка, докладчик отметил, что орловские говоры, обладая всеми признаками южновеликорусского наречия, выделяются в его составе как своеобразное ядро, в котором южно-

великорусские черты представлены в наиболее стройном и развернутом виде. Орловские говоры вместе с курскими и частью калужских образуют известное единство в пределах южновеликорусского наречия, объединяясь по ряду черт, например по типам яканья, характеризующихся более широким осуществлением принципа диссимилативности. Деление же орловских говоров на западные и восточные основано на более второстепенных различиях.

Диалектные признаки орловских говоров, в частности типы яканья, являющиеся звеньями единой цепи, опровергают представление о «запустении» орловско-курской территории в период XIV—XVI вв. Можно думать, что курско-орловские говоры сложились довольно рано и ко времени формирования русского национального языка представляли собой единый диалект, который в определенных исторических условиях оказался способным играть такую существенную роль в процессе формирования русского национального языка. Указав далее, что представить полностью картину участия курско-орловских говоров в процессе формирования национального языка можно будет лишь после многих всесторонних исследований о русском языке XVI—XVII в. в его диалектах С. И. Котков привел некоторые данные, свидетельствующие о роли орловских говоров в этом процессе: он отметил, что ряд явлений литературного языка, возводившихся ранее к северновеликорусскому наречию, оказывается более или менее распространенным также и в южных говорах (случай *ѣ* из *е* на месте *ь* типа *ѣбра*, окончание *-оо* в род. п. ед. ч. м. и ср. р. местоимений и прилагательных, слова *изба*, *волк* и др.); по некоторым чертам безударного вокализма орловские говоры сближаются с литературным языком, например, по системе аканья: докладчик указал на близость синтаксического строя южнорусского наречия к синтаксическому строю литературного языка, а также на ряд явлений из области морфологии.

Проф. В. А. Малаховский (Куйбышевский педагогический институт) прочел доклад на тему: «Несколько поправок к диалектологической карте русского языка в Европе (к вопросу о границах поволжского южновеликорусского острова)». Он показал, что материал, собранный для атласа юго-востока Европейской части СССР (среднее Заволжье и Урал), позволяет значительно уточнить сведения об этих говорах, данные в «Опыте диалектологической карты» М. Д. К. Согласно новому материалу, иначе очерчивается граница южновеликорусского острова на данной территории: в пределах среднего Заволжья оказались средневеликорусские говоры, что не было отмечено ранее; как средневеликорусские характеризуются также говоры Урала, отнесенные составителями «Опыта диалектологической карты» к северновеликорусским.

В прениях по докладам приняли участие проф. П. С. Кузнецов, проф. В. И. Боровковский, проф. Р. И. Аванесов, проф. С. А. Копорский, проф. И. Г. Голанов, доц. В. Г. Орлова, доц. Г. Г. Мельниченко, доц. Л. И. Баранникова и др.

Участники конференции заслушали доклад научн. сотр. Института С. В. Брэмлей, посвященный анализу качества диалектологических материалов, собранных для «Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы» и для «Атласа курско-орловских говоров», которые подлежат картографированию в ближайшее время. С. В. Брэмлей подробно остановилась на важнейших недостатках вновь собранных материалов, главные из которых связаны с непониманием сущности вопросов «Программы» и применением порочного метода собирания материалов путем прямого опроса, а также с недостаточным владением фонетической транскрипцией. Она подчеркнула необходимость улучшения подготовки студентов к диалектологическим экспедициям.

С докладами о работе, проделанной по собиранию материалов для «Атласа курско-орловских говоров» и «Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы», и о планировании дальнейшей работы выступили сотрудники Института канд. филол. наук И. А. Оссоветский и Л. П. Жуковская. После чего были заслушаны выступления представителей различных вузов и научных учреждений, посвященные вопросам диалектологической работы на местах.

Обсуждение всех организационных вопросов, связанных с диалектологической работой на ближайшее время (планы экспедиций, подготовка кадров, вопросы финансирования и т. д.), было подытожено в выступлении зав. Сектором истории русского языка и диалектологии Института В. Г. Орловой.

В. Г. Орлова обратила внимание участников конференции на то, что важнейшей задачей на ближайшее время является собирание материалов для двух томов атласа, картографирование которых запланировано на текущую пятилетку, а также на необходимость улучшения подготовки диалектологических кадров.

В последний день работы конференции были прослушаны и обсуждены сообщения: «Говоры западных районов Брянской области» — д-ра филол. наук П. А. Расторгуев а. «Говоры старожилческого населения Туруханского района Красноярского края» — канд. филол. наук Н. А. Цомакон, «Синтаксис говоров Гремячского района Воронежской области» — канд. филол. наук В. И. Собинниковой.

В заключение работы конференции была принята резолюция, в которой отмечается, что советскими диалектологами проделана большая работа по преодолению

ошибок антимарксистского в своей сущности «нового учения» о языке и по перестройке методологии и методики научного исследования народных говоров на основе гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языковедения. В резолюции отмечалось далее, что завершение двух атласов русских народных говоров имеет большое научное значение для разработки вопросов диалектологии и истории русского языка и истории формирования русского языка.

Первоочередной задачей, стоящей перед диалектологами, было признано повышение качества собираемых для атласов материалов, улучшение подготовки студентов к диалектологическим экспедициям, а также усиление темпов обследования территории атласов, запланированных на текущую пятилетку. Было признано также чрезвычайно важным продолжение работы по атласам, картографирование которых отнесено на более далекое время. В резолюции были отмечены вузы, принимающие наиболее активное участие в диалектологической работе, и вузы, отстающие в этом отношении. Было признано целесообразным популяризировать итоги работы над атласами русского языка в периодической печати и специальных изданиях. Конференция обратилась к Институту языковедения и Издательству АН СССР с просьбой о скорейшем издании составленных атласов, огромное значение которых для науки о русском языке не подлежит сомнению.

И. В. Кузьмина, О. Н. Морозовская

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АСПИРАНТОВ

10—11 июня 1952 г. состоялась научная конференция аспирантов Института языковедения АН СССР, посвященная второй годовщине опубликования классических трудов И. В. Сталина по языковедению. Доклады аспирантов охватывали различные проблемы языковедения и основывались на материале многочисленных языков народов Советского Союза и зарубежных стран.

Актуальной проблеме взаимосвязи и взаимодействия как родственных, так и неродственных языков были посвящены доклады М. А. Хегая и М. Н. Шабалина.

М. А. Х е г а й в своем докладе о языковом заимствовании отметил, что вопрос о заимствовании органически связан с проблемой исторического развития языков. Всю историю языкового заимствования, говорит докладчик, условно можно разбить на три этапа. На первом этапе заимствования слова, принятые из чужого языка, служат главным образом для названия новых предметов и понятий. Могут также заимствоваться отдельные словообразовательные формативы, стилистические средства, лексические и фразеологические кальки. Все заимствования этого этапа, за небольшим исключением, целиком входят в сферу действия внутренних законов «заимствующего» языка. На втором этапе заимствования наряду со словами, обозначающими новые предметы и понятия, заимствуются слова, которые являются синонимами или дублетами слов, существующих в «заимствующем» языке. На третьем этапе заимствования «заимствующий» язык постепенно ассимилируется другим языком. Докладчик подчеркнул, что в СССР и в странах народной демократии, где на основе ленинско-сталинской национальной политики созданы все условия для свободного развития национальных языков, об ассимиляции последних не может быть и речи. Здесь можно говорить лишь о благотворном взаимовлиянии языков при особой роли великого русского языка, являющегося мощным источником обогащения и совершенствования национальных языков.

Темой доклада М. Н. Ш а б а л и н а был вопрос взаимодействия близкородственных языков. В труде «Марксизм и вопросы языковедения» И. В. Сталин подчеркнул, что изучение языкового родства славянских наций принесло бы языковедению большую пользу в деле изучения законов развития языка. В этой связи, говорит докладчик, исследование, в частности, современных народных говоров Кубани дает очень интересный материал. Народные говоры нагорной полосы Кубани сложились почти столетие тому назад на базе слияния родственных славянских языков — русского и украинского. По причинам социально-исторического характера, а также в связи с некоторым количественным перевесом русского населения над украинским русский язык в этих районах постепенно становится преобладающим. Однако украинский язык не исчез бесследно. Анализируя конкретный материал, докладчик показывает, что наибольшее количество украинизмов обнаруживается в словаре изучаемых говоров; черты украинского происхождения имеются также в их фонетической системе и синтаксическом строе. Менее всего влияние украинского языка сказалось на морфологии. Фонетические и синтаксические украинизмы оказались наиболее живучими в тех случаях, когда в самом русском языке в силу законов его развития издавна наблюдались известного рода колебания.

В своем докладе «К истории относительных конструкций в русском языке XIII—XVII вв.» А. И. С у м к и н а сообщила, что для выражения относительной связи в древних памятниках употребляются указательные местоимения *изже, лже, еже*.

В основном с XIV в. начинают входить в употребление относительные конструкции с вопросительными местоимениями состоящие из главной и зависимой частей. Зависимая часть по отношению к главной может занимать препозитивное и постпозитивное положение и присоединяться с помощью различных союзных слов (*который, кто, что, кои, каков* и др.). Древнейшими конструкциями этого типа являются предложения с местоимениями *кто* и *что*, употреблявшиеся в языке грамот уже с XIII в. Местоимение *который* сохраняет в языке древнейших памятников свое первоначальное значение вопросительности или неопределенности. В заключение А. И. Сумкина отметила, что изучение относительных конструкций является яркой иллюстрацией положения И. В. Сталина о том, что структура языка, его грамматической строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох¹.

А. А. Коклянова прочитала доклад на тему: «Согласование, как один из способов связи членов предложения в узбекском языке». Этот способ синтаксической связи, отмечает докладчик, существует между членами предикативных и атрибутивных конструкций и характеризуется наличием в одном из членов конструкции грамматических форм другого ее члена.

Темой доклада Н. Д. Арутюновой были «императивные» имена существительные в современном испанском языке. «Императивными» существительными в испанском языке принято называть сложные слова, в состав которых входят глагольный и именной компоненты (*el guardagorras* «гардероб» — на базе глагола *guardar* «хранить» и существительного *gorra* «одежда»). Форма глагольного компонента рассматривается докладчиком с точки зрения ее этимологии и значения в современном языке. По своему происхождению это — форма повелительного наклонения 2-го лица ед. числа. Но в современном испанском языке глагольный компонент сложных слов этого типа имеет значение 3-го лица ед. числа настоящего времени изъявительного наклонения. «Императивные» имена существительные, отмечает докладчик, являются сложными словами не только по своему происхождению, но остаются таковыми и в современном испанском языке.

М. И. Исаев сделал доклад «О вокализме осетинского языка». В звуковых соответствиях осетинских диалектов, сказал М. И. Исаев, существует определенная закономерность: историческому дифтонгу *ai* соответствует в дигорском *e* и в иранском *i* «долгое». Однако в ряде случаев *i* «длинное», или «сильное», встречается и в дигорском диалекте, в котором звук *i* относится языковедами к числу «слабых», или «кратких», гласных. Анализируя слова дигорского диалекта с *i* «долгим» с точки зрения смысловозначительной функции этого звука, докладчик устанавливает, что в этом диалекте звук *i* «долгий» является самостоятельной фонемой а не вариантом звука *i* «краткого», и, следовательно, в данном диалекте представлено 7 фонем, а не 6, как считалось до сих пор.

Доклады аспирантов вызвали оживленные прения, протекавшие в атмосфере товарищеской критики. Особенно много высказываний и споров было по докладу М. А. Хегая. Выступившие аспиранты Н. Б. Шевелев, М. Х. Партенадзе, М. И. Исаев, Д. И. Арбатский, Е. Л. Голубева, У. Ш. Байчурра, М. Т. Тагиев, А. А. Уфимцева и А. А. Коклянова отметили несомненный научный интерес и своевременность доклада, но одновременно указали на его схематичность, недостаточность привлеченного фактического материала, на нечеткую разграниченность вопросов заимствования и взаимодействия языков, как родственных, так и неродственных.

Выступавшие по докладу М. Н. Шабалина аспиранты Е. Л. Голубева, М. Х. Партенадзе, К. И. Маков и И. А. Паршутин говорили о содержательности его работы, о насыщенности ее фактическим материалом. Вместе с тем было отмечено, что М. Н. Шабалин исследовал не столько исторические процессы взаимодействия двух близкородственных языков (русского и украинского), сколько результаты этого взаимодействия. Исторический подход к материалу ограничивался преимущественно областью фонетики, но и в характеристике фонетических явлений был ряд спорных определений.

Обсуждая синтаксические вопросы, М. И. Абрамович отметила, что А. И. Сумкина рассматривает относительное подчинение в его развитии в древнерусском языке, но недостаточно останавливается на сравнении относительных предложений в древнерусском и в современном русском языке. Р. Г. Шахманова говорила о том, что вопросы согласования в узбекском языке почти не изучались. Она указала, что А. А. Коклянова делает смелую попытку философского обоснования исследуемых явлений синтаксиса.

По докладу Н. Д. Арутюновой выступила В. Н. Прусакова, которая отметила, что докладчик убедительно показал процесс перехода от словосочетания к сложному существительному в испанском языке, хотя и недостаточно четко определил изучаемые им «императивные существительные». З. А. Лебова подчеркнула, что в докладе, при его несомненных достоинствах, не освещен вопрос о продуктивности указанного типа образований в испанском языке.

Выступая по докладу М. И. Исаева, аспирант А. Алимова сказала, что тема и содержание доклада имеют значение и для краеведов, и для общего языкознания. Су-

¹ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат 1952, стр. 26.

ществует факт установления седьмой фонемы в диалекте осетинского языка. Однако докладчиком не установлены еще связи явления вокализма осетинского языка с фонетическими явлениями в других ираиских языках. У. Ш. Байчура отметил, что в работе М. И. Исаева требуют уточнения приемы и принципы экспериментального фонетического исследования, транскрипция и терминология.

Выступившие в прениях зам. директора Института языкознания Б. А. Серебряников и ст. научн. сотр. В. И. Абаев сделали по докладам аспирантов ряд критических замечаний и дали докладчикам ценные указания и советы.

Закрывая конференцию, проф. В. И. Борковский отметил научную зрелость докладов аспирантов, принципиальность и остроту критики в аспирантской среде, свидетельствующие о той значительной работе по перестройке подготовки кадров молодых лингвистов, которая была проделана в 1951—1952 уч. году в Институте языкознания АН СССР.

А. Н. Робинсон

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Журнал «Большевик» (№ 16 за 1952 г.) поместил рецензию Н. Касьянова на журнал «Вопросы языкознания». Рецензия правильно указывает на основные недостатки журнала. Так как работа над № 5 и 6 уже закончена, редакционная статья, посвященная вопросу о дальнейшей работе журнала и об улучшении его качества, будет опубликована в № 1 за 1953 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

А. В. Федоров. Основные вопросы теории перевода	3
Г. В. Степанов. О стиле художественной литературы	23
П. С. Кузнецов. Вопросы сравнительно-исторического изучения славянских языков	38

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. И. Абаев. О принципах этимологического словаря	56
М. Н. Петерсон. О составлении этимологического словаря русского языка	70

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Б. А. Грифцов. Заметки по технике перевода	79
--	----

КРИТИКА БУРЖУАЗНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

О. С. Ахманова. О методе лингвистического исследования у американских структуралистов	92
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. А. Звегинцев. <i>Carl Darling Buck, A dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages</i>	106
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Э. Б. Агаян. Языкознание в Армении	110
Э. В. Севортян. Языкознание в Узбекистане	116

В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Е. А. Земская. Заседание Ученого совета Института, посвященное второй годовщине опубликования трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания	122
И. Б. Кувьмина, О. Н. Мораховская. Диалектологическая конференция	128
А. Н. Робинсон. Научная конференция аспирантов	132

Р е д к о л л е г и я :

С. Г. Вархударов, Н. А. Васкаков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии),
Р. А. Вудагов, В. В. Виноградов (главный редактор), А. И. Ефимов,
Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Самжеев (зам. главного редактора),
В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова

Адрес редакции: Москва, Волховка, 18/2, тел. К-4-01-28.

Т—07716 Подписано к печати 4.X. 1952 г. Тираж 15000 экз. Зак. 442
Формат бум. 70×108¹/₁₆ Бум. лист. 4¹/₄ Печ. л. 11,64 Уч.-изд. л. 13,5

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ОТ РЕДАКЦИИ

В журнале «Вопросы языкознания» печатаются статьи, посвященные вопросам общего языкознания, развития языков народов СССР и зарубежных стран, истории отечественного языкознания, разоблачению реакционной сущности буржуазной идеалистической лингвистики, а также дискуссионные материалы по наиболее важным проблемам советского языкознания.

Статьи, опубликованные в других советских или иностранных научных органах, не могут быть напечатаны в «Вопросах языкознания».

Объем статьи не должен превышать, как правило, $1\frac{1}{2}$ авт. листов (около 40 стр. машинописи).

Рукописи должны представляться в совершенно готовом для печати виде, хорошо обработанными литературно и подписанными автором, с указанием его фамилии, имени и отчества, места работы и адреса.

Авторская правка в сверстанных листах не допускается.

Статьи представляются в редакцию в двух экземплярах, четко переписанными на машинке на одной стороне листа через два интервала.

Неприятные рукописи, как правило, авторам не возвращаются.